

Полковник Никто

Алексей Суконкин

Эта книга – художественная эпитафия «новому облику» нашей Непобедимой и Легендарной, ущербность которого была более чем убедительно доказана в ходе первого этапа специальной военной операции.

В полностью придуманной художественной книге герои, оказавшиеся в центре событий специальной военной операции, переживают последствия реформ, благодаря которым армия в нужный момент оказалась не способна решить боевую задачу. На пути к победе, вымышленным героям приходится искать способы избавления от укоренившихся смыслов «нового облика», ставшего причиной военной катастрофы.

Конечно, эта книжка «про фантастику», но жизненно-важные моменты изложены буквально на грани дозволенного. Героизм и подлость, глупость и грамотность, правда и ложь, реальность и придуманный мир военных фотоотчётов – об этом идёт речь в книге.

А ещё, эта книга - о торжестве справедливости.

Алексей Суконкин

ПОЛКОВНИК НИКТО

Все события и персонажи книги вымышлены,
а совпадения случайны.
Я не допущен к сведениям, составляющим ГТ.
Эта книга – от корки до корки выдуманная фантастика.
А сам я - Фантаст.

ПРОЛОГ

Как только Игорь Котлов открыл дверь подъезда и вышел на улицу, в лицо тут же ударила острая позёмка холодного декабрьского утра. Чтобы дойти до стоянки, нужно было обойти огромный элитный дом. Пока Игорь преодолевал это расстояние, он в очередной раз корил себя за отказ от приобретения второго парковочного места в подземном гараже жилого комплекса. Когда он приобретал в этом доме квартиру, одно парковочное место входило в стоимость жилья, а за второе продавцы уже просили отдельную оплату. Тогда, в начале весны, ему показалось, что второе место будет излишним, при том, что его цена была сопоставима с половиной стоимости автомобиля... однако, наступившая зима в полной мере доказала ошибочность прежнего решения.

Игорь понимал, что подходило время что-то менять – надо было или покупать ещё одно место, или как-то уговорить супругу хотя бы иногда меняться местом парковки. И если первый вариант был, в принципе, решаем, то к обсуждению второго даже приступать было бессмысленно – Котлов тут же очень ярко представил себе грандиозный скандал, который могла учинить Светочка на предложение хотя бы изредка ставить её машину на морозе.

Так что, «Майбах» супруги стоял в тёплом подземном гараже, а его «Гелендваген» сейчас прогревался на открытой стоянке.

В машине было ещё холодно, разве что нагретое кресло пришлось весьма кстати – зимняя жизнь Котлова протекала практически полностью в помещениях, дом-работа-кабак-гипермаркет-дом, и как следствие, не требовала серьёзной зимней одежды. Давно уже прошли те времена, когда ему приходилось выполнять какую-то работу на уличном морозе, ныне он был исключительно кабинетным работником интеллектуального труда. Того самого труда, который требовал тёплого кабинета - офиса. Offace– вне холода.

По проспекту Маршала Жукова промчались уборочные трактора, поднимая позёмку вращающимися щётками, и Игорь выехал сразу за ними, едва не зацепив несущийся «Мерин». До работы было недалеко, всего несколько минут езды, в течение которых в машине успевало

прозвучать три-четыре трека разных исполнителей. Снова стоянка, короткая перебежка до КПП, предъявить пропуск, затем полсотни метров до входа в главное здание, здесь снова предъявить пропуск, получить у дежурного ключи, затем несколько этажей по лестнице и спустя пару минут Игорь уже отпирал свой рабочий кабинет, сорвав печать.

Повесив куртку в шкаф, Котлов посмотрел на себя в зеркало, стряхнул невидимую пыль с погон и улыбнулся:

- Ну, с последним рабочим днём, товарищ полковник!

Календарь показывал 31 декабря 2021 года.

ГЛАВА 1

Игорь откровенно нравился себе – он действительно был красавчиком: в чертах его лица дамы безошибочно узнавали Ди Каприо, настолько высока была схожесть Котлова с известным киноактёром. Эта схожесть много раз помогала ему в жизни, заставляя судьбу совершать головокружительные повороты – и всегда на лучшую дорогу, которая, как он вначале считал, вела только в сторону процветания, успеха и благополучия.

Ди Каприо, конечно, не знал, как схожесть с ним в начале 2000-х годов в забытом богом гарнизоне заставила жену командира одного из полков гвардейской мотострелковой дивизии Дальневосточного военного округа влюбиться без памяти в молодого командира взвода, недавнего выпускника Ленинградского общевойскового военного училища, который ко всему прочему, щеголял богатыми знаниями глубинного мира культурной столицы.

Закрутившийся «таёжный роман» могли «не увидеть только лишь не все», однако, глубоко пьющему от окружающей безнадёги командиру полка сей факт был совершенно безразличен. В стремлении качественно улучшить и углубить контакты с неутомимым и весьма любвеобильным лейтенантом, который по долгу службы буквально пропал в казарме, супруга полковника, через свою подругу, жену заместителя командира дивизии, смогла перевести Котлова в штаб соединения, где ему нашлось место в разведывательном отделе.

Работа в штабе имела множество привилегий, одна из которых заключалась в том, что лейтенант, обосновав своё отсутствие некой служебной необходимостью, мог не появляться на своём рабочем месте – такова была реальность. Естественно, всё это время 23-летний ненасытный гардемарин не слезал с сорокалетней нимфоманки, открывшей для себя второе и третье дыхание любовных страстей.

Фактический контроль за служебной деятельностью лейтенанта Котлова был утрачен ещё и потому, что начальник разведки дивизии в это время находился с разведывательным батальоном в Чечне, а его заместитель, оставшийся на хозяйстве по причине своей полной профессиональной несостоятельности, традиционно для данной

местности безостановочно злоупотреблял спиртными напитками, уделяя внимание службе лишь в день получения зарплаты. Единственно, что требовал от Котлова безвольный зам, это предоставление еженедельных справок о вероятном характере действий противника, который находился по ту сторону расположенной неподалёку государственной границы. Томимый слепой страстью к очаровательной для своих лет нимфоманке, молодой лейтенант был вынужден быстро научиться составлять эти самые справки, которые одна за другой подшивались в соответствующие папки и иногда даже докладывались наверх. Это было просто: Котлов просто-напросто переиначивал прежние сообщения, которые в основном касались перемещений, красиво расписывал возможные детали... за которые его никто не спрашивал. Разведывательно-аналитическая работа оказалась делом значительно более простым, чем ежедневная борьба за власть в казарме мотострелкового батальона, где любой молодой лейтенант был обречён ставить и доказывать подчинённым свой авторитет исключительно через демонстрацию готовности к насилию любой степени тяжести.

Для Игоря Котлова, воспитанному в культурной столице, подобные жестокие правила жизни не всегда были по плечу, хотя нельзя сказать, что он пасовал перед этими трудностями. Тем не менее, он был несказанно рад очутиться в штабе, а его бурная мыслительная деятельность, выражающаяся в информационных справках, позволила так наладить «разведывательную работу», что спустя полгода его даже упомянули на одном из совещаний в разведывательном управлении военного округа. Совершенно случайно он написал о том, что действительно случилось на сопредельной территории, после чего его заметили.

С тех пор карьера пошла. Спустя ещё полгода, гвардии старший лейтенант Котлов был переведён в другой город, в разведывательный отдел штаба армии. Продемонстрированные в дивизии «результаты работы» оказались весомее профессионального образования и кадровики, в порядке исключения и скрепя сердце, согласились с предложением округа о назначении Котлова на должность, связанную с агентурной работой.

Знакомство с начальником разведки армии было коротким: небритый сухощавый подполковник Исмаилов с горящими глазами крепко пожал руку и поставил задачу через неделю доложить о вербовке гражданина Китая, способного освещать военную обстановку на сопредельной территории, а при лучшем раскладе, способного выполнять небольшие поручения на территории своей страны. В общем, потребовал принести на блюдечке информацию, представляющую интерес для военной разведки. И ушёл.

Не такой Котлов представлял себе службу в штабе, мысленно связывая её только с бумажками, сводками, справками и сообщениями.

Поставленная задача для Игоря Котлова была в принципе невыполнимой, так как он не знал ни китайского языка, ни основ вербовочной работы. За всю свою недолгую службу он впервые испугался той ответственности, которая накладывалась на него, как на разведчика, информация которого должна была стать основой для принятия каких-то решений в вышестоящих штабах.

Однако, руки опускать он не стал и решил действовать. Потолкавшись пару дней на китайском рынке, он подошёл к одному из охранников, которых здесь было довольно много, так как воришек, желавших завладеть товаром, было ещё больше.

- Здорово, - Игорь тепло поприветствовал крепкого парня, топтавшегося у входа в рынок.

- Чего тебе? – спросил парень.

- А ты не с кирзавода?

В районе, который местные называли «кирзаводом», дислоцировалась бригада специального назначения, которая для различных охранных предприятий была кладезью подготовленных кадров, и толковые руководители ЧОПов перед каждым дембелем заходили в бригаду с предложениями к разведчикам, увольняемым со срочной службы. Мальчишки, призванные с умирающих деревень с готовностью соглашались остаться жить в большом городе и работать охранниками, если по каким-то причинам не подписывали контракт на военную службу, или же это были контрактники, которые съездили по несколько раз в Чечню и разочаровались в военной службе. ЧОПы предлагали им жильё и неплохой заработок, ещё больший доход предполагался из самого факта работы на рынке, где всегда можно

было пошаромыжничать. А наколка на ребре ладони «За ВДВ» говорила о многом.

- Допустим, - ответил парень, пока ещё демонстрируя недоверие.

- Точно, - тут же подтвердил Котлов. – Значит, там я тебя видел. В общем, смотри. Мне нужен какой-нибудь китаец, с которым можно было бы попрактиковаться в китайском языке. Ты наверняка тут знаешь таких. Поможешь родной конторе?

Последней фразой Котлов намекнул на свою принадлежность к военной разведке.

- Есть курить? – спросил охранник.

Игорь хоть и не курил, но сигареты с собой носил, именно для таких случаев. Затянувшись, охранник указал на одно из зданий на территории китайского рынка:

- Там на втором этаже есть китаец Боря, ключи делает. Вот он по-русски нормально говорит.

- Ага, - кивнул Игорь. – Спасибо!

- Но, если тебе нужны китайцы для вербовки, то лучше подойди к Пете, который делает ключи вон в том здании, на первом этаже...

Котлов чуть не поперхнулся, услышав эту фразу и оторопело посмотрел на собеседника.

- Что? – усмехнулся охранник и неожиданно объяснил: – Все летёхи из разведки здесь начинают. Иди, Петя работает не за дорого. Все довольны...

- Спасибо, - Игорь поблагодарил охранника и затерялся в толпе.

Несколько минут он был буквально оглушен услышанным, но вскоре взял себя в руки и стал размышлять логически. Во-первых, охранник совершенно не смеялся над ним, и явно был в теме. Во-вторых, очевидно, что делал он это уже не раз – знакомил офицеров разведки с разрабатываемым контингентом. В-третьих, наколка на ребре ладони как-то неуловимо говорила, что ему можно доверять. Конечно, всё это могло быть заранее подстроено самим же начальником разведки, чтобы потом жестоко наказать офицера, допустившего такой залёт. С другой стороны... Котлов вдруг усмехнулся: в своей практике он не имел никакой агентурной подготовки, а следовательно, этим фактом он всегда мог прикрыться, в случае провала. И он решил.

Китаец Петя, лет сорока возрастом, сидел на небольшом деревянном стульчике перед станком, которым точил фигурные вырезы на заготовках ключей и насвистывал китайский мотивчик. Он сидел практически на самом проходе, где было грязно, жутко сквозило и нестерпимо воняло от груды мусора, ежеминутно растущей в соседнем углу.

Рядом с ним стоял какой-то прохвост, ждущий ключ – явно взятый у кого-то на пару минут, чтобы обзавестись двойником, который можно будет позже использовать по назначению. Парень явно был наркоманом, о чём говорили красные бегающие глазки и непрерывно дёргающиеся плечи.

- Ну, скоро ты... - повторял он каждые полминуты.

- Быстра, быстра, - невозмутимо отвечал китаец и продолжал свою работу.

- Ты Петя? – спросил Котлов.

- Я Петя, я Петя, - ответил китаец. – Ключ делать – очередь вставай.

Игорь кивнул и остался стоять сбоку от наркомана. В этот момент китаец закончил работу, вынул из станка образец, потом копию, подбросил оба ключа на ладони и сказал, обращаясь к ожидающему:

- Два десять рубля давай, быстро делал.

Однако, заказчик, вместо того, чтобы заплатить за проделанную работу, мгновенно выхватив оба ключа из рук китайца, бросился бежать через толпу.

- Стой! – Петя подскочил из-за своего станка, но Игорь выставил перед ним руку и сказал:

- Я заплачу.

Китаец сел на стульчик и приняв от Котлова двадцать рублей, более внимательно посмотрел на него:

- Чего надо? Ключи делать? Нож точить?

- Мне сказали... - Игорь явно не мог подобрать слов, которыми нужно было начинать столь не простой разговор.

- Топор точить надо?

Игорь мялся, не знал, что именно было бы уместно сейчас сказать.

- Да говори уже прямо, - в проходе стоял охранник. – Петя, ему нужны агенты в Китае. Есть агенты?

- Есть, есть, - усмехнулся Петя. – Сколько надо?

- Одного, - растерянно ответил Игорь. – Хватит одного.

- Один мало, - сказал Петя. – Бери пять. По сто рублей давай. Пять сто.

Котлов быстро прокручивал в голове ситуацию и пытался ухватиться за логическое объяснение происходящему, однако, не успевал, оно бежало где-то перед осознанием. Происходящее ему казалось какой-то нереальной фантастикой.

- Торгуйся, - подсказал охранник. – Говори, что надо меньше и дешевле.

- Да мне один нужен, - Игорь посмотрел на охранника. – Понимаешь, всего один.

- Ну, ты это не мне говори, а ему... - охранник кивнул в сторону китайца.

- Мне один нужен, - сказал Игорь китайцу.

- Один плохо, - Петя покачал головой. – Начальник ругать будет. Надо много. Надо пять.

- Чей начальник? – взволнованно спросил Игорь.

- Твой, - невозмутимо ответил китаец.

Игорь посмотрел на охранника, но тот отвёл свой суровый взгляд в сторону, демонстративно взирая за законностью на вверенной территории.

- Давай одного, - нашелся Котлов. – Если понравится, возьму ещё.

Игорь протянул китайцу сто рублей.

- Элосы хитрый, - сказал Петя, принимая купюру. – Стой тут. Сейчас приду.

Он встал и ушёл куда-то вглубь помещения, которое кишело снующими и галдящими людьми – продавцами и покупателями, воришками и охранниками.

- Куда он? – спросил Игорь, опасаясь за свои сто рублей.

- Сейчас приведёт тебе агента.

Игорь не знал, о чём можно продолжать разговор с этим удивительным охранником, и поэтому решил помолчать, ожидая возвращения китайца. Однако, возвращение затянулось вначале на десять минут, потом на двадцать, пришлось перекинуться с охранником парой анекдотов, посетовать на погоду и правительство, и только когда стрелка часов прошла полчаса, Петя вернулся к оставленному станку, ведя за собой хмурого соплеменника. Охранник

выразительно посмотрел на владельца станка, и тот, скривившись, выдал ему десять рублей – за охрану оборудования, пока сам ключник отсутствовал. Получив деньги, ушлый охранник тут же удалился.

- Ты кто? – спросил второй китаец.

Говорил он по-русски гораздо лучше, чем Петя, и по возрасту он был сильно старше.

- Игорь, - представился Котлов.

- Ты где служишь? – спросил собеседник.

Игорь замялся, вопрос был просто сногсшибательный, ни при каких обстоятельствах не подразумевающий правильного ответа.

- Что ты хочешь от меня услышать? – спросил, опомнившись, Игорь.

- Ты разведчик?

- Ну, допустим, - кивнул Котлов.

- Хорошо, - китаец оценивающе осмотрел его и спросил: - Ты можешь помочь вывезти женьшень через границу?

Котлов, честно признаться, мало знал про это экзотическое растение, вообще был не в курсе его практической стоимости для китайской народной медицины, и совершенно не предполагал, что какие-то корешки могут представлять такой огромный интерес, что для их перевозки через границу, требовались усилия специальных служб.

- Я изучу ваш вопрос, - нашелся он в последний момент. – А что предложить можете вы?

- А что тебе надо?

- Мне? – Игорь на мгновение даже растерялся. Фактически сейчас он переходил к постановке задач, что по существующим правилам могло произойти только после взятия с агента письменных обязательств о неразглашении факта сотрудничества. – Меня интересует военная активность на территории Шэньянского военного округа. Военные учения, военные перевозки, назначения на военные должности. Интересует китайская военная пресса.

- Газеты привезем, про учения и назначения расскажем, пару эшелонов сфотографируем, - заверил китаец. – Если ты сможешь нам помочь с женьшенем. И с другими грузами.

- Чтобы я вам помог, я должен убедиться сам и убедить своего начальника, что вы не обманщики, - нашелся Игорь. – Я должен

принести своему начальнику несколько сообщений.

Китаец кивнул. В этом жесте Игорь вдруг увидел работу настоящего профессионала, не такого, как он сам, а другого – опытного, хитрого, с хорошей хваткой. Он вдруг понял, что это не он сейчас вербовал себе агента, а вербовали его, и вербовали не для того, чтобы изучать военный потенциал, а только для того, чтобы обустроить нормально функционирующий коридор через государственную границу, через который можно было бы возить из России в Китай любые грузы. Возможно, в обмен на это, китайские «товарищи» могли предоставить и что-то интересное из того, что интересовало военного разведчика.

- На, держи, - китаец протянул Игорю свернутую газету. – Здесь есть назначения на партийные и военные посты в провинции Хэйлунцзян. Газета вышла две недели назад. Твоему начальнику будет интересно. Остальное будешь получать позже. Раз в неделю.

- Я буду связываться только с тобой?

- Да. Меня зовут Рома.

- Как я могу тебя найти?

- Вот, спрашивай у него, - Рома указал на Петю, который уже точил какой-то нож. – Он всегда здесь.

Выйдя за ворота китайского рынка, Игорь направился к штабу армии, на ходу пытаясь осмыслить произошедшее событие. Пред его взором рисовалась стремительная карьера разведчика, который, договорившись с пограничниками, в обмен на незначительные уступки по перевозу за кордон каких-то корешков, обретал огромный поток важной информации. Ему виделось, как начальник разведки округа на каждом еженедельном совещании отмечает его в лучшую сторону. Вот ему уже дают капитана, и забирают в разведывательное управление округа. Вот он уже майор... «уже майор, болван!», - невольно вспомнилась звонкая фраза из фильма «Невероятные приключения итальянцев в России».

В разведотделе он сразу направился к переводчикам. Они посмотрели газету, обвели красным карандашом интересные статьи и, поблагодарив за «добытый источник», попросили Котлова удалиться из «режимного помещения».

- А мне бы перевод, - сказал Игорь. – Перевод статьи, где про назначения.

- Мы сами всё сделаем, - сказал старший переводчик. – Не беспокойтесь.

- Так мне это для сообщения надо, - Котлов переминался с ноги на ногу.

- Мы сами сообщение подготовим, - заверил собеседник и выразительно посмотрел на дверь. – Подготовим и передадим начальнику.

Котлов вышел. В кабинете, где ему было отведено рабочее место, было четыре стола, три из них были заняты майорами, два из которых играли в нарды, а третий спал, сложив голову на столе. В кабинете ясно чувствовался запах спиртного.

- А, старлей явился, - сказал один из играющих майоров. – Будешь играть?

- Нет, - Игорь мотнул головой. – Мне надо справку подготовить...

- Справку? Это правильно... - кивнул собеседник. – Занимайся, конечно.

Игорь вставил в печатную машинку лист бумаги и призадумался. Писать, собственно, было нечего.

На вечернем совещании Исмаилов долго и настойчиво занимался воспитанием подчиненного ему личного состава, делая особый упор на недопустимости злоупотреблений алкоголем, внеслужебным временем и военнослужащими-женщинами. На фоне отсутствия результатов работы вверенной ему структуры это обстоятельство лично его самого выставляло перед глазами командующего армией в качестве никчемного рудиментного отростка, незаслуженно получающего зарплату старшего офицера и претендующего на скорую военную пенсию. Пространные размышления о возможности перехода в «народное хозяйство» должны были затронуть, казалось бы, каждого присутствующего здесь офицера, но Игорь заметил, что практически никто особого значения словам начальника не придавал, и делал круглые и испуганные глаза только для того, чтобы Исмаилов видел результаты своего артикуляционного наступления. Примерно через полчаса безостановочного потока мыслей руководитель армейской разведки выдохся и, сузив свое внимание на старшем лейтенанте Котлове, поинтересовался, что уже им сделано в рамках выполнения поставленной задачи.

Для ответа Игорь встал, и даже поправил форму.

- Товарищ подполковник, я работаю. Был на китайском рынке, провел встречу. Даже принёс газету, где новые назначения в провинции Хэйлуцзянь... Я отнёс газету переводчикам, они сказали, что сами передадут вам перевод. Я хотел для сообщения... но меня...

- Что? – начальник посмотрел на старшего лейтенанта совершенно не добрыми глазами. – Какая газета? Какой китайский рынок? Вы что несёте, Котлов?

- Я... газета...

Вдруг глаза Исмаилова налились кровью, и он заорал на весь кабинет:

- Лейтенант! Вы идиот! Вы конченный ублюдок!

- Так точно... - невольно вырвалось у Котлова, и он густо покраснел – ещё в училище ему привили правило не перечить мнению руководителя.

Игорю казалось, что в этот момент весь коллектив, с которым он так ещё и не успел перезнакомиться, переживал за него, ментально занимая сторону старшего лейтенанта, который сегодня провёл сложную вербовку, принеся в копилку разведывательного отдела армии ценный источник зарубежной информации. Мысль об этом помогала ему держаться под криками подполковника, но как только он, улучив момент, украдкой посмотрел на сослуживцев, вдруг понял, что им всем по-прежнему было глубоко безразлично, что сейчас происходит на совещании. Каждый, хоть и делал вид, что причастен к происходящему, внутри себя явно был далеко отсюда...

После завершения совещания Котлов шёл по тёмному городу и прокручивал в голове то, что случилось. Как он не силился, он не мог понять логики, которой руководствовался начальник, когда орал на подчинённого. Всю ночь в его ушах стоял крик подполковника, и он так и не смог уснуть. Утром он не выдержал, и спросил у майора, первого пришедшего в кабинет, в чём заключался его вчерашний косяк.

- Ты, Игорёк, научись правильно докладывать для начала, - посоветовал умудрённый жизнью майор, у которого уже была в этом городе квартира, жена, двое детей, дача и японская иномарка, и который вообще не собирался никуда расти ни по какой служебной лестнице – его вполне удовлетворяло текущее положение и занимаемая должность. – Ты вчера как мямля был на совещании, а

начальники не любят, когда перед ним околесицу несут. Доклад должен быть чёткий, короткий, предельно понятный. Самый большой доклад должен состоять из пяти предложений. А каждое предложение – из пяти слов. Если будет больше, то ты перегружаешь мозг своего начальника, и он перестаёт понимать то, что ты ему пытаешься доложить. Лучше всего – это два или три предложения. Пять – это предел. Усвоил?

- Усвоил, - кивнул Игорь. – А как мне быть с переводчиками?

- А что с ними не так?

- Я им вчера принёс китайскую газету для перевода, а они её у меня отработали... сказали, что сами содержимое доложат начальнику. В итоге мне не из чего было писать сообщение.

- Так ты им не просто приноси газеты, а прямо настаивай, чтобы через двадцать минут предоставили тебе перевод. Мол, с тебя начальник требует, нет времени на раскачку. И по жестче. Они это любят.

- Ага, понял.

- А что там за газета была?

- Ну, мне её китаец передал. Завербованный.

- Какой? – улыбнулся майор.

- Завербованный, - повторил Игорь. – А что?

- Китаец? – уточнил собеседник.

- Да.

- Его случайно не Рома зовут?

Игорь почувствовал, как снова начинает краснеть, как вчера, под криками начальника.

- Рома...

- Просил окно на границе, чтобы женьшень вывозить? – усмехнулся майор.

- Да, - ответил Котлов и покраснел ещё гуще.

- Стандартная схема, - майор уже улыбался во все свои ровные зубы. – Я не знаю, как это происходит, но все молодые офицеры, которые приходят в наш отдел, идут вербовать китайцев на китайский рынок, а там, в итоге, все выходят на этого Рому, который в обмен на информацию просит окно на границе. Из года в год – одно и то же.

- Вот это я попал... - смог проговорить Игорь.

- Куда ты попал? – поинтересовался офицер.

- Да вообще... вся эта ситуация... позор то какой.

- Да ладно тебе. Какой позор? Особенно, если все через это проходят...

- Я же думал, что завербовал его! Думал, что источник появился. Он обещал газеты привозить...

- Ты этих газет китайских можешь вагон насобирать. Можешь наших переводчиков завалить ими. Просто на овощной китайский рынок зайди, они там свежими газетами свежие апельсины прокладывают. И свежие яблоки. Вот тебе и источник. И никакой Рома не нужен.

- Начальник поставил передо мной задачу завербовать китайца, обладающего возможностью освещать обстановку на той стороне. Я думал, что Рома...

- А что Рома? Оформляй его как агента, только не Рома его зови, а, например, Рамон. Агентурный псевдоним «Рамон». Очень красиво, и кстате, даже исторически патриотично.

- Это же... - Игорь пытался подобрать синоним слову «очковтирательство», но собеседник опередил его.

- Забей. Ты что, думаешь, кто-то будет реальное существование твоего агента проверять? Контрольные встречи с ним проводить? Поверь, это никому не надо. Особенно, если ты сможешь наладить поток информации от этого «агента».

- А как? – тихо спросил Игорь, выждав небольшую паузу.

- Свежие апельсины, - усмехнулся майор. – И свежие яблоки. Понял?

- Понял, - улыбнулся Игорь.

- Только эти апельсины и яблоки не носи больше к нашим переводчикам. Найди какую-нибудь студентку, изучающую китайский язык, и носи к ней на перевод – вместе с яблоками и апельсинами. И ей хорошо, и тебе... информация.

- Яблок мало. Платить деньгами за это надо...

- Так плати, - майор внимательно посмотрел Котлову в глаза: - Или включай в себе разведчика и вербуй эту девочку. Чтобы она на тебя работала на идейных основаниях. Или по любви. Ты вон, мордой лица вполне даже вышел. Даже похож на кого-то...

- На Ди Каприо, - подсказал Игорь.

- Точно. Вылитый он. В общем, шерше ля фам. В сущности, это и будет настоящей вербовкой.

- Я всё понял, товарищ майор, - Игорь с огромной благодарностью теперь смотрел на своего собеседника, не зная, как эту благодарность выразить. – Я вам очень признателен за совет.

- Не булькает, - рассмеялся старый майор. – Ты, кстати, когда намерен проставляться в коллективе?

- С первой зарплаты, - повеселел Котлов. – Как положено.

- Вот это правильно, товарищ старший лейтенант!

Овощной рынок располагался на северной окраине города, куда из центра пешком топать нужно было несколько километров – у молодого офицера военной разведки не было денег даже на автобус, так как все свои «карманные сбережения» он потратил на «приобретение агента». Переодевшись в старый камуфляж, предварительно сняв с него знаки различия, Игорь направился в сторону рынка, щёлкая на ходу семечки.

Осень уже давала о себе знать – холодный ветер проникал под куртку, заставляя ежиться. Ускорившись, Игорь стал согреваться, и ему, чтобы не околеть, пришлось весь путь идти ускоренным шагом.

Рынок занимал огромную территорию, на которой кипела своя жизнь. Приходящие из Китая длинномеры выгружали здесь свой товар и тут же уходили обратно к границе, городские грузовички подхватывали мешки с картошкой, луком, морковью и другими продуктами и разъезжались по всему Приморскому краю. Китайское сельское хозяйство в полном объёме закрывало потребности дальневосточной России в продуктах питания. Продуктовая безопасность государства? Нет, не слышали...

Игорь потолкался по рынку, присматриваясь, где можно достать китайские газеты, в какой-то момент его окликнул незнакомый мужик, лет шестидесяти:

- Парень, плачу сотку, загрузи мешки в машину...

Здесь же стоял двухтонный грузовичок с откинутым бортом, а возле него приличная куча мешков с картошкой. Предложение было сказано таким тоном, что Игорь даже не нашёл, чем возразить. Тем более, что обещанные сто рублей были для него более чем кстати, при

том, что финслужба штаба недавно оповестила о задержке в выплате причитающегося довольствия.

Присмотревшись, Котлов увидел, что мужчина хромал, и, видимо, сам уже физически не мог выполнять такую работу – при том, что он явно был предпринимателем, или хотя бы обычным водителем грузовика. Расспрашивать такие подробности Игорь не стал, а без промедления включился в работу.

Когда картошка оказалась в кузове, водитель, не говоря ни слова, сел в кабину, запустил двигатель и начал движение. Котлов встал перед кабиной:

- Дядя, а деньги?

- Ах, деньги...

Игорь подошел к боковому стеклу. Водитель достал из кармана помятую купюру в пятьдесят рублей.

- На, держи, больше нету.

- Ты обещал сто, - твердо сказал Игорь, забирая купюру. – Давай ещё полтос и мы в расчёте.

- Ты медленно работал, - ответил мужик. – Хватит тебе и полтинника.

Водитель демонстративно включил первую передачу и начал медленное движение, следя за реакцией собеседника. Игорь быстро поднял с земли увесистый булыжник и замахнулся:

- Сколько стоит лобовое стекло?

Водитель предпочёл расчитаться и уехать от греха подальше. Со смешанными чувствами Котлов снова пустился бродить по рынку. Сейчас делать это было для него значительно веселее, так как деньги обещали сытный ужин, и вообще, перспективу на будущее – теперь он знал, где можно подработать, если выплата денежного довольствия затянется на неопределенный срок.

Свежие апельсины он нашёл тогда, когда уже забыл про них, так как после подработки бродил по рынку скорее больше в поисках другого заработка, чем в поисках источника разведывательной информации. Неподалёку от ангара, в котором складировались цитрусовые, находилась огромная куча упаковочной макулатуры, среди которой было много разных газет. Уже темнело, что-то разглядеть было сложно, и поэтому Игорь просто набрал несколько десятков газет, которые в сумерках показались ему разными. Связав

газеты попавшей под руку бечёвкой, он поспешил покинуть овощной рай.

Дорога домой, на съёмную квартиру, где его ждали ужасающая сырость, мыши и огромные тараканы, ещё никогда не была такой радостной, как в этот вечер. Бросив тюк газет в кустах, Игорь зашёл в придомовой магазин, где купил на заработанные деньги еды и бутылку водки. Дома он быстро нагрел кипятка, запарил Доширак, нарезал колбасы и хлеба, открыл банку сайры, справил лапшу корейским майонезом, налил в стакан водки и под светом лампы принялся рассматривать добычу.

В течение часа он сортировал газеты: получилось двадцать три разные, в том числе три со свежестью не более недели. Наверное, остальные тоже представляли интерес, но в первую очередь Игорь решил перевести самые свежие. Среди старых газет, с датой на два месяца назад, он нашел такую газету, в которой были две военные фотографии – выходящая с реки на берег амфибия типа советского ПТС и фото какого-то генерала с лицом, в котором читалось наделение его огромной властью. Эту газету Игорь тоже отложил.

Утром он принялся изучать, какие учебные учреждения города предоставляли услугу по обучению иностранным языкам. Вскоре он уже нарезал круги возле входа в педагогический институт, где была кафедра иностранных языков. Бардак и хаос, творящийся в холле между парами, позволили ему проникнуть мимо охраны внутрь учебного корпуса, где он быстро нашёл доску с расписанием занятий. Выявив, в какой аудитории будет следующая пара китайского языка, Игорь поднялся на нужный этаж и остановился возле открытой двери кабинета.

Студентов внутри не было, однако, на кафедре сидела девушка его возраста, которая что-то писала в тетради.

- Добрый день, - Игорь перешагнул порог.

Дама повернулась и кивнула:

- Здравствуйте!

- Может, подскажите... - Игорь достал из кармана сложенную в несколько раз газету и стал её разворачивать. – Вот, смотрите...

- Что это? – спросила девушка.

- Это китайская газета, - Котлов признал очевидное.

- Вижу, что не русская, - девушка демонстрировала настороженность – наверное, не каждый день незнакомые молодые люди показывали ей китайскую газету.

- Кто бы смог перевести несколько статей, - сказал Игорь, и слегка изменив тембр, добавил: - Это же кафедра китайского языка, где живут самые лучшие в нашем городе переводчики?

Девушка наконец-то улыбнулась:

- Кафедра... да... здесь...

Она повернула газету к себе и быстро прошла по полосе цепким взглядом.

- Сможете? – с надеждой в голосе спросил Игорь.

- Что именно надо?

- Вот, - Игорь быстро указал статью с генералом.

- Здесь пишут... - девушка вчиталась в текст и спустя несколько мгновений продолжила: - Заместителем начальника Шэньянского военного департамента по политической работе назначен генерал... - увидев, что Игорь достал из кармана лист бумаги и карандаш и приготовился записывать, она снова улыбнулась: - Разведчик, что ли?

Котлов едва заметно ухмыльнулся – в этом городе определенно не работали никакие принципы конспирации. Он демонстративно развел руками:

- Вынуждены ходить к самым красивым переводчицам, так как наши штатные старпёры ничего перевести толком не могут... - увидев, что она явно вовлекается в разговор, добавил: - Наверное, к счастью...

- Ксюша, - вдруг представилась девушка. – Преподаватель китайского языка.

- Игорь, - в ответ представился Котлов. – Старший лейтенант военной разведки.

Вечером они гуляли по городу, рассказывая смешные истории из своей студенческой и курсантской жизни. Ночами Игорь работал грузчиком на овощном рынке, днём проводил на службе, вырывая пару часов на сон, а вечер он посвящал прогулкам с Оксаной, киносеансам и веселому ни к чему не обязывающему трёпу с очаровательной преподавательницей педагогического института.

К исходу обозначенного срока начальник разведки вызвал Котлова к себе.

- Докладывай.

- Товарищ подполковник, мною завербован гражданин Китая, которому присвоен оперативный псевдоним «Рамон». Источник сообщил, что в конце сентября заместителем командующего Шэньянским военным округом назначен генерал-лейтенант Си Ван Ли. Также источник сообщил, что в составе округа сформирован амфибийный батальон, предназначенный для форсирования крупных рек в качестве штурмового эшелона. Подробности представлены в сообщении. Старший лейтенант Котлов доклад закончил.

Исмаилов молча закурил. Сделав несколько затяжек, он нервно стряхнул пепел и спросил:

- Амфибийный батальон, говоришь?

- Так точно, товарищ подполковник! Переправочно-штурмовой эшелон.

- Лейтенант, тебе известно такое понятие, как «достоверность информации»?

- Так точно, товарищ подполковник! Так называется информация, полученная из проверенных источников, соответствующая обстановке и подтверждённая другим источником.

- Ты уверен, что информация о новом батальоне достоверна?

- Так точно, товарищ подполковник.

- До сегодняшнего дня такого батальона в Шэньянском военном округе не было.

Котлов набрался смелости и сказал:

- Значит, мы получили информацию, представляющую интерес.

Он сказал «мы», тем самым вовлекая своего начальника в процесс, который сулил поощрения со стороны вышестоящего штаба. Конечно, при условии, что информация соответствовала действительности.

- Кто этот китаец, который сообщил тебе о формировании батальона?

- Водитель грузовика, сносно говорит по-русски. Документов его я не видел. В обмен он просит... - Игорь сейчас говорил то, что приходило на ум. - Просит выходы на поставщиков таёжных ресурсов. Я пообещал ему что-нибудь подыскать.

- Хорошо, я понял. Давай сюда своё сообщение. Я передам его в округ. Если вскроется, что ты это всё придумал – пеняй на себя. Уедешь служить в Май-Гатку. Или на Угольный.

Через неделю из штаба округа пришло подтверждение сообщению Котлова о формировании амфибийного батальона, которое было добыто «другим источником». Сообщение было засчитано в большой плюс армейской разведке и Котлова даже поощрили – объявили благодарность.

По итогу этой истории Котлов приобрёл авторитет в глазах своего начальства и ему даже стали доверять. Вернее стали доверять его сообщениям. Которые он черпал из периодически подбираемых на овощном рынке китайских газет, попутно обещая жениться на Ксюше, исправно переводившей немалые объёмы публикаций «открытой печати».

- Котлов, останься, - этой фразой Исмаилов закончил вечернее совещание, и, дождавшись, когда все покинут кабинет, протянул ему лист бумаги.

- Пиши, как здесь, только я тебе буду диктовать другие имена и суммы...

Игорь рассмотрел листок: эта была расписка агента в получении денег. Согласно этой расписке, человек с агентурным псевдонимом «Рамон», получал три тысячи рублей.

- Что это, Рафик Магомедович? – спросил Игорь, хотя содержание документа не оставляло свободы для маневра.

- Расписка в получении вознаграждения, - ответил подполковник. – От твоего агента.

- Ясно, - протянул Игорь, хотя ясности было мало. - Что писать? – Игорь машинально достал из кармана авторучку.

- Пиши как в тексте, только это у нас будет агент «Гидра», деньги... в размере три тысячи рублей получил. Написал? Теперь вместо подписи попробуй поставить вот такую закорючку... - Начальник показал ему лист бумаги, где уже было прописано несколько закорючек: - Вот эту...

Пока Игорь старательно выводил на расписке подпись агента, начальник разведки счёл необходимым ввести сотрудника в курс дела.

- Это агентурные деньги, товарищ старший лейтенант, которые выделяются на агентов, приносящих хорошую информацию. Но, как вы понимаете, мы не можем взять расписки у китайцев, и поэтому такие расписки мы пишем сами. Главное требование – своей рукой никогда не писать расписки за своего агента. За чужих – можно.

- Понял, - кивнул Котлов, хотя на самом деле понял он мало чего.

- Если понял, тогда давай напишем ещё...

Вскоре на столе уже лежало с десятков подобных расписок на совершенно разные псевдонимы, а общая сумма, фигурирующая в расписках, приближалась к тридцати тысячам рублей – огромной, по меркам Котлова, суммы.

- А как мы будем передавать им эти деньги? – наивно спросил Игорь.

Он реально полагал, что этот вопрос был уже как-то урегулирован.

- Старлей, - подполковник устало посмотрел на своего подчинённого. – Ты как с Луны свалился.

- Почему? – Игорь искренне не понимал, что начальник имеет в виду.

- Хорошо, - кивнул собеседник. – Я тебе на примере объясню. Чтобы ты на всю жизнь этот пример запомнил. Договорились?

Игорь кивнул.

- Где расписка за Рамона?

- Вот она, - Котлов достал её из общей кучи и положил сверху.

- Отлично. Теперь следи за руками.

- Слежу, - заинтересованно сказал Игорь и действительно посмотрел на руки начальника.

- За интересующие разведку сведения, бывает такое счастье, для вознаграждения агентов, вышестоящим руководством выделяются деньги. И мы, кураторы этих агентов, должны эти деньги передать своей агентуре. Но только так передать, чтобы сохранить абсолютную скрытность. Вся отчётность – это вот такие расписки. Чтобы ты понимал, здесь нет бухгалтерской отчетности, потому что сведения об агентуре это государственная тайна. Расписки, как принято считать, должны писать сами агенты. А теперь внимание, вопрос: вот лично вы, товарищ старший лейтенант Котлов, способны организовать мне, вашему непосредственному начальнику, контрольную встречу с

агентом, чтобы я мог убедиться в его реальном существовании и просто посмотреть ему в глаза?

Подполковник Исмаилов резко замолчал, внимательно вглядываясь в глаза подчинённого.

- От вашего ответа теперь зависит ваше будущее, - сказал начальник разведки, спустя мгновение. – Хорошо подумайте, что сейчас мне ответить.

Игорь почувствовал, что у него мелко затряслись пальцы. Где-то в глубине души он со всей очевидностью признал тот факт, что авантюра с сообщениями из открытой печати, но якобы от завербованного агента, вполне могла иметь уголовно-наказуемый характер, но к этому осознанию пришло ещё одно... которое требовало огласки здесь и сейчас.

Просто признание одного факта, автоматически влекло признание другого факта. И именно этот момент был наиболее болезненным. Однако, Игорь нашёл в себе силы переступить боль.

- Получается, что если нет агентов, то нет и денег?

Начальник хлопнул ладонью по столу. Под ладонью у него оказалась купюра в пятьсот рублей.

- Всё правильно, старлей. Деньги есть, но не про нашу с тобой честь. А это – твоя доля. Честно заработанная. А теперь пошли...

Игорь вложил купюру в карман и, не задавая вопросов, направился за Исмаиловым. Они вышли из штаба, пересекли одну улицу, другую, и вскоре оказались в небольшом кафе, где их приветливо встретил хозяин заведения, «лицо кавказской национальности».

Хозяин провёл офицеров в угол забегаловки, где они разместились за столиком. Очень быстро официант принёс бутылку водки, хлеб, нарезанные помидоры и огурцы. Пообещал поскорее принести шашлык.

Начальник сделал Игорю жест рукой, мол, разливай, и Котлов, словно включился – взял в руки бутылку, открыл её и быстро разлил по полным рюмкам.

- Поехали, - сказал Исмаилов и быстро замахнул содержимое.

Старший лейтенант последовал его примеру, после чего потянулся вилкой за нарезанными овощами.

- Между первой и второй... - проговорил подполковник, занюхивая хлебом.

Игорь быстро разлил ещё по одной, затем ещё и после третьей начальник разведки откинулся на стуле.

- А ты мне нравишься, старлей. Если примешь правила игры, определяющие жизнь нашей системы, то по службе пойдёшь далеко и высоко.

- И что это за правила? – Игоря развезло от трёх рюмок, и он, проникнувшись дружеской обстановкой, позволил себе разговаривать с руководителем едва ли не на равных.

Однако, подполковник этого словно не замечал. Он смотрел на своего подчинённого так, словно продолжал его оценивать, как при первой встрече.

- Тебе несказанно повезло – в твоём сообщении действительно содержалась информация, которую по каким-то причинам смогли проморгать другие органы разведки. Даже не смотря на то, что твоя информация была получена из открытых источников, мы провели её вначале как агентурную, а уж потом «подтвердили» вырезкой из газеты. В управе за эту информацию нам поставили «цинк» и было принято решение вознаградить агентуру, которая числится за нашим отделом.

- Разве они не понимают...?

- Там работают настоящие профессионалы, которые понимают это лучше нас с тобой. Естественно, они знают, что уровень офицеров нашего отдела, мягко говоря, слегка не дотягивает до того, чтобы создавать агентурную сеть. Я бы даже так сказал: реально действующую агентурную сеть.

В этот момент официант принёс шашлык, выложенный на большую тарелку. Игорь быстро разлил по рюмкам.

- За разведку, - сказал подполковник и выпил.

- За разведку, - кивнул Котлов и тоже опустошил свою рюмку.

Закусывая шашлыком, начальник продолжил диалог.

- Однако, смотри. Раз люди в управе это понимают, что они должны делать?

- Наверное, обучать нижестоящих разведчиков, - предположил Игорь. – Чтобы реально могли работать с агентурой.

- Правильно. Но это долго, и результат совершенно не гарантирован. Вот ты закончил командное училище, и в принципе, как командир махрового взвода ты, наверное, состоялся. Но для

разведчика нужны другие навыки, например, знание вражеского языка и менталитета своего противника. Правильно?

- Правильно, - Игорь пожал плечами. – Наверное.

- Обучить этому очень не просто, тем более такое большое количество разведчиков, какое числится в штатах добывающих агентурных подразделений по всей стране и за рубежом. К тому же, ты когда в училище поступал, видел, какой был конкурс?

- Видел, - кивнул Игорь. – Ноль-пять человек на место. Недобор в училище был колоссальный.

- Это везде так, - кивнул начальник. – В девяностые годы авторитет армии сильно пошатнулся. Особенно после первой Чечни. Теперь быть военным не престижно, и не выгодно. А выгодно быть бандитом, или коммерсантом. Вон, как хозяин этого заведения. Водителем у нас раньше служил на срочке. Теперь жирует, гад.

Подполковник на миг оторвал взгляд от мяса и презрительно посмотрел вдоль кафешки.

- И что же делать? – Игорь вернул начальника к прежней нити разговора.

- А это главный вопрос. Его еще Чернышевский задавал.

Игорь разлил еще по одной.

- И всё же?

- А делать то, что мы сегодня с тобой делали, - ответил начальник и выпил.

Игорь тоже выпил и с удвоенной силой вцепился в мясо.

- Мы вынуждены показывать наверх результаты своей работы, в том числе агентурной, приписывая мифическим агентам сообщения из открытых источников. Из всех, за кого ты сегодня писал расписки, в реальности есть только один. Его мы показываем тем проверяющим, которые требуют контрольную встречу с агентом, чтобы убедиться в его фактическом существовании. И он им даже рассказать может то, что надо. И я тебе больше скажу: все проверяющие знают, что агент липовый, но в рапортах они пишут, что у нас всё организовано на высшем уровне. Потому что – что?

- Что?

- Да потому что тогда нужно будет признать, что разведывательное управление целого военного округа в своей работе пользуется сфальсифицированными источниками. То есть – оно не выполняет

возложенных на управление задач, предоставляет командованию сведения, высосанные из пальца. Ровно всё то, что делал ты в разведотделе своей дивизии.

- Получается, что обстановку в округе в реальности никто не знает? – сделал Игорь страшное предположение.

- Тактическую обстановку знают, – усмехнулся начальник. – Из открытых источников, от радиоразведки, от космоса. Все мы, и наши генералы тоже, убеждены, что большой войны с Китаем у нас точно не будет. А если и будет, то разнесём их ядеркой к чертям собачьим, мало никому не покажется. И вот в такой большой войне про агентов никто и не вспомнит. По крайней мере, будет очень легко оправдать их пропажу – именно большой войной, или там «пропажей связи». В общем, смысл тебе должен быть понятен.

- А деньги? Ну, которые агентурные?

- А деньги есть. Они выделяются исправно. Как раз на проведение агентурных мероприятий. И не только. Не такиеуж и большие, но какие есть. Если ты думаешь, что вся сумма, которая сегодня фигурировала в расписках, осталась в моих карманах, то ты глубоко ошибаешься. Эта сумма не покидает окружного управления. А скорее всего, но это только мои домыслы, не покидает и само главное управление. Ты не думай, этим далеко не вся разведка занимается, но что есть, то есть. Нам вниз спускают незначительные доли, а отчитываться заставляют за всё.

- Потому, что они там знают истинную цену наших агентов?

- В первую очередь потому, что они там знают истинную цену деньгам, а потом уж цену агентов, – усмехнулся подполковник. – И если ты хочешь в этой системе расти и развиваться, то ты должен принять данные правила. И следовать им беспрекословно. Ты готов?

Игорь посмотрел на бутылку водки, в которой горячительного напитка оставалось на пару рюмок, на остатки шашлыка, на нарезанный кольцами лук, потом поднял взгляд и утвердительно кивнул.

- Конечно, готов.

- Завтра ты принимаешь должность старшего офицера по агентурной работе. Твой руководитель по агентуре уходит на пенсию. Он по предложенным правилам играть не захотел.

ГЛАВА 2

- Мне нужно точно понимать, что вам надо, - Игорь смотрел на Рома, который сидел за столом своего «кабинета» и что-то подсчитывал на калькуляторе, записывая результаты в блокнот.

- Надо чтобы контейнер прошёл границу без досмотра, - не отвлекаясь, будто в пустоту, сказал Рома. – Можешь?

- Смогу, - сказал Игорь.

Рома отвлёкся от своей бухгалтерии и впервые с интересом посмотрел на Котлова.

- Это хорошо, - китаец улыбнулся. – Ты просил какую-то там информацию для своего начальника? Ты её получишь...

- Мне не нужна информация, - сказал Котлов.

- А что тебе надо? – Рома посмотрел на собеседника более чем внимательно.

- За каждый контейнер, который будет проходить через границу без досмотра, вы будете передавать мне тридцать тысяч.

Некоторое время Игорь смотрел прямо в глаза китайцу, но не увидел у него никакого изумления – словно его предложение носило вполне будничный характер.

- Хорошо, - кивнул Рома.

- Долларов, - дополнил Котлов.

Рома резко встал, так, что Игорь даже приготовился защищаться – мало ли, что тому может взбрести в голову, но китаец не проявлял агрессии.

- Это много.

- Если вы будете вывозить золото, женьшень, лапы и желчь медведя, шкуру и кости тигра, а также высушенного трепанга, то это очень даже неплохая цена, - Игорь постарался сохранить невозмутимый тон.

К этому разговору он хорошо подготовился, изучив рынок дальневосточных даров тайги, моря, недр и золотого лома. К тому же на этот разговор он пришёл не от себя лично, а от целой «схемы», которая ждала окончания переговорного процесса больше, чем Рома мог себе представить.

- Гарантии? – спросил Рома.

- Самые простые. В момент перехода я нахожусь рядом с тобой. Как только контейнер пересекает границу, ты расплачиваешься. Если контейнер пересекает границу, а ты не расплачиваешься, я тебя арестую и посажу в тюрьму.

- Мне интересно другое: а если контейнер не переходит границу?

- Тогда я теряю тридцать тысяч долларов, - сказал Игорь. – И ещё ровно столько, сколько ты захочешь перевезти контейнеров в будущем. Думаешь, мне это надо?

- Начальник знает?

- Да, но все переговоры и встречи с тобой проводить буду я, - сказал Игорь.

- Хорошо, - кивнул китаец. – Я согласен.

За пару дней до этого Игорь принял участие во встрече своего начальника с начальником таможенного поста, через который шёл активный товарный трафик: из Китая в Россию везли ширпотреб, продукты питания, стройматериалы и оргтехнику, в обратном направлении шёл металлический лом, лес и другие, менее значимые, ликвиды. Люди, сидящие на контроле этого потока, не могли не интересоваться возможностями, как из своих государственных должностей можно извлечь личную выгоду. В данном конкретном случае совпали интересы сразу нескольких сторон, а раз так, то найти решение было делом не таким уж и сложным.

Для выполнения особо важного задания, связанного, как было изложено в заявке начальника разведки армии, с «перевозкой документов особой секретности», старший лейтенант Котлов получил в оружейке штаба пистолет Макарова и два магазина патронов. Вложив пистолет в наплечную кобуру, Игорь вышел на улицу, где его ждала машина отдела. Водитель был проинструктирован и вопросов не задавал. Воспользовавшись недавно купленным сотовым телефоном, Котлов позвонил Роме и тот вышел с рынка на трассу, где его и подобрала чёрная «Волга».

Через пару часов они въехали в пограничную зону и остановились возле таможенного поста. Котлов догадывался, что начальник таможни, «реализуя преступный умысел», просто обязан был вовлечь

в схему находящихся здесь же пограничников, иначе все договорённости теряли бы смысл.

Нужный «длинномер» с сорокафутовым контейнером стоял в общем ряду фур, ожидавших своей очереди на таможне. Водитель сидел в машине и смотрел автомобильный телевизор, совершенно не догадываясь, что его груз представлял интерес для достаточно широкого круга заинтересованных должностных лиц.

Игорь предположил, что ждать придётся долго, как подойдёт «живая очередь», однако, буквально минут через пять, как он сделал контрольный звонок начальнику таможенного поста, к фуру подошёл таможенник и предложил водителю выехать из общей очереди, чтобы следовать на площадку досмотра.

Наблюдая, как машина встала на КПП, и как её окружили пограничники и таможенники, Игорь ощутил, как напрягся рядом сидящий китаец. Однако, не прошло и пары минут, как фура двинулась дальше, прошла линию границы и направилась в сторону китайского КПП.

- Мы свою часть выполнили, - сказал Игорь, посмотрев на Рому.

- Я жду звонка с той стороны, - сказал китаец.

Впрочем, ждать долго не пришлось. Звонок на сотовый и лицо Ромы расплзлось в широкой улыбке.

- Всё хорошо, поехали обратно, - сказал он. – Ко мне.

Всю обратную дорогу Игорь думал, на какую широкую ногу здесь мог быть поставлен подобный процесс «благоприятного» пересечения границы, если всё делалось практически без всякой утайки от возможных лишних глаз. Фуру вытащили из общей очереди, контейнер открывать не стали, документы были оформлены за считанные минуты, тогда как обычные водители могли ждать здесь своей очереди по несколько суток.

В кабинете, если так можно было назвать помещение, оборудованное в одном из железных контейнеров целого контейнерного многоэтажного города, Рома предложил Игорю сесть на стул, а сам открыл платяной шкаф.

В шкафу Котлов увидел сейф, а когда Рома открыл и его, Игорь аж привстал: он был просто набит деньгами – пачками рублей, юаней и долларов. Их было настолько много, что у Игоря перехватило дыхание. Никогда в жизни он не видел одновременно такого богатства.

Рома стоял к Игорю спиной, и пока тот доставал из сейфа деньги, в голове Котлова неслись мысли, одна страшнее другой. Он неотрывно смотрел на затылок китайца, вспоминая тренировки по рукопашному бою, которые он проходил ещё в военном училище, те приёмы, которые были связаны с поражением мозжечка, когда одним ударом в затылок можно было надолго обездвижить человека. Да что там удары... непроизвольно рука потянулась к пистолету, который вдруг словно нагрелся, привлекая к себе внимание. Достать ПМ, снять с предохранителя, загнать патрон в ствол, направить его на китайца... Игорю в этот момент было не принципиально, так Рома отдаст деньги, или придётся стрелять в него – для него это был уже решённый вопрос.

Игорь расстегнул застёжку кобуры и крепко обхватил рукоятку, большим пальцем нащупывая предохранитель и переводя его вниз, в положение для стрельбы.

- Тридцать тысяч, - сказал китаец, не поворачиваясь.

Вдруг словно холодный душ обдал Котлова. В голове мелькнуло «да что же ты делаешь... так нельзя». Он быстро вернул застёжку на место и убрал руку от пистолета. Сердце бешено стучало, а в кабинете вдруг стало очень душно.

Рома повернулся, в его руках было три пачки долларов. Небрежно бросив их на стол, он спросил:

- Считать?

- Считать, - судорожно кивнул Игорь, испугавшись, что старый и опытный китаец распознает сейчас его морально-психологическое состояние. – Не фальшивые?

- Настоящие, - ответил собеседник.

Рома разорвал ленты, связывающие пачки, и вся масса купюр усыпала стол. Игорь начал считать, аккуратно собирая стопки. Когда счёт был закончен, китаец передал ему газету, в которую предложил завернуть все деньги. Улыбнувшись, он указал на одну из статей, которая была иллюстрирована фотографией грунтового мобильного ракетного комплекса.

- Хороший подарок начальнику, - пояснил Рома. – Очень хороший.

- Спасибо, - кивнул Игорь.

Завернув деньги в газету, и перехватив пачку скотчем, Игорь вложил её во внутренний карман куртки.

- До свидания, Рома, - Игорь довольно дружески посмотрел на китайца. – Мой номер телефона ты теперь знаешь, как буду нужен – звони.

- Хорошо, хорошо, - кивнул Рома. – До свидания.

Когда Игорь вышел из «кабинета», ему навстречу попался милицейский патруль – три сержанта не спеша шли по рынку, с видом хозяев осматривая своё хозяйство. Вначале Игорь усмехнулся, глядя на них, мол, «каждый зарабатывает, как может», но потом ему стало не по себе от осознания того, что если бы он вдруг не совладал с собой, и ограбил бы Рому, то эти трое его бы и задержали. Буквально на выходе. Или, как вариант, эти же самые сержанты вполне могли сейчас напасть и на него – слишком уж большие деньги лежали сейчас в кармане куртки.

Сержанты тоже обратили на него внимание.

- Гражданин, ваши документы!

Они профессионально обступили Котлова, не оставляя тому шансов на бегство.

- Документы в машине, - добродушно сказал Игорь. – Здесь, за углом, пройдёмте...

Сержанты переглянулись – одно дело просто гражданин, и совсем другое дело гражданин с машиной – возможностей найти какие-то правонарушения было несоизмеримо больше.

- Ну, пройдёмте, - согласился старший патруля.

Возле чёрной «Волги» с чёрными военными номерами Игорь остановился, открыл дверь со стороны пассажира, тем самым привлекая внимание водителя, одетого в военную форму, и с усмешкой посмотрел на патрульных:

- Показывать документы?

Для закрепления эффекта он как бы невзначай распахнул куртку, чтобы был виден пистолет в оперативной кобуре.

- Можно было ещё там сказать, - рассерженно сказал старший. – Только время потеряли...

- Сказать мог, показать – нет, - рассмеялся Котлов.

- Всего хорошего... - сержанты милиции утратили к офицеру интерес и удалились.

Игорь сел в машину.

- В штаб.

Исмаилов ждал результатов в своём кабинете. Котлов вошёл, не в силах сдержать улыбку, однако, подполковник не разделял его настроения.

- Докладывайте, товарищ старший лейтенант, о выполнении особо важного задания, - хмуро сказал начальник.

Игорь молодецевато вытянулся:

- Товарищ подполковник, задание выполнено.

- Ну? – начальник вопросительно посмотрел на Котлова.

- Вот, - Игорь выложил на стол пачку.

- Дверь закрой на ключ.

- Ага, - Игорь вернулся к двери и провернул ключ, который торчал в замке.

Именно этого требовала инструкция, регламентирующая работу с секретными документами.

Пересчитав деньги, начальник протянул Котлову тысячу долларов:

- Чтобы ты правильно понимал, почему твоя доля такая, просто представь, сколько должностных лиц было задействовано в этой... операции. Представь, сколько человек рискует своей карьерой, возможностями, какие даёт должность, свободой, наконец. Тебе, старшему лейтенанту, в случае чего ещё не поздно начать жизнь сначала, а вот полковникам или генералам уже сделать это невозможно. И разве бы ты сам, со своими полномочиями, смог бы организовать проезд фуры через границу вот так, без досмотра?

- Товарищ подполковник, я всё понимаю, вопросов по вознаграждению не имею.

- Это хорошо, что понимаешь, старлей. Но я тебе больше скажу. Это ещё очень большая у тебя доля. И то, только потому, что ты эту тему поднял, фактически ты её раскачал. Поэтому мы с товарищами посоветались, и решили, что ты достоин не пятисот, а тысячи долларов.

- Спасибо за доверие, товарищ подполковник!

Тысяча долларов соответствовала в пересчёте на рубли той сумме, которую не так давно офицеры оформили в виде расписок агентурного аппарата. Совсем недавно Игорь считал такую сумму просто фантастической, а сейчас она уже запросто лежала в его кармане.

- Надеюсь, ты теперь понимаешь, что мы отныне в одной упряжке с тобой скачем, и свернуть в сторону теперь просто так ты не можешь?

- Понимаю, - кивнул Игорь.

- Вот и хорошо, - улыбнулся начальник. – А теперь ступай, сдай оружие, и домой – готовиться к завтрашнему дню.

- Есть! Разрешите идти?

- Иди.

Игорь резко повернулся и вышел.

Информация, которая содержалась в статье газеты, предоставленной китайцем, и доведённая до окружного управления в качестве «сообщения агента», снова получила оценку «ценная», так как рассказывала о новом ракетном соединении НОАК, ранее не попадавшем в поле зрения военной разведки. Старшему лейтенанту Котлову была выписана премия в размере пятисот рублей.

Грандиозные по своему замыслу реформы Сердюкова капитан Котлов встретил в должности старшего офицера разведывательного отдела армии, для себя уже решив, что куда-то расти, в данный момент, ему было бессмысленно, так как занимаемое положение вполне отвечало его финансовым запросам. С агентом по имени Рома он установил прекрасные отношения и фактически стал курировать целое направление, участники которого занимались организацией вывоза леса, природных объектов, выведенных из легального оборота и металлического лома, включая золото. Бизнес шёл просто прекрасно, доходы росли, единственно, что печалило капитана Котлова, это то обстоятельство, что ему по-прежнему было необходимо составлять разведывательные сообщения. Для этого ему приходилось носить китайские газеты к давно опостылевшей Ксюше, которая как женщина уже не привлекала насытившегося капитана, но, не понимая этого, всё острее и острее поднимала вопрос документального оформления их отношений. Имея фактическую возможность платить за переводы любую сумму, Котлов неоднократно порывался оборвать связь с преподавательницей. Однако та, уловив это стремление, аккуратно дала понять, что в случае подобного развития событий с превеликим удовольствием посетит отдел военной контрразведки и поведаст им историю о стремительном росте финансового благополучия борзого капитанишки, явно использующего для этого своё служебное положение. После этого эмоционального демарша Котлов слегка

поумерил стремление к прекращению отношений, и теперь ждал момента, чтобы уличить подругу в какой-нибудь неверности, чтобы вина за развод целиком и полностью осталась на ней, что, по его мнению, должно было создать у Ксюши чувство вины, которое психологически препятствовало бы походу в контрразведку.

Практически со всем коллективом отдела Игорь нашел общий язык, кроме двух капитанов, которых начальник разведки старался не вовлекать во внеслужебную деятельность, мотивируя это тем, что данные офицеры, оба прошедшие Чечню, скорее были не согласны с тем положением дел, которое царило в подразделении.

Один из капитанов, Женя Никитин, был выпускником Новосибирского училища, в совершенстве владел китайским и английским языком, обладал навыками как вербовочной, так и аналитической работы и откровенно говоря, только благодаря его усилиям, отдел время от времени получал настоящие агентурные сообщения, а также выдавал точные прогнозы действий противника на ближайшую перспективу.

Другой капитан, Андрей Волков, выпускник Благовещенского ДВОКУ, дружил с Никитиным и показательно демонстрировал своё презрение всем тем своим соратникам, которые лишь имитировали разведывательную деятельность. Он отвечал за войсковую разведку и подолгу пропадал в разведывательных подразделениях армии, где его ценили за высокий профессионализм и стремление давать разведчикам те знания, которые были необходимы на войне. Волков уже четыре года как должен был получить майора, но постоянно налагаемые на него взыскания каждый раз отодвигали представление на неопределенный срок. Его это, конечно, бесило, но против сложившейся системы сделать он ничего не мог. Когда разведывательный отдел в парадной форме должен был участвовать в каком-нибудь торжественном мероприятии, Исмаилов старался запихать Волкова в наряд, так как на фоне его двух орденов Мужества, медали «За отвагу» и медали Суворова, заслуги руководителя отдела и других офицеров, выраженные в наградах, просто меркли.

Впрочем, Котлов в глубине души понимал, что если бы не эти двое, то разведывательный отдел превратился бы в полностью сфальсифицированную структуру, существующую исключительно для

извлечения прибыли из предоставленных подразделению полномочий, прикрываясь откровенным очковтирательством своему командованию.

Переход на одногодичный срок срочной службы и ужесточение контроля в отношении неуставных казарменных взаимоотношений, грянувшие в ходе проводимой военной реформы, отразились на разведке в том, что в самые короткие сроки военные следователи возбудили массу уголовных дел в отношении бойцов и командиров армейских разведывательных подразделений. Полетели головы тех командиров, которые допускали рукоприкладство, словесные оскорбления или привлечение солдат срочной службы к выполнению различных внеслужебных задач.

Исмаилов был чернее тучи. Котлов, вызванный к нему в кабинет, даже слегка испугался – он никогда не видел своего начальника в таком виде.

- Игорь, у меня к тебе будет просьба... - полковник впервые за долгое время назвал Котлова по имени, давая понять, что дальнейшая беседа будет носить внеслужебный характер.

- Слушаю, Рафик Магомедович, - Котлов слегка вытянул голову в сторону начальника.

- Ситуация такая, - Исмаилов не выдержал, и встав со стула, начал расхаживать по своему кабинету. – Для строительства своего дома я просил командира разведывательного батальона ежедневно предоставлять десять солдат. Бойцы исправно выполняли свою работу, и я даже иногда подкидывал им немного денег. Все были довольны, и всё было хорошо. Однако, вчера один из этих бойцов, рядовой Чешков, убыв из части по демобилизации, поехал не домой, а в военную прокуратуру, где он написал заявление на командира батальона, якобы тот использовал солдат как бесплатную рабочую силу, и упомянул про меня. Следователи возбудили уголовное дело. Сегодня меня вызывают в прокуратуру для дачи показаний. Знаешь, чем это пахнет?

Котлов буквально почувствовал весь тот страх, который сейчас владел сознанием полковника, для которого привычное положение вещей, вдруг превратилось в уголовно-наказуемое. Эти перемены своей внезапностью буквально выбили Исмаилова из привычной колеи, и он, как понял капитан, решительно не понимал, что ему нужно сейчас делать.

- Уголовкой, - кивнул Игорь.

- Надеюсь, мне не нужно напоминать тебе, что всем тем благополучием, которое сейчас есть у тебя, шикарным джипом, большими деньгами, ты обязан лично мне?

- У меня никогда не возникало сомнений на этот счёт, - ответил Котлов, понимая, что сейчас с него будут брать долги – за эту красивую жизнь, которую он прожигал в дорогих кабаках, катаясь на машине, стоимость которой равнялась зарплате капитана за пять лет службы.

- Это хорошо, что не возникало, - Исмаилов остановился прямо за его спиной и положил свою руку на плечо. – Ты же понимаешь, что если не будет меня, то не будет и тебя?

- Понимаю, - ответил Котлов, не поворачивая головы.

- Это хорошо... - полковник словно раздумывал, договаривать капитану то, что он задумал, или нет.

- Что я должен сделать, Рафик Магомедович?

- Знаешь, как этим пользоваться?

Исмаилов убрал руку с плеча Котлова, вернулся на своё место и из ящика стола перед капитаном выложил пистолет с зеленой рукояткой и двумя стволами.

- Я такой пистолет только на картинках видел, - признался Котлов, осознавая весь ужас ещё не озвученного предложения.

- Это бесшумный пистолет МСП. Ничего сложного... - с этими словами полковник снова взял пистолет в руки и несколькими движениями открыл его, достал обойму с двумя патронами, показал, как оружие взводится в боевое положение, щелкнул предохранителем. – По учётам проходит, как оставленный в Закавказском военном округе в конце восьмидесятых, так что, даже если пуля останется в теле... ничего страшного с нами не произойдёт.

Котлов чувствовал, как кровь мощными ударами бьёт по вискам. Происходящее казалось ему нереальным, он не мог просто поверить в то, что сейчас говорил ему его непосредственный руководитель.

- Рафик Магомедович... вы уверены, что тяжесть статьи, которую они вам вменяют, соразмерна убийству? – медленно, по складам, спросил Игорь.

- Если этого не сделать, тогда всё, конец... всему конец, - ответил Исмаилов. – Для меня это будет как убийство...

- Товарищ полковник, - Игорь пытался найти слова, которые сейчас мог бы услышать возбуждённый и импульсивный носитель кавказских кровей. – Зачем его убивать? Там же всего лишь рядовой, у которого уязвлено самолюбие... ровно настолько, сколько стоит та работа, которую он успел сделать на вашем доме. Он же мстит вам только за бесплатный труд...

Глаза начальника разведки горели жарким пожаром, потушить который, казалось, нет никаких сил.

- Может, - продолжил Котлов, глядя на пистолет, - достаточно будет всего лишь дать ему денег? Столько, сколько стоит подобный труд? Чтобы он забыл про вас, чтобы сказал, что случайно ошибся, опорочив честь честного офицера...

Игорь замолчал. Всё, что нужно было сказать в этой ситуации, он сказал.

Полковник снова подскочил со своего места и принялся ходить по кабинету.

- Денег, говоришь, дать...

- Да.

- Ты уверен, что он пойдёт на это?

- Ради денег – пойдёт. Куда ему деваться? Он только что демобилизовался, возвращается на гражданку, деньги ему сейчас очень нужны. Я бы даже сказал, что крайне необходимы.

- Наверное, ты прав... - Исмаилов вернулся на своё место. – Твои предложения?

- Я встречу с ним, предложу деньги...

- Если откажется, - начальник выразительно посмотрел на МСП: - Его нужно будет убить.

С таким раскладом Котлов с готовностью согласился, так как плохо представлял себе ситуацию, при которой человек, ради удовлетворения своих амбиций, ещё слабо сформировавшихся в силу возраста, добровольно откажется от годового заработка.

- Тогда да, завалю, как собаку, - кивнул Игорь.

Чтобы опознать рядового Чешкова, из разведывательного батальона Игорь забрал командира роты, с которым они проехали к гостинице железнодорожников, где военные следователи прятали терпилу. Несколько ранее разведчики уже установили, в каком номере проживал боец, и за три дня наблюдений выявили закономерность – в

три часа дня Чешков выходил из гостиницы и шёл к ближайшему киоску, в котором покупал сигареты и пиво. Выставившись неподалёку, в назначенное время наблюдатели увидели вышедшего из гостиницы парня.

- Это он, - сказал ротный. – Тот ещё гадёныш, как оказалось.

- Оставайтесь здесь, - сказал Игорь и вышел из машины.

Он зашёл в гостиницу, и убедившись, что не представляет никакого интереса для барышни, сидящей под вывеской «дежурный», поднялся на второй этаж. В небольшом закутке стоял старый диван, на котором Котлов и расположился в ожидании бойца.

Бегущий по стене жирный таракан живо разъяснил Игорю причину, по которой следователи выбрали именно эту гостиницу – цена номера стремилась к самой нижней планке. Впрочем, туда же стремился и уровень предлагаемого комфорта.

Ждать долго не пришлось. Когда Чешков, с гремящими бутылками в цветастом пакете прошёл мимо, Игорь поднялся и последовал за ним. Возле двери бывший боец поставил пакет на пол, и быстро открыл дверь. В какой-то момент Игорю показалось, что разведчик почуял что-то, и ускорившись, он едва успел переступить порог прежде, чем закрылась бы дверь. В последний момент он натянул на лицо маску с вырезами для глаз.

- Один твой крик, и ты ляжешь с дыркой в голове. Знаешь, что это?

- Котлов направил оружие в лицо рядового, точно зная, что за время службы тот изучал МСП – полчаса назад об этом Игорю сообщил его командир роты.

- Да... - обречённо ответил боец. – Знаю.

- Садись, - капитан указал на стул, стоящий возле столика.

Когда Чешков сел, Игорь расположился напротив.

- Смотри, вот тысяча долларов, - Котлов бросил на стол десять купюр. – Это за ту работу, которую ты выполнял на строительстве дома. Это справедливая цена, и даже больше. Согласен?

Боец сдержанно кивнул.

- А вот пистолет, выстрел из которого никто не услышит, - Игорь на мгновение перевёл свой взгляд на оружие, направленное в голову собеседника. – Выбирай, что для тебя важнее.

Краем глаза Котлов увидел, как у бойца затряслись руки. Он был в шоке от такого развития событий и конечно, хватался за любую

возможность избежать вполне вероятной гибели – он как никто другой знал возможности военной разведки. И наклонности некоторых её представителей.

- Чтобы ты быстрее думал, я буду уменьшать сумму, - свободной рукой Игорь подхватил одну купюру. – Как только деньги закончатся, я стреляю тебе в лоб.

Чешков бледнел на глазах, но решения пока принять не мог. Игорь забрал со стола вторую купюру.

- Думай быстрее.

Боец словно ожил, глаза его забегали. Когда Игорь забрал третью купюру, Чешков накрыл своей ладонью остальные.

- Ну, вот и хорошо, - облегченно выдохнул Котлов. – А теперь напиши расписку.

- Ка... какую ра... расписку? – спросил Чешков.

Игорь положил перед ним слегка скомканный лист бумаги и ручку.

- Я, рядовой Чешков, от гражданина Исмаилова Рафика Магомедовича получил вознаграждение в размере семисот долларов за помощь на строительстве дома. Работу выполнял в период с... по... затем поставь роспись и дату. Дату давай поставим... месяц назад. Нормально же будет? – Игорь улыбнулся.

Когда Чешков закончил писать, Игорь аккуратно сложил лист бумаги вчетверо и убрал в карман.

- Теперь смотри: Исмаилов тебе ничего не должен. Твоя работа на его доме полностью оплачена. Ты с этим согласен?

- Да, - судорожно кивнул боец.

- Это значит, что теперь у тебя нет к нему никаких претензий. Правильно?

- Да.

- То есть, чисто по-человечески, ты теперь не можешь требовать в отношении Исмаилова какого-то наказания. Правильно?

- Так...

- Ты теперь дембель с деньгами, с большими деньгами. Вернёшься домой, и все бабы твои. Хорошо же, правильно?

- Да, хорошо, - согласился Чешков.

- А чтобы всем было хорошо, на следствии ты скажешь, что перепутал начальника разведки Исмаилова с неизвестным тебе мужчиной.

Чешков неуверенно кивнул.

- Если ты так не скажешь, и следователи придут к Исмаилову, он покажет эту расписку... да, возможно он и пострадает немного, но его точно не посадят – нет в его действиях никакого преступления. Но тебя за ложный донос посадят – это точно. Мы для этого приложим все усилия. Знаешь, следователи деньги тоже любят. Но даже если вдруг тебя не посадят, тогда мы тебя просто убьём – в качестве наказания за неисполнение тобой взятых на себя обязательств. Всё понял?

- Понял, - отрешенно кивнул боец.

- Ну, тогда я пошёл, - Игорь встал. – А ты оставайся, пей своё пиво, и думай, как теперь ты хорошо будешь жить с баксами на кармане.

- А комбат? – вдруг спросил Чешков.

- А что комбат? – спросил Котлов.

- Ну, про него, что я должен говорить?

- А что ты уже сказал?

- Ну, что он бил меня, оскорблял...

- А он бил тебя, оскорблял?

- Ну... да.

- Ну, раз он тебя бил и оскорблял, то пусть отвечает по всей строгости закона. Это же справедливо будет, как считаешь?

- Да... - Чешков отвечал так, словно боялся за свои ответы, будто за них можно получить какое-то наказание – здесь и сейчас.

- Ну, вот видишь.

- Я понял.

- Тогда бывай... и это... в течение часа никуда не выходить, никому не звонить.

Игорь вышел из номера, снимая маску. В разведывательном батальоне Игорь встретился с комбатом.

- Надеюсь, для вас, товарищ майор, нет необходимости напоминать, что своих старших начальников вы не должны сдавать ни при каких обстоятельствах, хотя бы для того, чтобы не пойти в составе группы, за что срок для всех увеличивается в два раза?

- Капитан, я всё понимаю, - комбат подарил своему собеседнику презрительный взгляд.

Он сейчас был для Котлова как человеком из другого мира, или как прокажённый, касание к которому влекло только боль и беду.

Интуитивно хотелось сторониться этого майора, чтобы не подхватить от него заразу предстоящего наказания.

Вернувшись в штаб армии, Игорь передал Исмаилову расписку Чешкова.

- Товарищ полковник, у меня вопрос, разрешите?

- Давай, - прочитав расписку начальник заметно повеселел.

- А тот дом, из-за которого это всё закрутилось, оформлен на вас?

- Нет, конечно, - усмехнулся полковник. – На моего двоюродного брата, который живёт за девять тысяч километров отсюда и который носит другую фамилию.

- Тогда ваш вопрос решён полностью, - улыбнулся Игорь.

- Гарантируешь? – рассмеялся Исмаилов.

- Ага, - Игорь позволил себе рассмеяться в ответ.

Исмаилов достал из шкафа бутылку коньяка.

- Отметим, капитан...

Чешков на следствии заявил о своей ошибке, которую пришлось внести в материалы дела. Проверка документов на строящийся дом показала отсутствие связи с полковником Исмаиловым. Командир батальона, а также ещё два офицера разведывательного батальона, за «истязания и оскорбления подчинённых», уехали на четыре года на общий режим. Следом за ними уехало много других боевых офицеров, в том числе ротный из спецназа, который на занятиях по рукопашному бою случайно сломал руку своему подчинённому – «не обеспечив безопасность выполнения учебных приёмов». Следователи, получившие карт-бланш на наведение порядка в вооруженных силах, старались, как могли: абсурдных дел, лишённых даже логики, было не счесть. Боевые офицеры, которые знали цену нормального и правильного воспитания солдат, массово стали покидать вооруженные силы. Становилось модным работать «в рамках инструкций и ценных указаний», что постепенно лишало самостоятельности, и как следствие - ответственности. Офицеров старой закалки, или правильно ориентированных, стали повсеместно гнобить и изживать, дошло до того, что им стали предлагать сержантские должности, если они хотели остаться на службе. Шло массовое сокращение, и по ОШМ стали увольняться все, кто был не согласен с навязываемой в войсках «новой культурой». На радость многим военным, увольнение по организационно-штатным мероприятиям давало квартиру, тогда как

раньше жилплощадь приходилось ждать десятками лет. Попутно появилось утверждение, что боевой опыт уже и не так важен для карьерного роста, как раньше – этот тезис двигали те, у кого такого опыта не было, но которые смогли занять тёплые должности и уже поглядывали на более высокие посты, занять которые как раз и мешали пока те, кто знал цену боевой службы.

Чтобы избежать ответственности, реальные занятия с личным составом стали заменяться подробными письменными отчётами, в которых не было никаких происшествий, и всё было проведено точно по науке – и снаряды летели туда, куда надо, и танки шли, как на параде, и водные преграды форсировались, как положено. А уж дисциплина в войсках, если верить этим отчётам, поднялась на небывалую высоту.

Офицеры старой закалки проклинали тот день, когда в войсках появилось злое слово «Табуреткин». Наиболее прозорливые не переставали говорить, что весь этот показной «цирк» ещё аукнется таким «вооруженным силам» огромными реками крови. Но в «новом облике» мало кто верил в большую, настоящую войну. Даже все учения стали проводить всего только против мифических террористов, а не против механизированных или танковых соединений НАТО или НОАК.

- ... присвоить капитану Котлову звание майор досрочно! – полковник Исмаилов закончил торжественно зачитывать приказ и замолчал.

Строй разведывательного отдела загудел, рядом стоящие товарищи стали хлопать Игоря по спине и плечам. Поняв, что нужно сделать, капитан сделал два шага вперед.

Начальник передал Котлову майорские погоны. Игорь взял их в левую руку, развернулся лицом к строю, правую руку приложил к козырьку:

- Служу России!

В этот момент он встретился взглядом с капитаном Волковым, лицо которого украшала выразительная усмешка, в которой Игорь прочитал все чувства, питаемые этим боевым офицером к любимчику начальника отдела. Пару месяцев назад, когда практически весь отдел

по «четырёхсотому» приказу получил нехилую премию, из-за наложенных множественных взысканий Волков и его друг Никитин были лишены этой радости. Из-за этого Волкова бросила супруга, которая спустя месяц уже жила с каким-то богатым коммерсантом, возившим лес в Китай. Андрей очень сильно переживал по этому поводу, но ничего сделать не мог – так складывались обстоятельства. Его рвение по службе, его работа с войсковыми разведчиками, всегда оставалась в тени других офицеров отдела. Например, таких как Котлов. Благополучие которого, и Волков знал об этом совершенно точно, было основано на газетных вырезках, информацией из которых окружное управление буквально забрасывали подобные «разведчики», которых было большинство в добывающих подразделениях разведки военного округа.

Спустя несколько дней в отдел пришли документы, предписывающие провести сокращение штата. Естественным образом в списке сокращаемых оказались два офицера, капитан и майор, которые как не выказывали особого рвения по службе, так и не были вовлечены во всякие финансово благоприятные мероприятия. Им автоматически полагались квартиры, чему офицеры и их семьи были несказанно рады. А вот Волкова и Никитина было решено сохранить в системе вооруженных сил. Им было предложено перейти на нижестоящие должности командиров взводов в разведывательные подразделения армии. Не видя других возможностей дальше служить Родине, они согласились. Всему отделу было понятно, что таким образом Исмаилов расправился с ними за их профессионализм, лишив грамотных офицеров возможности получить по увольнению квартиры.

Организационно-штатные мероприятия не затронули Котлова, возможно и потому, что отсылая в кадры свои рекомендации, Исмаилов обильно «смазал» их некоторой суммой денег, вырученных из тех возможностей, которые росли из предоставленных ему прав и полномочий. Свою команду, которая приносила ему прибыль, полковник был готов поддерживать всеми силами.

На вопрос Котлова, кто же будет обеспечивать отдел реальной разведывательной информацией, Исмаилов только усмехнулся, и ответил, что после масштабных сокращений, оптимизаций и перемещений, в системе уже не осталось людей, придающих значение

такому пустяку. Этот ответ полностью удовлетворил интерес недавно испечённого майора.

- Молодой человек, - миловидная дама обратила на себя внимание Котлова, который только что вышел из «кабинета» своего китайского друга. – Вы не могли бы мне помочь...

- С радостью, - ответил Игорь, остановившись. – Чем могу?

- Мне нужно... - начала дама.

В этот момент рядом с майором оказалось несколько человек в черных масках, которые быстро сбили его с ног, вывернули руки, и, схватив за глазницы, подняли голову к небу. Всё произошло так быстро, что Игорь даже не успел отреагировать, и уж тем более, воспользоваться пистолетом или приёмами самообороны.

- ... что бы рассказали мне несколько интересных историй, - дама завершила свою фразу и ткнув в лицо Котлову удостоверением, представилась: - Старший следователь военно-следственного управления майор юстиции Киреева. Назовите вашу фамилию, имя, отчество, воинское звание и занимаемую должность!

Так как всё это происходило в центре овощного рынка, то вокруг сразу образовалась толпа зевак, которые с интересом смотрели на происходящее.

Кто-то из оперов надел Котлову наручники, больно зажав охваты.

- Котлов Игорь Михайлович, майор, старший офицер отдела...

- Какого отдела? – уточнила следователь.

- Разведывательного отдела армии... - пояснил Игорь.

В это мгновение перед его глазами летела кувыркком вся его жизнь. Занимаясь «заработками» с китайцами, таможенниками и пограничниками, он, конечно, осознавал, что совершает преступление. При этом он старался убедить себя, что от этого преступления ничего плохого государству не делается, и тем более, если посудить, что и он, и таможенники, и пограничники – и есть государство.

Его грубо подняли на ноги. Киреева не прятала от него глаза, как это делают молодые или неуверенные в себе следователи, а наоборот, смотрела жестко, подавляюще, и именно это обстоятельство более всего напугало Котлова.

- Что при себе имеется у вас в карманах куртки? – спросила она.

В кармане лежали два пакета в которых суммарно было пятьдесят тысяч долларов, сотовый телефон-раскладушка, удостоверение прикрытия, выписанное на «участкового уполномоченного майора полиции Иванова», спецудостоверение «выполняет задание особой важности», выписанное на майора Котлова и подразумевающее запрет на досмотр и задержание его владельца, а в наплечной кобуре находился табельный пистолет Макарова с одним магазином патронов.

Котлов перечислил содержимое, не упомянув пакет с деньгами. Один из оперов начал вынимать перечисленные вещи и класть их на пакет, расстеленный прямо на земле.

- Граждане понятые... - Киреева привлекла внимание участников задержания. – Во внутреннем кармане куртки находится пакет, видите?

Понятые кивнули.

- Что в пакете? – спросила следователь.

- Не знаю... - растерянно ответил Игорь. – Это не мой пакет.

Он ещё не мог до конца поверить в происходящее, а также не понимал, как ему действовать в такой ситуации. В голове роились мысли о том, что Исмаилов, своей властью, вмешается в это дело и весь маскарад закончится, как страшный сон. Но маскарад не заканчивался.

Следственные действия переместились в следственный отдел, где под лучами ультрафиолетовой лампы засветились флуоресцентным порошком и деньги и руки Котлова. Запираться дальше было бессмысленно. Игорь был подавлен.

- Давайте сразу договоримся, - следователь смотрела ему в глаза. – Для вашей же пользы вы будете говорить мне только правду. Суд обязательно учтёт ваше деятельное раскаяние и вы сможете рассчитывать на минимальный срок. Так же вы должны понимать, что ни я, ни опера из ФСБ, не пришли бы за вами, если бы не собрали огромную доказательную базу по всем участникам вашего преступного сообщества. Итак, поговорим?

Игорь сидел за столом, напротив Киреевой и сосредоточенно смотрел в какую-то точку обшарпанной столешницы, очевидно, повидавшей за свою жизнь много интересных признаний.

- А есть другие варианты? – спросил Игорь.

- Для вас? – лицо Киреевой излучало полное безразличие к судьбе допрашиваемого. – Конечно, есть. Вы можете сослаться на 51 статью

Конституции и ничего нам не рассказывать. Тогда мы...

- Тогда вы сами придумаете удобную для вас картину обвинения?

- Вижу, вы всё понимаете, - следователь сохранила показное безразличие. – Приступим?

- Хорошо, - кивнул Игорь. – Я отвечу на все ваши вопросы, но для начала попрошу встречи со своим руководителем, потому что в том, что вы видите, есть моменты, составляющие государственную тайну.

Котлов попытался отыграть на каких-то тёмных сторонах деятельности спецслужб, напустив туману и намекая на некие обстоятельства, которые он «не мог бы раскрыть».

- А смысл? – спросила Киреева. – Полковник Исмаилов Рафик Магомедович в настоящее время даёт показания другой следственно-оперативной группе. Вы даже представить себе не можете масштаб операции. Мы взяли всех.

У Котлова закончились аргументы, которыми он теоретически мог выиграть себе какие-то более благоприятные позиции, и Игорь обреченно кивнул.

- Задавайте ваши вопросы.

- При каких обстоятельствах вы приняли предложение китайской стороны способствовать незаконному перемещению через государственную границу предметов, выведенных из легального оборота?

Сама по себе постановка вопроса уже красноречиво говорила о степени осведомлённости органов следствия по данному делу. Однако, Игорь решил вынуть из рукава последнюю козырную карту:

- Обстоятельства встречи с представителем Китая составляют государственную тайну, и при всём моём желании я не могу вам ответить на этот вопрос.

На лице Киреевой не дрогнул ни один мускул.

- Мы предусмотрели такой ответ, и поэтому с вашим разведывательным отделом работают следователи, имеющие высшую форму допуска. Вот у вас, к примеру, вторая форма. А у меня – первая. Продолжим разговор?

Спустя два часа Киреева протянула Котлову мелко исписанный протокол допроса. Ставя свою подпись, Игорь подумал, что подписывает себе приговор.

- Посидите здесь пару минут, я сейчас вернусь, - сказала следователь, и, собрав все бумаги в папку, направилась к выходу: - Никуда не уходите.

Дежурная шутка не рассмешила Котлова. Эмоциональный криз у него уже прошёл, и теперь он сидел опустошённый и оглушённый. Правильно поставленными вопросами, молодая, но опытная следачка буквально вывернула его наизнанку. Она быстро определила психотип допрашиваемого, его состояние, его зависимости от определенных жизненных факторов, имеющих отношение к делу, и поэтому выбранная ею тактика допроса не оставила Котлову шансов что-либо утаить.

Киреева вернулась минут через десять.

- Вы можете быть свободны, однако, мне необходимо взять с вас подписку о невыезде, и явке к следователю по первому требованию.

До Котлова долго доходил смысл сказанного, а когда понимание, наконец-то, пришло, он удивленно спросил:

- Я могу быть свободен?

- Конечно, - кивнула следователь. - Всё, что нам было от вас надо, мы получили. Распишитесь здесь, здесь и здесь...

Игорь на автомате поставил свои подписи.

- По коридору прямо, затем направо, дежурный в курсе, вас выпустят...

- Табельное оружие и удостоверения?

- Изъяты в рамках уголовного дела, - ответила Киреева. - Деньги, разумеется, тоже.

И тут она впервые улыбнулась. Это была улыбка милого дьявола.

Исмаилов сидел мрачнее тучи. Оказалось, что из всего разведывательного отдела задержания коснулись только его и Котлова, остальные оставались в неведении происходящего.

- У меня нет к тебе претензий, Игорь, - сказал полковник. - Нет никакой речи о том, что из нас кто-то кого-то сдал. В схеме было слишком много участников, и уж тем более, таможенники и пограничники всегда находятся под неусыпным наблюдением госбезопасности... видимо от них и протекло. А потом нас всех

поставили на прослушку, выставили за каждым наружку, месяц понаблюдали и всё... можно брать.

В этот момент Игорь подумал про Ксюшу, которая в эмоциональном порыве как-то пообещала сдать его «бизнес» чекистам. С Ксюшей было покончено давно, года два уже назад, и покончено так, как и хотел Игорь – уличив её в отношениях с другим мужчиной – но возможность того, что она сдержит обещание, тем не менее, сохранялась. Говорить об этом Исмаилову Котлов не решился.

- Что нам теперь делать? – спросил Игорь.

- Мне дали три дня на раздумье, - сказал полковник. – Показали протокол твоего допроса. Сказали, что материалов собрано достаточно...

- На раздумье... чего?

- Ты разве ещё не понял, что это было?

- Нас поймали на преступлении, - озвучил Игорь совершенно очевидную версию.

- Эх, Игорь... - Исмаилов поднялся со стула и по своему обыкновению, когда приходилось нервничать, начал расхаживать по кабинету. – Это же понятно, как дважды два...

- В высшей математике дважды два – не всегда четыре. Есть варианты... - Котлов нашёл в себе силы усмехнуться.

- В общем так. Взяли они не нас, а накатанный канал вывоза. Мы в этой истории, можно сказать, обычные пассажиры. Конечно, они посадят кого-то. И скорее всего это будут конкретные таможенники, которые в конкретный момент пропустили конкретную фуру. Почему-то я уверен, что пограничников они не тронут. Пожурят, конечно, объявят строгий выговор, но садить их не будут – потому что это пятно на всю контору. А таможенники – это законные для них терпилы. Этих можно...

- Если они пасли нас месяц, или больше, они выявили все связи...

- Естественно. Поэтому мне, начальникам таможни и погранцов они сделали предложение, от которого трудно отказаться. И на размышления дали три дня.

- В чём заключается это предложение, если не секрет?

- Мы передаём им все связи этого канала, а сами в самое ближайшее время переводимся в другие регионы.

Так как ответ касался только руководства задействованных структур, Игорь забеспокоился.

- А... я?

- Ты на свободе?

- Пока да, - кивнул Игорь.

- Это ответ на твой вопрос. А два таможенника были арестованы, и сейчас дают показания в следственном изоляторе. Они, так же как и ты, рассказали всё, что знали. Теперь всё зависит от меня, от главного таможенника и главного пограничника. Если мы не соглашаемся, тогда дело принимает широкий размах. Если соглашаемся на их предложение, тогда с таможенниками проведут работу, и они сократят свои показания, убрав остальных участников.

- Они сядут при любом раскладе?

- Конечно, - кивнул полковник. – Кто-то же должен ответить за совершённое преступление.

- И какое будет ваше решение?

- Игорь, - полковник впервые улыбнулся. – Ты думаешь, что мне хочется сидеть?

- Вы нашли себе место, куда перевестись?

- Ты намекаешь, чтобы я взял тебя с собой?

- Не намекаю. Спрашиваю прямо.

- Да, я уже нашёл себе место. Поступаю в академию Генштаба. Дорого, но ситуация не располагает к стяжательству... - он снова улыбнулся.

- Товарищ полковник... может быть, вы мне что-то порекомендуете?

- Конечно, порекомендую, майор, - Исмаилов вернулся на своё место, полистал настольный блокнот. – Ты когда-нибудь был на российском юге?

- Нет, - Игорь помотал головой.

- Там мой однокашник служит начальником разведывательного центра. Ты поедешь к нему заместителем. Эта должность будет стоить тебе пятьдесят тысяч долларов.

- Я согласен, - не раздумывая ответил Котлов.

- Но есть нюанс, - полковник внимательно посмотрел на Игоря.

- Какой?

- Чтобы тебя не закрыли, сегодня вечером ты едешь за город, подальше от лишних глаз, в ресторан «Малина». Там в отдельной кабинке тебя будет ждать твоя следачка. Ты передашь ей десять тысяч. И помни майор, мы теперь с тобой в одной упряжке на все оставшиеся годы. И мы должны помогать друг другу всегда. У меня есть свои покровители, которым я тоже помогаю, а они мне. У них тоже есть свой покровитель, считай, на самом верху. Не забывай это никогда.

- Да, - кивнул Игорь.

- А когда станет возможно, когда я закончу академию и получу новое назначение, я обязательно заберу тебя к себе.

- Спасибо, товарищ полковник! Я теперь ваш вечный должник!

- Ты не должник, - усмехнулся Исмаилов. – Ты верный боевой соратник.

Направляясь в «Малину», Игорь распланировал ещё несколько дел на вечер, так как не представлял себе, что передача денег может занять много времени. Однако, когда он вошёл в отдельную кабинку, то увидел там накрытый стол, за которым в вечернем платье сидела его следователь. В одно мгновение ему стало понятно, что банальной передачей пакета из рук в руки эта встреча не ограничится.

- Добрый вечер... - он старательно улыбнулся.

- Здравствуй, Игорь, - сдержанно сказала она. – Проходи, располагайся, угощайся.

- У меня...

- Я не хочу ничего слышать. Сегодня мой вечер, и ты поможешь его провести.

Котлов ожидал чего угодно, но только не этого. Повесив на вешалку свою куртку, он присел за стол.

- Я даже не знаю, как вас зовут.

- Лена, - сказала она, посмотрев Котлову в глаза.

На этот раз взгляд был не таким жёстким, но оставался очень даже требовательным, отказывать которому совершенно не хотелось.

- Мне право, не очень удобно, - честно признался Игорь.

- Да бросьте, - улыбнулась она. – Забудьте то, что было в кабинете. Мы здесь по другому вопросу... налейте даме водочки.

Только сейчас Игорь понял, что его слегка смутило при первом взгляде на стол: вместо шампанского или дорогого вина, которое органично дополняло бы вечернее платье, среди нескольких блюд китайской и русской кухни располагалась бутылка водки. Игорь открыл её и в пододвинутую Леной рюмку быстро налил две трети.

- Полную, - сказала она.

Когда Котлов долил до краёв, и поставил бутылку на стол, следователь взмахнула ладонью:

- Себе.

- Я за рулём, - ответил Игорь.

- Ничего страшного, - сказала Лена. – Здесь над нами прекрасные номера, где вы можете остаться на ночь. Наливайте.

Что-то мужское загорелось в груди, и Игорь почувствовал, что начинает смотреть на свою собеседницу совершенно не так, как это было всё предыдущее время. Запланированные на вечер другие дела можно было перенести, и он решительно подвинул к себе вторую рюмку. Тем более, цель приезда в дальнейшем подразумевала исключение его фамилии из материалов уголовного дела, и как следствие – избежание уголовного преследования. То есть сейчас он, как минимум, переставал быть подозреваемым, и снова обретал статус свободного члена общества. А это, в свою очередь, раскрывало и другие, привычные для него, перспективы.

- Предлагаю выпить за взаимодействие структур, - она предложила тост и улыбнулась.

- Хорошее предложение, - согласился Игорь.

Они выпили, начали закусывать.

- Привезли? – спросила Киреева.

- Да.

- За вами на полу стоит коробка, бросьте пакет туда.

Игорь исполнил требование.

- Пересчитывать не будете? – поинтересовался Котлов.

- Зачем? Если вы задумали меня обмануть, это быстро вскроется, и тогда все договорённости, достигнутые с Исмаиловым, прекратят свою силу. И вы поедете на этап. А вам это надо? Нет. Налейте ещё.

Наливая вторую рюмку, Игорь вдруг усмехнулся: его собеседнице, очевидно, было слегка за тридцать, примерно, как и ему, и Лена всю свою сознательную жизнь прослужила в организации, в которой не

пьют шампанское, а проставляются исключительно водкой или коньяком. А она – майор, значит, проходила процедуру проставления при получении очередных званий как минимум четыре раза – за лейтенанта, старшего лейтенанта, капитана и майора. Ну, и мужской коллектив, который окружал её все эти годы, наверняка не ограничивал её только отмечанием званий. В общем, ещё стоило призадуматься, кто кого перепьёт.

Подняв рюмку, она посмотрела на Игоря:

- Давайте забудем весь негатив...

- Я не против, - согласился Котлов.

Закусывая, он вдруг поймал себя на мысли, что начал любоваться её формой лица, а где-то в глубине души, по очертаниям одежды, уже пытался представить, как выглядит её фигура. Тогда, когда его задержали, и она проводила с ним допрос, Киреева была одета в камуфляж, который не выдавал подробностей фигуры, а вечернее платье было весьма многообещающим.

Котлов, даже через хмель, который требовал сейчас только одного, всё же пытался найти логическое объяснение, зачем она пригласила его в кабак, и распивает с ним алкоголь, стараясь вести непринуждённые беседы, и при этом, выставляя напоказ, хоть и не так явно, как делают многие, свою сексуальность. Допустить то, что сотрудница, работающая в мужском коллективе, обделена мужским вниманием, он, конечно, не мог.

Не дожидаясь дополнительных команд, Игорь разлил ещё по одной, и она оценила этот жест – согласно кивнула, тут же поспешив поднять полную рюмку.

- Игорь, вы же разведчик? – спросила она, точно зная ответ на этот вопрос.

- Разведчик, - кивнул Котлов.

- Тогда давайте выпьем за оперативный успех, - предложила Лена.
– Вы же, в своей конторе, наверняка поднимаете такой тост, правда?

- Поднимаем, - соврал Игорь, желая произвести на собеседницу благоприятное впечатление.

Они выпили, закусили. Спустя ещё несколько тостов Игорь совершенно раскрепостился, они обсудили новые фильмы, затем Котлов блистательно поведал своей собеседнице о культурной жизни северной столицы, не преминув упомянуть о своём высоком

«питерском» происхождении, а когда в общем зале заиграла музыка, он отважился пригласить Лену на танец. Она с готовностью согласилась.

В медленном танце он обнял её за талию, а она своими руками обвила его шею. Чувствуя нарастающее возбуждение, Игорь несколько раз прижал её к себе так, чтобы и она смогла оценить его состояние. Лена улыбнулась и весьма призывно облизнулась, закладывая в это действие не только устранение сухости своих тонких губ. Когда танец закончился, Котлов проводил даму к кабинке, а сам едва не бегом вернулся к бармену:

- Мне нужно снять номер до завтра!

Бармен указал, как пройти к администратору гостиницы, которой Игорь быстро заплатил за номер, и, получив ключ, вернулся в кабинку.

Вдруг он всё понял. Эта майорша свои взаимоотношения в мужском коллективе ставила таким образом, чтобы никому и никогда не идти навстречу оказываемым знакам внимания. Отдашься одному – захочет другой, и так пойдёшь по рукам, приобретая общедоступность «дежурной давалки». Чтобы этого избежать, она просто обязана была все свои личные отношения строить на стороне. А так как Котлов был весьма привлекателен на вид, она, ему это было вполне очевидно, решила воспользоваться возможностью провести вечер в обществе неотразимого мужчины. Тем более, что «контакт» между ними был уже, хоть и своеобразно, но налажен – не приходилось искать кого-то «на стороне».

- Это было долго, - улыбнулась Лена. – Я заждалась.

- Я исправлюсь, - засуетился Котлов, наливая очередную рюмку. – За что пьём?

- За объективность и точность выводов, - предложила майор юстиции.

- Хороший тост, - согласился майор военной разведки. – В нашем деле объективность и точность выводов в разведывательных сводках - это главное, что вообще может быть в разведке. Это именно то, чем я занимаюсь по своей должности...

Выпив и закусив, Лена посмотрела на Игоря:

- Слушай, я вот смотрю на тебя, и думаю, на кого ты похож?

Игорь невольно расправил плечи и приосанился, в голове он отметил, что она перешла на «ты».

- Я поняла, - улыбнулась она. – На Ди Каприо... точно!

Котлов, решив, что нужный момент настал, будто невзначай выложил на край стола ключ от номера.

- Лена... может быть, мы продолжим наше общение в тишине?

- Зачем? – удивилась она.

- Ну, как зачем? Я же не маленький, и понимаю...

- Что ты понимаешь? – усмехнулась она.

- Всё.

- Нет, ты скажи, - её милое личико сияло озорством и заставляло Игоря предвкушать незабываемое удовольствие. – Я хочу это услышать...

- Лена... - Игорь даже постарался уластить свой голос, полагая это необходимым в данный момент. – Я понимаю, зачем ты позвала меня сюда... в твоём коллективе, где, скорее всего, одни мужчины, тебе было бы непристойно кому-то отдавать своё предпочтение... и ты... здесь...

- Интересно, - она склонила набок голову. – Ты считаешь, что я позвала тебя сюда для, скажем так, более близкого общения?

- Это же очевидно, - Игорь, как мог, старался говорить самым сладким голосом.

- Кому?

- Мне...

- С чего ты сделал такой вывод?

- Ну как же... обстановка... такое расслабление... уединение...

- Ну, допустим, обстановка и уединение, - усмехнулась она. – А где среди всего этого ты увидел мою готовность тебе отдаться?

- Это же... исходит из самого факта... вот эта отдельная кабинка... номера наверху... ты же сама сказала мне про номера... - Игорь вдруг почувствовал, как появляется какой-то чувство тревоги, пока ещё не объяснимой, но уже вполне ощутимой.

- Котлов, ты сделал ошибочные выводы, которые есть не что иное, как твоё больное воображение, - она посмотрела ему в глаза, и Игорь увидел, как сильно поменялся её взгляд – теперь она смотрела на него с отвращением. - Ты, кстати, и в жизни, и на своей работе, поступаешь точно так же – вместо холодного анализа ситуации, рисуешь свои фантазии и хотелки. А ещё ты очень сильно надеешься на свою условную красоту, которая на самом деле не твоя, а этого Ди Каприо... и ты пользуешься его образом, чтобы снимать тёлки. Я открою тебе

секрет – я пришла сюда только за твоими деньгами. А ещё - чтобы бухать. Потому что с этой службой, «в мужском коллективе», я давно уже стала алкоголичкой.

- Лена... - Котлов попытался её остановить, чтобы дальше не терпеть настоящее разрушение его самолюбия.

- А как мужчина, в плане там секса, ты меня не привлекаешь от слова «совсем». Я же сама допрашивала тебя, и видела, как ты, спасая свою шкуру, старательно сливал каждого, кто был с тобой в команде. Ты тряпка и ничтожество. С собой ты не представляешь ни-че-го. Я увидела тебя изнутри, и поэтому трахаться с тобой у меня нет никакого желания.

Она встала, и начала быстро одеваться. Игорь сидел, словно оглушенный. Забрав пакет с деньгами, Лена открыла дверь кабинки и обернулась.

- Жаль, что наши с тобой начальники договорились тебя отпустить. Я бы посадила тебя только за то, что ты без всякого сопротивления сдал своих товарищей. Настоящие мужчины так не поступают. Провожать не надо, меня проводят. Настоящие. Я ты можешь бухать дальше. Столик оплачен.

Она вышла, закрыв дверь.

В общем зале играла музыка, люди танцевали и веселились.

Котлов сидел за столом, обхватив голову.

Так его ещё никто не кидал.

ГЛАВА 3

- Майор Котлов для дальнейшего прохождения службы прибыл, - Игорь приложил руку к козырьку.

Полковник Гаврилов, начальник разведывательного центра, встал из-за своего стола и подошёл к Котлову, протянул руку:

- Здравствуй, майор. Рафик сегодня уже два раза звонил, про тебя спрашивал. Как добрался?

- Нормально, - Игорь пожал крепкую руку старшего офицера. – Пока остановился в гостинице, до дальнейших распоряжений...

- Хорошо, - кивнул полковник. – У нас в гарнизоне есть служебная квартира, правда, добираться оттуда далеко, но можно снять квартиру в городе, варианты есть всегда. На ваше усмотрение.

- Спасибо, - кивнул Котлов. – Разберусь. Разрешите ознакомиться с должностными обязанностями?

- Конечно, - полковник вернулся за свой стол и набрал кого-то по телефону. – Юра, зайди.

Не прошло и полминуты, как в кабинет вошёл высокий капитан, который был лет на пять старше Котлова, и Игорь сразу определил в нём профессионального разведчика – по глазам, по выправке, по знаку за тяжелое ранение, по значку парашютиста на груди, который соседствовал со значками за окончание высшего военного и суворовского училищ. Орденские планки говорили о том, что их хозяин был награждён двумя медалями «За отвагу». Этот офицер явно не из пальца добывал свою информацию.

- Юра, введи, пожалуйста, моего нового заместителя в текущую обстановку. В общую, по задачам центра.

- Есть, - капитан повернулся к Котлову: - пройдётте за мной, товарищ майор.

Пока шли по коридору, капитан представился:

- Моя фамилия, прошу правильно расслышать и запомнить, Чмырёв. Никаких шуток в отношении своей фамилии я не допускаю. Зовут Юра.

- И не думал, - ответил Котлов, хотя в душе уже глумился над капитаном, «с такой фамилией я бы лучше дома сидел». – Майор

Котлов. Игорь. Будем знакомы.

- Вы к нам надолго? – спросил капитан и в этом вопросе Игорь вдруг рассмотрел свою новую должность в качестве проходного двора, служившего ступенью офицерам, знающим секреты стремительного карьерного роста.

- Это решать командованию, - уклончиво ответил майор.

В кабинете стояло несколько столов, за которыми никого не было, на стене, за шторкой, висела большая карта района ответственности. Юра сдвинул шторы, взял указку.

- Садитесь, товарищ майор. – Усмехнулся он. – Это надолго...

Игорь, обернувшись и выбрав стол, сел за него. Чмырёв начал указкой показывать точки, направления, рубежи.

- К сегодняшнему дню обстановка в зоне ответственности нашего центра характеризуется как стабильно-напряжённая. Подразделения ВСУ после разгрома в «дебальцевском котле» отведены в тыловые районы для восстановления боеспособности, подразделения первого и второго армейских корпусов ведут работы по укреплению линии боевого соприкосновения. Так, Турция... - указка сместилась к югу. – В распоряжение 4-й танковой бригады в Паландёкене прибыли военнослужащие Азербайджана, оценочно, до ста человек, которые будут в течение трёх месяцев проходить здесь обучение по стандартам, принятым в НАТО. Личный состав 2-й бригады специального назначения вместе с пока не установленным полком армейской авиации сосредоточен в нескольких населённых пунктах юго-востока Турции, вероятный характер дальнейших действий – решение задач по ликвидации военных лидеров Рабочей Партии Курдистана. На севере Ирака в настоящее время ротируется батальон 173-й воздушно-десантной бригады США, попутно прибывает рота «зелёных беретов» из состава 5-й «специал форсес групп». Оценочно – для выполнения задач в отношении лидеров ИГИЛ. Подконтрольный нам объект особой важности, расположенный на аэродроме Инджирлик, за последнее время внимания к себе не привлекал.

- Что это за объект? – спросил Игорь.

Капитан неувовимо изменился в лице. В его глазах нарисовался ответ на вопрос, долго ли Котлов будет занимать свою должность. Не зная, что представляет собой турецкий аэродром Инджирлик, мог только человек, фантастически далёкий от реалий военной разведки.

- Американская база хранения ядерных бомб Б-61, расположенная в Турции. База оборудована на 90 мест хранения, реально хранится 52 бомбы. Объект особого интереса всех видов разведки, товарищ майор, - в словах капитана мелькнула нотка демонстративного пренебрежения, которую Котлов не распознал.

- А, понятно, - кивнул Игорь, словно речь шла об обычной базе боеприпасов. – Я понял, продолжайте.

- В основном ситуацию я довёл, - сказал Юра.

- Вы же сказали, что это надолго, - напомнил Игорь.

- Полагаю, что изложенный объём для вас будет достаточным. А детали вы сможете узнать уже в процессе службы, - ответил Чмырёв, решивший для себя, что дальнейший доклад не будет иметь для майора особого смысла.

Так как Исмаилов называл Гаврилова своим другом, Котлов полагал, что начальник в самом ближайшем будущем предложит ему какую-нибудь «тему», которая предоставит некие пути к обогащению, основанные на возможностях, предоставляемых занимаемым положением. Однако, время шло, а всё общение заместителя со своим начальником носило исключительно служебный характер, выраженное в постановке задач и контроле результатов их исполнения.

Шикарно организованная «простава» в честь вливания в коллектив, полковником Гавриловым фактически была проигнорирована: он заехал в ресторан, где сидели приглашённые Котловым офицеры, поздравил Игоря с назначением и тут же уехал, предупредив присутствующих, что не намерен краснеть за итоги пьянки перед начальником разведки округа.

В работе Котлов, к своему удивлению, стал сталкиваться с примерами настоящих агентурных операций, которые на территории Украины проводили его сотрудники. В основе их действий лежало то обстоятельство, что после крайне успешного присоединения Крыма к России, под российские знамёна встало очень много бывших украинских офицеров, которые, приняв присягу, влились в ряды ВС РФ. С этими офицерами едва ли не круглосуточно работали разведчики, вынуждая «украинцев» идти на контакт со своими бывшими сослуживцами, продолжающими нести службу в рядах ВСУ.

Суть была такова: «бывшие» рассказывали действующим о том, насколько велико различие в оплате «военного труда», о преимуществах, которые открывались перед офицерами в случае перехода на нашу сторону, а зацепив, в качестве «оплаты» за такой переход, предлагали не только поделиться располагаемой информацией, но, и что более важно, оставить после себя агентурную сеть, которая и в будущем могла бы освещать те, или иные вопросы, интересующие разведку. Тем же, кто не собирался переходить на российскую сторону, за создание агентурных сетей предлагали деньги, обычно речь шла о Евро или долларах.

Успех подобной работы очень ярко проявился в ходе дебальцевских боёв, когда глубина разведки была такова, что руководящие директивы, направляемые украинским Генштабом в воюющие подразделения, быстрее доходили до российской разведки, чем до командиров украинских бригад.

В результате российское командование имело оперативное преимущество, которое выражалось в принятии контрмер ещё до того, как вражеские подразделения приступали к выполнению задач, спущенных сверху. Доходило до того, что наши танки и мотопехота начинали выдвигание для проведения контратаки противника ещё до того, как начинали движение украинские части. Всё это позволяло действовать на опережение, имея ошеломительный успех. Весь секрет столь грандиозных успехов летних боёв в районе Изварино и Иловайска, или зимнего сражения в Дебальцево, целиком и полностью был обязан агентурной разведке, информацию которой сливали старшие офицеры Генштаба ВСУ.

Окрылённые успехом, рыцари плаща и кинжала, решили расширить глубину проникновения агентуры, осознавая, насколько тесно с ВСУ сотрудничают различные структуры НАТО. Робкие шаги разведки по данному направлению начали приносить кое-какой результат, и, оценив перспективы, высшее руководство дало указание сделать данное направление приоритетным. Задачу такого рода Гаврилов поставил перед Котловым.

- Бери в войсках своего агента, званием повыше, ставь задачу: добиться направления на курсы повышения квалификации в одну из стран НАТО. Совершенно любые курсы. Установить дружеские

отношения с максимальным числом офицеров НАТО. Представить предложения по перспективам вербовки. Остальное – позже. Уяснил?

- Так точно! – по-уставному ответил Котлов, осознав, что с Гавриловым нужно соблюдать служебный этикет.

- Занимался вербовками? Справишься?

- Справлюсь, - ответил Игорь, вспомнив китайца Рому.

- Действуй. Я в тебя верю.

В украинской армии подполковник Демидов проходил службу в должности начальника тылового обеспечения воздушного командования «Юг», и по долгу своей работы к началу крымских событий оказался на территории тылового учреждения ВСУ, снабжающего крымский гарнизон. Предложение российской стороны о переходе под другие знамёна он воспринял как божественное избавление, так как на родине правоохранные органы уже вышли на него, как на расхитителя военного имущества и готовы были арестовать при его возвращении в Одессу.

Воспылавший любовью к России, Демидов быстро принял присягу и был направлен на службу в одно из подразделений материально-технического обеспечения. Его семья тоже перебралась в Ростов, для чего пришлось выезжать из Украины через Европу. По службе Демидов характеризовался исполнительным и грамотным офицером, демонстрирующим нежелание вовлекаться в какие-либо махинации сослуживцев.

В кабинете начальника базы Котлов встретил полное взаимопонимание, так как сюда уже позвонили из вышестоящего штаба и предупредили о желании военной разведки переговорить с Демидовым.

- Сейчас я его вызову, - засуетился начальник.

Он набрал подполковника по запрещённому всеми приказами смартфону и попросил незамедлительно явиться.

- Нарушаем? – Игорь выразительно посмотрел на сотовый телефон.

- Да ну что вы, - полковник махнул рукой. – Это так, для экстренных звонков, да для мессенджеров. А по приказу вот...

Он достал из кармана кнопочный телефон, который с высшего позволения, оформленного в приказ министра обороны, разрешалось

иметь военнотлужащим.

- Мы с этим боремся! У нас с этим строго!

Игорь усмехнулся – сразу после выхода в войсках драконового приказа, запрещающего на территории воинских частей и военных объектов пользоваться смартфонами, в каждой части развернулась настоящая охота за нарушителями. Смартфоны, планшеты и дорогие айфоны изымались у их хозяев перед строем подразделения и в назидание остальным потенциальным нарушителям прибывались гвоздями к «доске позора». Суровость этого приказа в первые дни его действия поразила всех. Однако, вскоре было подмечено, что нарушителями в абсолютном большинстве случаев становились только низшие слои военной иерархии, и справедливый террор никоим образом не коснулся владельцев смартфонов и айфонов из числа командования. Потерпевшие предъявили своим командирам вполне обоснованные претензии, угрожая прокурорской расправой, за что были уволены по дискредитирующим статьям, после чего в войсках все успокоилось, и жизнь потекла как прежде. «Доски позора» продолжали висеть в воинских частях, радуя проверяющих, но, никак не мотивируя личный состав на неукоснительное исполнение запретительного распоряжения – смартфон мог быть найден в абсолютно любом кармане, будь то карман генерала военной контрразведки, или же самого неподготовленного рядового срочной службы. Строгость приказа, как обычно, смягчалась необязательностью его исполнения.

В кабинет вошёл высокий подполковник.

- Товарищ полковник, подполковник Демидов по вашему приказанию...

- Дима, вот товарищ из военной разведки, он хочет с тобой поговорить, - сказал начальник базы, прервав доклад вошедшего офицера.

- Нам бы с глазу на глаз... - сказал майор.

- Разговаривайте здесь, - решил начальник. – А я пока по базе пройду...

Накинув бушлат, он вышел из кабинета.

- Что вам от меня надо? – спросил Демидов.

- Товарищ подполковник, - Игорь решил сразу расставить точки на i. – Я пришёл не пытаться вас, не подвергать глумлению за вашу

прошлую службу в ВСУ, не напоминать вам об уголовном деле, которое возбудили в вашем отношении на Украине. У меня к вам деловое предложение, оно, скорее всего, устроит вас больше, чем вы можете себе представить.

- Интересно, - Демидов сказал это тоном, в котором явно читалось отсутствие интереса к тому, что сейчас мог предложить ему Котлов.

- У вас, конечно же, остались связи на территории Украины?

- Майор, я уже все свои связи передал таким разведчикам, как вы.

- Ничего страшного, - кивнул Игорь. – Возможно, мы с вами можем поговорить о людях, которые в настоящее время не связаны с армией.

- Что вы имеете в виду?

- По итогу нашего разговора вы можете стать руководителем агентурной группы, за что будете получать не облагаемую налогами зарплату – соизмеримую с вашим военным жалованьем.

Игорь посмотрел на подполковника, но тот никаких протестов заявлять не стал, и выглядел человеком, желающим продолжения разговора.

- На самом деле ничего сложного... - поспешил сказал Котлов. – Всего лишь будет нужно, чтобы ваши люди сообщали кое-какую, чаще всего, даже незначительную, информацию о военно-политической и экономической жизни Украины. За это мы будем платить им неплохие по меркам Украины деньги.

- Предложение в целом не плохое, - сказал подполковник. – Но пахнет дурно. В чём подвох?

- Подвоха нет, - ответил Игорь. – Вы или соглашаетесь получать вторую зарплату, и при этом не прилагать особых усилий, или я пойду искать себе другого... помощника.

- Я должен подумать, - сказал Демидов.

- Полагаю, что это будет правильным, - согласился Котлов. – Спешить с этим важным решением не будем. Я понимаю, что вам нужно всё очень хорошо обдумать и принять правильное решение. Пять минут вам хватит?

- Возможно...

- Хорошо... думайте. Я подожду... - Игорь встал и принялся расхаживать по кабинету – эту привычку он когда-то позаимствовал у Исмаилова и теперь широко ей пользовался.

- Супруга и дети будут вовлечены в эту работу? – спросил Демидов.

- Формально – нет, потому что эта деятельность носит закрытый характер. А как уж вы это преподнесёте своим близким – это ваши дела.

- Хорошо, - кивнул подполковник. – Я согласен.

- Тогда, - Игорь протянул ему лист бумаги и ручку: - Пишите: я, подполковник Демидов, имя-отчество, даю своё согласие на негласное сотрудничество с органами военной разведки...

- Я такое уже писал раза три, - Демидов укоряюще посмотрел на собеседника.

- Не страшно, - усмехнулся Игорь. – Лишней не будет. Да и у нас же будут, кроме прочих, некоторые финансовые взаимоотношения. А для них такая бумага нужна обязательно.

Демидов аккуратно вывел необходимый текст и поставил свою подпись.

- В ближайшие три дня мы с вами встретимся во внеслужебной обстановке и обсудим некоторые подробности, - сообщил Котлов. – У вас не будет возражений, если мы с вами встретимся в каком-нибудь питейном заведении, совместим, скажем, так, приятное с полезным?

- Нет, не будет, - ответил завербованный офицер.

- Тогда предлагаю при встрече обсудить кандидатуры, которых вы могли бы привлечь на той стороне.

- Хорошо.

- Тогда, до свидания!

Игорь встал. Офицеры пожали друг другу руки, и Котлов вышел из кабинета.

На создание агентурной сети, в которую были вовлечены гражданские лица, не связанные с вооруженными силами, у Котлова ушло почти два года. Кандидатуры он в основном подыскивал среди беженцев, которых после донбасских событий в России появилось превеликое множество. Обычно Игорь старался донести до сознания этих людей простую мысль, что раз целое государство сочло возможным помогать им, предоставило кров, социальные выплаты и быстрое оформление российского гражданства, то и бывшие беженцы

должны отплатить новой родине той же монетой, в данном случае – своей помощью военной разведке.

Кто-то отказывался, ссылаясь на страх за судьбу близких и родственников, оставшихся на Украине, кто-то соглашался, но так, что потом уклонялся от выполнения даже не сложных поручений. Но были и такие, которые для новой родины были готовы делать всё, что им скажут.

На самой Украине люди по-разному относились к предложениям о предоставлении той, или иной информации. И если в Харькове, Одессе и Кривом Роге потенциальная агентура с энтузиазмом принималась за работу и буквально закидывала Игоря информацией, то добиться какого-то прогресса во Львове, Ужгороде и Луцке не было никаких шансов. «Западэнцы» твёрдо уверовали в свои бандеровские идеалы, напрямик шли в Европу и натурально обрывали все связи со своими восточными родственниками и друзьями, считая их проклятыми «москалями».

За это время Служба Безопасности Украины, набрав силу при помощи кураторов из ФБР, пачками выявляла российскую агентуру, находящуюся в рядах вооруженных сил и спецслужб. Со связи пропало множество ценных агентов, потеря которых приводила к серьёзному осложнению ситуации с освещением тех, или иных событий, пропала возможность действовать на опережение, как это было в 2014 и 2015 годах. Допросы пленных, которые время от времени попадали в руки частей первого и второго армейских корпусов, всё чаще показывали у украинских военных крепнущую убеждённость в правоте своего дела – расчеловечивание жителей Донбасса шло семимильными шагами, и стрельба артиллерией по мирным кварталам Донецка уже не вызывала у артиллеристов ВСУ никаких угрызений совести.

Соответственно, среди украинских военных поубавилось число желающих сотрудничать с российскими спецслужбами. Причём это «поубавилось» носило характер стремительного обвала. Если среди сержантов-лейтенантов ещё можно было, используя различные методы принуждения, подкупа или шантажа, находить информаторов, то среди полковников-генералов, как это было во время «крымской весны», агентура была представлена лишь единичными случаями. А после нескольких трагических ситуаций, повлёкших грандиозные разборки,

руководство военной разведки запретило выезд своих сотрудников на территорию Украины для встреч с агентами или для проведения каких-то мероприятий. Отныне предполагалось встречаться с агентурой только в нейтральных странах или для контактов вовлекать в разведывательную деятельность лиц, не связанных с военной разведкой, в большинстве случаев не раскрывая перед этими людьми истинных целей и задач каких-либо действий.

В отношении чисто «гражданских» агентов пока никаких угроз не возникало, и Котлов продолжал получать от них информацию – не то, чтобы совсем то, что хотелось, но кое-что.

В кабинете Гаврилова было накурено, на столе стояла початая бутылка коньяка и три стакана. Совсем недавно отсюда вышли двое мужчин, лица которых однозначно выдавали в них принадлежность к спецслужбам, после чего начальник центра пригласил к себе майора Котлова.

- Товарищ полковник, - Игорь застыл на входе, и демонстративно махнул ладонью перед своим лицом, разгоняя табачный дым.

- Что, дым противный? – едко спросил Гаврилов. – А тебе, майор, не противно, что твоя агентура несёт какую-то чушь? Ты хоть читаешь их сообщения, прежде, чем подавать их в сводку? Ты вникаешь, что тебе сообщают? Анализируешь ситуацию?

Полковник повышал тон, желая уязвить Котлова до глубины души.

- Так точно, товарищ полковник, читаю.

- А я вот не уверен. Всё, что они тебе сообщают, можно прочитать в Интернете. А где хоть какая-то информация из закрытых, не публичных источников? Где?

- Товарищ полковник, вы же знаете, что СБУ плотно...

- Ты мне про СБУ не рассказывай, майор! Я тебе про СБУ сам могу рассказать много интересного! Где агент Демидов? Когда ты с ним последний раз был на связи?

- Демидов... - Игорь показательно закатил к потолку глаза, пытаясь вспомнить, когда он последний раз с ним встречался или созванивался.

- Не вспоминай, и не придумывай. Твой Демидов оказался завербованным агентом ГУРа, который намеренно подставлялся под вербовку таким болванам, как ты. Сейчас он у фэйсов, даёт очень интересные показания, в том числе и о том, как тобой была поставлена вся разведывательная работа.

- Агент ГУРа? – Игорь нашёл в себе силы задать этот вопрос, хотя прекрасно понимал, что в данной ситуации ему лучше всего молчать.

- Очень интересно он говорит о том, что заведённая на него агентура ни разу не получила никаких денег, а то, что получал он, было значительно меньше тех сумм, за которые ты отчитывался. - Гаврилов поднял свой свирепый взгляд и вдруг рыкнул: - Что, майор, агентурное бабло воруюшь?

Котлов не знал, куда себя девать. Он покраснел, сердце чувствительными ударами било по вискам, а руки вдруг стали предательски трястись.

- Я не... - он ещё искал возможность оправдаться.

- Я двадцать пять лет, верой и правдой, - Гаврилов еле сдерживал себя, чтобы не дать майору в морду. – Ни копейки никогда не украл. Честно шёл по всем ступеням. А здесь, на старости лет, такой подарок от заместителя! Какая же ты мразь, майор.

- Все так делают, - вдруг сказал Котлов.

- Кто – все? Я? Или, может быть, Чмырёв?

Едва сдерживая себя, Гаврилов сел на своё место, и махнул Котлову рукой, мол, подойди ближе. Когда майор оказался в середине кабинета, полковник сказал:

- Ты допустил исключительно мерзкий поступок, который бросает тень на всю военную разведку... - сказал начальник разведывательного центра. – Сейчас я очень сильно сожалею, что поверил тебе, доверил всю агентурную работу, и не проверял твою деятельность на должном уровне. А ты воспользовался моим хорошим к тебе расположением.

Котлов взял себя в руки и перестал дрожать – он знал, что рано или поздно нечто подобное должно было произойти. А Гаврилов... Гаврилов был из старой школы, «олд скул», из тех, кто воспитывался ещё на советских разведчиках, и кто не представлял, какие возможности открывают им должности...

- Сейчас отсюда ушли два чекиста. Два старых опера, один из которых начальник отдела военной контрразведки, другой его зам. Я с ними работаю уже больше двадцати лет. Мы находимся в прекрасных, дружеских, отношениях. Ты просто не представляешь, сколько всего мы вместе прошли. Прежде, чем тебя принимать, они пришли ко мне. - Гаврилов на мгновение замолчал и окинул взглядом своего

заместителя: - Твоё задержание, это и моё задержание. Твоё уголовное дело – это и моё уголовное дело. Ты всё понимаешь?

- Понимаю, - с готовностью кивнул Котлов, хотя ещё не понимал, к чему ведёт Гаврилов.

- Завтра вечером ты улетаешь в Саратов. Минимум на полгода. Ты будешь служить на самом опасном направлении. Если тебя убьют, я плакать не буду. И запомни, я сейчас от уголовного дела спасаю не тебя, мерзавца, а честь разведывательного центра и свою честь. Тебе просто повезло, что ты, я и центр – это неразрывные в данном случае понятия, а чекисты – мои хорошие друзья.

- Спасибо, товарищ полковник, - не поднимая глаз, сказал майор.

- Пошёл вон.

Котлов пулей выскочил из кабинета.

Котлову повезло – в Саратов он летел не в грузовом отсеке транспортного Ил-76, как это бывает в абсолютном большинстве случаев, а в неприлично (в сравнении с «горбатым», конечно) комфортабельном «минобороновском» Ту-154. Также в этом самолёте летели артисты, журналисты, несколько генералов и ещё десятка два офицеров разведки, в команде с которыми и направлялся на войну майор Котлов.

Пару ночей он провёл в палаточном городке на окраине аэродрома, в котором обычно проживали «транзитные пассажиры», затем его назначили в одну из оперативных групп агентурной разведки, которая располагалась на военной базе в северной части страны. Руководил группой подполковник Михаил Котенко, который прибыл сюда две недели назад и только-только успел принять дела у прошлого начальника агентурной группы.

- Агентурную работу когда-нибудь вёл? – спросил Котенко, как только Игорь представился ему после переезда из Химок.

- Так точно, - бодро ответил Котлов, пытаясь понять, знает ли новый руководитель причину появления здесь майора Котлова, или нет.

- Это хорошо, - кивнул начальник и вдруг разоткровенничался: - А то я тут выяснил, что все офицеры, находящиеся в составе группы, никакого отношения к агентурной работе никогда не имели. Они, конечно, все разведчики, но по другому профилю... зачем их

причислили к группе – ума не приложу. Хотя... вполне объяснимое сущностью «нового облика», где нести ответственность за принятые решения – это не про нас.

- Расширение навыков, - предположил Игорь.

- Да какое к чёрту расширение? Мне задача поставлена вести агентурную работу, а для этого мне нужны оперативники, а не специалисты радиоэлектронной, артиллерийской, войсковой и химической разведки. Языками владеешь?

- Со словарём, - ответил Котлов. – Я пехотное заканчивал, там у нас не было упора на языки, а в войсках меня практически сразу на агентурную разведку кинули. Так сложилось, что всегда работал только с теми, кто русским языком владеет. Никаких дополнительных курсов не оканчивал, - Игорь демонстративно тяжело вздохнул: - Некогда было, работы было валом.

- Ясно, - кивнул Михаил. – Не беда – у нас в группе есть два переводчика. Один – это курсант с пятого курса Новосиба, другой - местный садык. Вроде раньше он какое-то наше военное училище в закончил. Можешь любого брать и использовать по полной. Садык, правда, может иногда на свои намазы отвлекаться, это нужно терпеть. А курсант толковый парень. Из него хороший разведчик получится в будущем.

- Понял, - кивнул Игорь.

- Хорошо, что понял. Теперь слушай задачу...

От агентурной разведки командование требовало места расположения пунктов управления (а проще говоря – адреса жительства главарей) террористических группировок, места производства и хранения оружия и боеприпасов, вероятный характер действий группировок и результаты огневого поражения выявленных целей. Читая ранее составленные разведывательные сводки, Игорь был несказанно удивлён тому огромному количеству криминально-боевых группировок, которые пытались за столбить своё право на существование в разрушенной войной стране.

Различные Джейш-аль-Фатх, Ахрараш-Шам, Нурад-Дин Зинки, Джебхат-ан-Нусра, Фатх-Халерб, ХайатТахрираш-Шам, Аджнат аль-Кавказ своими звонкими и малопонятными Котлову названиями, в информационном потоке категорически топили «традиционные» ИГИЛ и Аль-Каиду. Игорю казалось просто немыслимым пытаться

понять взаимосвязи группировок и структурную последовательность их подчинённости. Когда голова уже должна была закипеть, к нему случайно зашёл Егор Бондаренко, курсант пятого курса факультета специальной разведки Новосибирского военного училища, который здесь, как и многие его сокурсники, «проходил практику» в качестве переводчика арабского языка.

- Егор, я сейчас застрелюсь, - честно признался майор, отложив в сторону рабочую тетрадь.

- Чего так? – усмехнулся переводчик.

- Да голова уже кругом идёт, не могу срастить зависимости...

- По кому?

- Да вот, - Игорь, пользуясь случаем, быстро раскрыл рабочую тетрадь и начал читать по складам: - Ах... рар... аш... Шам.

- А что там непонятного? – Егор присел на стул и стал излагать историю этой террористической группировки: - Харикат Ахрараш-Шам аль-Исламия, переводится как «Движение свободных людей Шама». Это некий союз исламистских салафитских террористических отрядов, которые ещё в одиннадцатом году усилиями Хасана Абудома объединились с целью противостояния Башару Асаду. Группировка терпела подачи и от «игиловцев», и от американцев. В четырнадцатом году Хасана вместе с тремя десятками полевых командиров обнулили «игиловцы» - при помощи смертника, проникшего на совещание. В двенадцатом году Ахрараш-Шам создало ещё две военно-политические группировки: Фатх Халяб, которое должно было действовать здесь неподалёку, и Джейш аль-Фатх, для захвата «гадюшника». В первую входят в основном традиционные исламисты и светские выходцы, вторая состоит из салафитов. В настоящее время группировка сильно конфликтует с Хайат Тахрираш-Шам.

Котлов нервно щёлкал авторучкой, не решившись записывать то, что сейчас излагал будущий офицер военной разведки.

- А кто такие салафиты? – спросил майор и вдруг понял, что от жеста «рука-лицо» Егора удержала только субординация.

Зато Бондаренко глубоко выдохнул.

- Это такие последователи Ислама, которых можно назвать... - он на мгновение замолчал, подыскивая нужное слово. – Короче, товарищ майор, не вдавайтесь в это всё, вам это точно не надо. Чтобы понять их расклады, нужно изучать язык, культуру, традиции... на это уходят

годы. А командировка ваша – всего на несколько месяцев. Вы побудете здесь, и уедете обратно к европейскому укладу. Если возникнет необходимость, спрашивайте у меня, я вам всё буду рассказывать...

Котлов усмехнулся:

- Полагаешь, что так будет лучше?

- Ну, я же вижу, как вы мучаетесь, - улыбнулся Егор. – А оно вам надо? Вам надо сбор и анализ информации организовать, а не во всё это вникать.

- И то верно, - согласился Игорь.

Через несколько дней Котенко предупредил Котлова, чтобы тот был готов к «боевому» выезду на агентурную встречу, а уже к вечеру того же дня в «Тигре» военной полиции они, вместе с переводчиком-садыком, выехали из базы. В качестве сопровождения и «силовой поддержки» с ними двинулся БТР-82 с отделением морской пехоты. Ехать долго не пришлось – буквально через двадцать минут боевые машины свернули в какой-то населённый пункт, где и остановились.

- Дальше мы пешком, - «обрадовал» Михаил.

Игорь был в бронежилете и шлеме, в разгрузке у него лежали шесть автоматных магазинов, в кобуре покоился «Стечкин», а в руках он сжимал автомат. Всю дорогу он чувствовал, как им овладевает ощущение назревающей беды, которая могла быть выражена обстрелом или же конкретной зарубой с боевиками запрещённых в террористических организаций. Игорь сдерживал нарастающий страх всеми доступными способами, убеждая себя, что беспокойство вызвано не самой опасностью, а только лишь его фантазиями. Однако, это помогало мало, и каждый новый шум вдруг врвался в его сознание как начало чего-то страшного, отчего он вздрагивал и украдкой смотрел на начальника, лицо которого не выражало никаких эмоций, смотрел на переводчика Саида, которому поездка на броневике по территории, где можно было запросто нарваться на обстрел, тоже не особо досаждала, а уж экипаж «Тигра» вообще ржал всю дорогу, что-то весело обсуждая.

И если поездка ещё как-то выносилась, то предложение куда-то пойти, едва не выбило Игоря «из седла».

- Я тоже?

- Конечно, - Котенко пожал плечами. – Я же тебя для этого и взял. Посмотришь, как идёт работа с агентурой. Может, чего сам подсказешь...

Тут же выяснилось, что морпехи останутся на месте, вместе с машинами. Это ещё больше стало давить на психику: Игорь впервые в жизни оказался в реально боевой ситуации, и пока не мог для себя понять, как нужно правильно реагировать на существующую угрозу возможной гибели.

- Да ты успокойся, - протянул подполковник. – Я сто раз так делал...

Отсылка к известной шутке не принесла Котлову успокоения, но он согласно кивнул:

- Не, я норм...

- Ну, тогда, пошли...

Михаил загнал патрон в ствол и поставил автомат на предохранитель. Игорь поспешил сделать то же самое. Саид двинулся первым, за ним пошли офицеры. Они шли по окраине населённого пункта, минуя дворы и строения, встречая и обходя людей.

В каждом человеке, какой попадался навстречу, Игорь видел боевика, норовящего выхватить из-под одежды оружие и расстрелять всю группу. Пытаясь, если что, сработать на опережение, он снял автомат с предохранителя и держал палец на спусковом крючке. Опасность случайного выстрела его в настоящее время совершенно не тревожила – лишь бы успеть засадить очередь в боевика, вознамерившегося убить русского офицера.

Невольно Котлов представил, как он выглядит со стороны – обвешенный оружием и боеприпасами, в броне и шлеме, в тёмных очках, купленных на местном рынке, и самое главное – мужественное лицо... похожее на лицо Ди Каприо.

Жаль, что сейчас ему не перед кем было похвастаться своей крутостью – Танька, с которой он жил последнее время, помахала ему ручкой, как только узнала, что он оставляет её на полгода – без привычных шопингов, лэнд-крузера и карманных расходов. Об ожидании своего мужчины с войны речи и быть не могло – Татьяна была дитём эпохи потребления, убеждённая в том, что каждый встречный мужчина обязан платить ей только за сам факт её существования - такой красивой и неотразимой. Смыслом её жизни

было только удовольствие, которое она получала от мужчин, очарованных её внешним лоском. Будучи твёрдо убеждённой в том, что мужчины не кончатся никогда, она даже не пыталась запоминать, как их зовут, довольствуясь такими обращениями, как «Котик» и «Зая». Когда же до очередного «спонсора» доходило убожество её внутреннего мира, прикрытого непомерно надутыми губами и силиконом во всех потребных местах, Татьяна лёгким и хорошо отработанным приёмом буквально в течение «дежурных суток» меняла своего партнёра. Новый избранник, желая произвести впечатление на красотку, столь искущённую во французской любви, начинал всё по уже отработанному кругу, и Татьяне оставалось лишь заверять его в вечной любви, боясь раньше времени испугнуть свою жертву. Такой образ жизни она считала единственно достойным «настоящей женщины», и мужчинами называла только лишь тех представителей сильного пола, кто финансово мог тянуть этот балаган с вечными скандалами, обвинениями в отсутствии любви, бесконечными требованиями денег, бриллиантов и машин.

Вглядываясь в очередную приближающуюся тень, и невольно направляя на неё свой автомат, Ди Каприо даже подумал, что командировка в Саратов лично для него не только стала избавлением от уголовного преследования, но и нечто более важным – война избавила его от необходимости каждый день лицезреть обколотое филерами и ботоксом, натянутое лифтингом лицо сожительницы, давно уже ставшая для него невыносимой ношей, которую и нести тяжело, и выбросить жалко – потому что уже вложено слишком много.

Вдруг он вспомнил майора Кирееву, которой до сих пор не мог простить тот разговор, в котором она коротко, но очень метко выразила истинную суть Котлова – о чём Игорь много раз раздумывал, истязая себя самобичеванием, но при этом, не делая ничего для исправления своего поведения. А ведь она была даже очень ничего, и в любой другой обстановке Игорь уж точно попытался бы закрутить с ней любовь. И уж точно Лена была далеко не глупым человеком, в интеллектуальном сравнении с которой Таню-то и человеком назвать было сложно, так, одноклеточная амёба. Ну ладно, уговорили, двухклеточная.

И вдруг Котлов понял – вот именно Киреева смогла бы оценить его сейчас по достоинству. Именно она непременно должна увидеть его в

таким боевым образом, бесстрашно идущего на выполнение особо важного государственного задания – на встречу с агентом, информация которого... тут Игорь не смог придумать, что может принести информация от агента, к которому они сейчас шли.

- Пришли, - Котенко на миг обернулся. – Внимательнее будь! Всякое может случиться.

- Есть, - коротко ответил Игорь.

Пока они шли, совсем стемнело, и сейчас он с трудом различал, что находится вокруг. Ясно было одно – они стояли на окраине населённого пункта, явно в ожидании того, кто должен был прийти на встречу.

Через несколько минут к ним подошёл пожилой человек, и Саид заговорил с ним. Минут через пять переводчик повернулся к подполковнику.

- Он говорит, что Абу Рашид через три дня будет собирать своих командиров в кофейне Ибрахима возле мечети. Приглашены восемь полевых командиров. Будут обсуждать планы, и делить прибыль.

- Он знает точное время сбора? – спросил Котенко.

Переводчик снова обратился к агенту и, переговорив, повернулся к подполковнику.

- После четвёртого намаза, - сказал Саид. – Это примерно через час после заката.

- Ясно. Скажи ему, что если информация подтвердится, он получит четыре тысячи долларов.

Саид перевёл, после чего они начали ругаться, крича на всю округу и заставляя Котлова цепенеть от страха перед боевиками, которые, по его мнению, обязательно должны были сейчас прибежать на крики. Когда пыл спора иссяк, Саид сообщил:

- Он говорит, чтобы давали половину сейчас.

- Сейчас только пятьсот, - сказал Котенко.

- Он согласен, - сказал переводчик, после ещё одной громогласной перепалки.

Агенту передали деньги, и пошли обратно. Дорога на базу не заняла много времени, хотя Игорю опять пришлось бороться со своими страхами, сидя в броневику и прислушиваясь к любому постороннему шуму.

- А как мы будем списывать вознаграждение? – спросил Игорь, когда они уже находились в жилой кимбе, снимая с себя снаряжение.

- В рапорте укажу, что агент не мог написать расписку из-за неумения писать, - ответил Котенко. – А что?

- Ну... как бы получается, что так можно прикарманить разницу...

- Не получается, - Котенко внимательно посмотрел в глаза Котлова:
- Я же в рапорте укажу, что агенту было передано пятьсот долларов в качестве задатка, а остальное ему предлагается выплатить только после подтверждения результата. А ты и Саид, если что, подтвердите.

- Понял, - расстроено кивнул Котлов. – Конечно, подтвердим.

После получения агентурного сообщения, завертелась работа по реализации информации, наблюдая за которой, Котлов, пожалуй, впервые в жизни, увидел всю мощь разведывательных структур, обеспечивающих действия ударных сил.

Котенко, понимая, что его подчинённый является «узким» специалистом, целенаправленно посвящал Котлова во все нюансы работы, предоставляя ему право участвовать во многих процессах, что решительно расширяло профессиональный кругозор и положительно сказывалось на повышении оперативной грамотности офицера военной разведки.

В первую очередь разведчики убедились, что банда Абу Рашида, входящая в группировку Ахрараш-Шам, уже является подотчётной у радиоразведки, контролирующей используемые боевиками частоты и установленные телефоны. Офицеры РЭР периодически фиксировали обмен, вскрывая организованную в банде сеть, а так же контакты с другими вооружёнными формированиями. Организованное усиленное наблюдение за нужными абонентами уже в течение первых суток подтвердило переданную агентом информацию – боевики практически открыто, правда, с использованием зашифрованных названий, говорили о предстоящей встрече. Кропотливая работа специалистов РЭР позволила установить четыре телефона из восьми полевых командиров, которые должны были прибыть на встречу – за ними установили эпизодический контроль, время от времени направляя в интересующий район беспилотный самолёт-разведчик с установленной на его борту виртуальной базовой станцией,

перехватывающей нужных абонентов сотовой связи. Анализ фиксации абонентов показал, что они находятся в разных местах при взаимном удалении друг от друга на расстояние более ста километров. Телефон самого Абу Рашида всё время наблюдения находился в движении, то включаясь в сеть, то выходя из неё – он явно пытался соблюдать скрытность своих перемещений.

- Сейчас вообще с этим всё просто, - рассказывал Котенко. – Сотовый телефон изобрёл гений разведки, ибо во всех случаях сотовый телефон это враг своему хозяину, это шпион в кармане, через которого можно очень много информации собирать про фигуранта, интересующего спецслужбы. И при этом телефон это такая полезная и удобная вещь, что отказаться от него может себе позволить далеко не каждый человек. Специалисты РЭР могут удалённо включать на твоём телефоне микрофон, например, или камеру, и смотреть, что тебя окружает – это я уже не говорю, что мы можем видеть и слышать всю переписку и все переговоры.

- Даже в телеграм? – поинтересовался Игорь. – Говорили же, что в отличие от ватсап...

- Выдохни, - улыбнулся Михаил. – Если у тебя возникают подозрения, слушают тебя, или нет – даже не сомневайся – слушают. Даже если ты будешь общаться через самый экзотический мессенджер. Никаких исключений нет.

Получив от радиоэлектронной разведки информацию, предположительно подтверждающую агентурное сообщение, Котенко перешёл к подготовке реализации.

- Мы же не просто так это всё собираем и анализируем, - говорил он, словно читал Игорю курс по военной разведке. – Информация должна работать. В данном случае результатом работы станет уничтожение главарей крупной группировки, что позволит на некоторое время дезориентировать врага, дезорганизовать работу его управленческих структур, и как следствие – добиться превосходства на конкретном направлении борьбы. Ну, и, разумеется, извлечь из этого выгоду.

- Например? – оживился Игорь – в этот момент он даже подумал, что Котенко не такой уж и «пропащий» человек и тоже стремится к обогащению всевозможными способами.

- Параллельно с ликвидацией главарей, штаб нашей войсковой группировки, скорее всего, спланирует какие-то действия, ответить на которые боевики не смогут, дезорганизованные гибелью своих начальников. Например, можно будет отжать у них пару опорников...

Игорь расстроено выдохнул.

- Михаил Васильевич, - Котлов давно хотел задать интересующий его вопрос: - А какую прибыль делят боевики? С чего они тут имеют доходы?

- Нефть, - ответил Котенко. - Но это у самых крутых боевиков, которые могут за неё постоять. Они вывозят её в Турцию, где продают по цене, сильно ниже рыночной. Мы, собственно, во многом из-за этого сюда и полезли, потому что они своим демпингом серьёзно подорвали доходы наших нефтяных компаний. Вспомни, как в первые месяцы наша авиация уничтожала огромные колонны «наливаек», чему соседи были очень недовольны. Но этими действиями мы их убедили, что с нами лучше дружить и честно покупать у нас ту нефть, которую мы им по трубопроводам поставляем. И газ.

- А те, которые не крутые?

- Которые не крутые, они на металле поднимаются. Собирают металлический лом и тащат его в ту же Турцию. Просто представь, сколько здесь лома. Взять те же сгоревшие «наливайки» - их тут сотни, если не тысячи.

Штаб войсковой группировки, как и предполагал Котенко, быстро разработал план реализации разведывательной информации, согласно которому, в момент совещания боевиков, в кофейню должна была прилететь корректируемая авиабомба. В тот вечер, когда Абу Рашид собирал своих полевых командиров, Котенко и Котлов прибыли на командный пункт, откуда шло управление операцией. Руководство не препятствовало их присутствию.

Если бы майор Котлов уже не ощутил на своей шкуре тот страх, который сопровождает человека в боевой обстановке, будь его воля, то уничтожение Абу Рашида и полевых командиров, Игорь возложил бы на группу спецназа. По его мнению, сформированному ещё до поступления в военное училище, спецназовцы должны были уметь действовать в любых условиях обстановки, и причинять врагу любой

необходимый вред. В его раннем понимании спецназовцы представляли собой людей, абсолютно лишённых страха и способных заглядывать смерти в лицо, и лишь только лично ощутив дыхание смерти, он быстро пересмотрел своё отношение к прежним умозаключениям. Теперь он уже точно знал, что корректируемая бомба, сброшенная с бомбардировщика Су-34, была куда более рациональным способом решения поставленной задачи.

На центральном аэродроме он видел эти самолёты с их утиными клювами, благодаря которым «Селезня» нельзя было перепутать ни с каким другим летательным аппаратом. Вдруг Игорь улыбнулся – только сейчас он понял, на кого так сильно были похожи все его бывшие подруги, бездумно перекачавшие свои губы – на файтербомбер Су-34 (да простит за сравнение меня «Иваныч» – прим. автора). Это озарение не давало ему покоя, и пока оперативная группа собиралась на командном пункте, он едва сдерживал себя, чтобы в голос не расхохотаться.

- Перед принятием окончательного решения на удар, - Котенко говорил тихо, чтобы не отвлекать других офицеров, участвующих в проведении операции, - будет произведена доразведка объекта. Для этого будут задействованы средства радиоэлектронной и воздушной разведки.

Вскоре офицер, осуществляющий взаимодействие с выделенным подразделением РЭР, доложил, что три из четырёх наблюдаемых телефонов полевых командиров, фиксируются на одной базовой станции, из чего можно было сделать вывод, что они могут находиться в одном месте. Особенно, учитывая то, что сутки назад они фиксировались на удалении друг от друга в сотню километров.

«Беспилотчики» доложили, что с разведывательного БПЛА, кружащего в районе цели, в тепловизионную камеру обнаружено выставление вооружённых постов на перекрёстках, примыкающих к кофейне, а у самой кофейни стали собираться люди, оставившие свои автомобили на соседних улицах. Когда картинку с борта летающего дрона вывели на большой экран, стало хорошо видно, как люди накапливаются на открытой площадке «заведения общепита».

- Как узнать, есть ли среди них Абу Рашид? – спросил Игорь у Котенко, стараясь говорить тише.

- Сейчас мы не можем достоверно утверждать, что он находится среди этих людей. Но ясно одно – во все предыдущие дни наблюдения за объектом, подобной активности в кофейне не наблюдалось. Учитывая ранее полученную информацию, в том числе агентурную и от радиоразведки, наличие Абу Рашида мы сейчас можем только предполагать. Но предполагать мы можем с высокой степенью достоверности, так как его присутствие продиктовано самой обстановкой и вытекает из цели совещания боевиков. Без него наблюдаемый нами сбор людей не имеет смысла.

- То есть, его там может и не быть? – спросил Игорь. – Ну, так, чисто гипотетически.

- Может, - кивнул Михаил. – Если, например, он свои полномочия кому-то делегировал. А теперь смотри, подходит время, когда самолёт будет над целью. Решение за руководителем...

В этот момент офицер, руководивший операцией, напряженно всматривался в экран. Рука его сжимала трубку телефона. Всегда есть вероятность того, что враг с тобой играет, «втемную» подставляя под удар каких-то левых людей, чтобы выявить у себя агентуру, и эту игру нужно распознать. Не распознаешь – может случиться трагический исход, погибнут невинные люди. А как распознать, играют с тобой или нет – это уже к опыту разведчиков и тех, кто будет принимать решение на удар.

- Котенко! – руководитель операции обернулся, ища глазами разведчика.

- Я, товарищ полковник, - отозвался Михаил.

- Что скажешь? Разыгрывают перед нами, или это реальная встреча?

- Товарищ полковник, считаю, что встреча реальная.

- Обоснуй.

- Если бы они проводили сейчас демонстрационные действия, то они не прятали бы свои машины на соседних улицах, а ставили их возле кофейни. Чтобы мы их лучше видели, чтобы наверняка.

- Согласен, - кивнул полковник и сказал в трубку телефона: - Лётчикам работу разрешаю.

После этих слов все присутствующие на командном пункте буквально застыли, всматриваясь в изображение на экране.

Странное это чувство – смотреть на копошащиеся фигурки людей, которым жить осталось всего несколько минут – о чём они, конечно, ещё не знают. Вот они там сидят за столиками, стоят, ходят, о чём-то говорят, спорят, доказывают свою правоту – а это уже всё совершенно бессмысленно. Их слова и договорённости уже не имеют абсолютно никакой ценности. Потому что всё уже решено за них.

Пятно закрыло весь экран – корректируемая «пятисотка» вошла в центр здания.

- А был там Абу Рашид, или нет, - сказал Котенко, – мы узнаем от агентурной разведки и анализа переговоров ранее выявленных абонентов. В ближайшие минуты радиоразведка очень много даст нам необходимой информации. Ждём...

Спустя некоторое время специалисты РЭР зафиксировали ряд интересных переговоров, семантика которых указывала на гибель нескольких авторитетных боевиков. Телефоны полевых командиров «вышли из чата». Встреча с агентом, проведённая в ближайшие несколько дней, подтвердила гибель самого Абу Рашида, семи его полевых командиров, шести охранников, оказавшихся в зоне действия прилетевшей бомбы, а также трёх женщин и трёх детей, находившихся в соседнем здании.

Агенту было полностью выплачено обещанное вознаграждение.

Спустя два месяца в группировке пошли слухи о скорой смене заместителя командующего по разведке, и буквально через неделю старый разведчик убыл на родину, а вместо него к своему великому изумлению, на одном из совещаний Котлов увидел генерал-майора Исмаилова.

Старый знакомый, который оставил в жизни Котлова серьёзный след, демонстративно не обращал никакого внимания на Игоря, стараясь избегать визуального контакта, однако, после совещания он предложил Котенко и Котлову остаться. Когда все вышли, Исмаилов пожал руку майору:

- Ну, здравствуй, Игорь Михайлович! Сколько лет, сколько зим... - Затем генерал посмотрел на начальника агентурной группы подполковника Котенко и пояснил: - Мы вместе с майором служили на Дальнем Востоке, очень толковый офицер...

Конечно, Михаил знал уже Котлова достаточно хорошо, и понимал, на что тот способен, однако, словам генерала не доверять было как-то неудобно, хотя они и шли вразрез со сформированным отношением к Котлову, как не сильно толковому офицеру.

- Так точно, - кивнул Котенко. – Справляется с порученными заданиями, проявляет разумную инициативу...

- Товарищ подполковник, - генерал посмотрел на Котенко. – Теперь оставьте нас, пожалуйста. Нам о старых делах надо поговорить.

- Есть, - кивнул Михаил и поспешил выйти из кабинета.

Когда дверь за ним закрылась, генерал сурово посмотрел на майора:

- Что, нормально в центре не сиделось?

- Так вышло, Рафик Магомедович, - Игорь потупил взгляд.

- То есть, «история учит нас тому, что она нас ничему не учит»? Неужели нельзя было научиться оформлять всё правильно, чтобы ни у кого никогда не возникло никакого сомнения?!

- Там агент мой оказался на самом деле агентом ГУР... кто бы знал...

- Кто бы знал? – генерал повысил голос. – Сам факт его прошлой службы в ВСУ – уже должен был исключить вовлечение его в твои тёмные делишки.

- Ну, Гаврилову же удалось всё решить... - дерзнул Котлов.

- Это мне удалось всё решить, а не Гаврилову, - сказал Исмаилов. – Ты просто не представляешь, какие силы я задействовал, чтобы вытащить тебя из-под удара. Тебя, Гаврилова, себя...

- Чем я должен расплатиться за вашу доброту? – спросил Игорь, сообразив, куда клонит генерал.

- Вот, вижу – поумнел, - улыбнулся генерал. – Я тебя сюда неспроста отправил. Здесь есть, чем заняться. Ты, я так понимаю, обстановку уже изучил?

- Изучил, - кивнул Игорь, хотя, конечно, до полного понимания ему было ещё далеко.

- Уже разобрался, что здесь и как?

- Можно так сказать...

- Это хорошо, - генерал потёр руки. – Значит, мне не понадобится тебе долго объяснять простые истины.

Котлов вопросительно посмотрел на Исмаилова.

- В общем, слушай задачу, - генерал по своему обыкновению встал и начал ходить по кабинету: - Здесь есть несколько банд, которые занимаются сбором металлолома и вывозом его в Турцию. Они поднимают огромные деньги...

- Да, знаю...

- Не перебивай!

- Есть!

- Так вот, тебе, с помощью Саида, это наш человек, нужно будет войти с ними в контакт и дать понять, что дальнейшая их работа должна вестись строго под нашим контролем, и что с этого дня половину прибыли они должны отдавать нам...

Исмаилов замолчал, давая Котлову возможность осознать сказанное. Игорь повернул голову:

- Сомневаясь, что они согласятся. У них тут и без того жуткая конкуренция... - Котлова вдруг озарило – со всей очевидностью он осознал открывающиеся возможности, которые предоставляло ему занимаемое им положение: - Товарищ генерал... да вы гений!

Исмаилов похлопал майора по плечу:

- Игорь Михайлович, меньше слов – больше дел. Я предупрежу Котенко, что ты и Саид будете действовать по моим особым задачам. Никакими делами по задачам своей агентурной группы ты больше не занимаешься. Работаешь только на меня. Будешь себя хорошо вести, уедешь отсюда с орденом и в звании подполковника.

- Я всё сделаю, - кивнул Котлов.

На следующий день Саид организовал встречу с лидером одной из банд, которая действовала в окрестностях, промышляя ломом металла. Кусам до революции работал директором школы, а когда началась заваруха, примкнул к одной из появившихся банд – в противном случае выжить было просто невозможно, а семью кормить как-то было надо. Он был худощав, и очки в дорогой оправе сильно контрастировали с разгрузкой, наполненной автоматными магазинами.

Направляясь на агентурную встречу, Котлов подкрепился четырьмя спецназовцами, которые своим видом должны были внушать уважение собеседнику, и успокаивать нервную систему майора, которая сильно переживала за физический исход предстоящего разговора.

Хитрый Саид, который лучше других разбирался во всех текущих раскладах, занял нейтральную позицию переводчика, предоставляя Котлову все права и полномочия по проведению переговоров.

- Добрый день, Кусам, - поздоровался Котлов, подсев к садыку на ковёр, где тот неторопливо пил матэ.

- Аллаху Акбар, - кивнул Кусам. – Что ты хочешь сказать мне, русский?

- Кусам, ты же знаешь, какая судьба постигла Абу Рашида?

- На всё воля Аллаха, - кивнул собеседник.

- Бомба залетела прямо в дом, где он собрался со своими воинами, - сказал Котлов.

- Что ты хочешь?

- Я хочу, чтобы ты отдавал нам половину своей прибыли от сбора металлолома, в свою очередь я могу поговорить с твоими конкурентами, чтобы они ушли отсюда.

Бывший директор школы едва не подавился чаем.

- Ты говоришь нехорошие слова, - он взял себя в руки.

- У меня нет к тебе других слов, - парировал Игорь.

Собеседники имели при себе оружие, кроме того, в непосредственной близости находились их охранники, вооруженные ещё больше. Всё это заставляло Котлова нервничать и думать, как бы садыки не схватились за автоматы. Спецназовцы, правда, заверили, что успеют перестрелять всех до того момента, как кто-то попытается поднять свой ствол, но это обещание мало успокаивало майора и он всей душой желал поскорее завершить такой тяжёлый разговор и покинуть это опасное место.

- Предлагаю встретиться на этом же месте через неделю, и всё обсудить более подробно, - сказал Игорь.

Не дождавшись ответа, Котлов и Саид встали с ковра и направились к выходу.

- Хорошо, - вслед сказал Кусам. – Ответ будет через неделю...

Примерно по такой же схеме прошли встречи ещё с тремя лидерами бандформирований – Абу Хакимом, Ибрагимом и Джафаром. Все они, мягко говоря, были шокированы озвученным предложением, и им было дано время на обдумывание.

- Докладывай, - генерал вызвал Котлова к себе в кабинет.

- Я лично довёл предложения до командиров банд, в настоящее время все они обдумывают услышанное, как я понимаю, результат их раздумий мы скоро узнаем.

Игорь сделал упор на слове «лично», подчёркивая перед начальником своё бесстрашие, проявленное в столь опасном деле.

- Как считаешь, кто из них более перспективен в плане дальнейшей работы? – спросил Исмаилов.

- В каком смысле? – не понял Котлов.

- Кого оставим работать с нами, а кого будем убирать? – прямо спросил генерал. – Кто будет в меру лоялен нам и в тоже время будет беспощаден к конкурентам даже без нашей помощи?

- Я думаю... - Котлов быстро взвесил поведение всех своих собеседников. – Наверное, лучше всего на эту роль подходит Ибрагим. Он более других проявлял открытость в разговоре, и при этом от него... как бы это сказать... чувствовалась внутренняя сила.

- Отлично, - кивнул генерал. – Вот с него и начнём.

- Что?

- Сегодня доводишь до своего Котенко сообщение от агента об обнаружении склада с реактивными снарядами. Координаты склада – место жительства Ибрагима. Подтверждение от других источников получите позже. Сильные и хитрые конкуренты в нашем деле совершенно не нужны. Действуй. Только согласуй свои действия с Саидом. Чтобы он знал про «встречу с агентом».

- Есть... - Котлов встал и вышел из кабинета.

По пути в свою кимбу Игорь обдумывал ситуацию и буквально захлёбывался от осознания масштаба сил, которые могли быть задействованы в данном деле. Его всё больше и больше охватывал восторг от понимания того, насколько глубоко извлечение личной выгоды маскировалось выполнением боевых задач по борьбе с международным терроризмом.

Быстро оформив сообщение агента, Игорь встретился со своим руководителем:

- Товарищ подполковник, важная информация. Склад с реактивными снарядами.

Прочитав сообщение, Котенко усмехнулся:

- Бабушка надвое сказала. Что это за агент?

- Саид нашёл, - ответил Котлов и пояснил:- Агент – бывший «игиловец». Удрал из своей банды, сейчас ищет, к кому приткнуться...
- Игорь, прежде чем докладывать начальнику о сообщении агента, успел придумать тому краткую легенду.

Котенко недоверчиво посмотрел на майора:

- Первое сообщение, и сразу такое важное?

- Удача повернулась к нам лицом, - кивнул Котлов.

- А почему «Овца»? – поинтересовался Котенко, имея в виду псевдоним агента.

- Товарищ подполковник, - Игорь улыбнулся. – Если вы его увидите, то сразу поймёте.

- Агентам нельзя присваивать псевдонимы, способные раскрыть их личность, - усмехнулся Михаил.

- Тут я не смог удержаться, - Котлов улыбнулся и развёл руками. – Больно уж он на овцу смахивает.

- Ладно, я понял. Будем работать...

О сообщении агента Котенко, как положено, доложил Исмаилову, который велел взять дело на особый контроль и ориентировать имеющиеся силы и средства на подтверждение и уточнение полученной информации.

Радиоразведка подтвердила, что телефон Ибрагима находится на указанном агентом адресе. Исмаилов обратился к командующему с полученной информацией и в ответ получил разрешение на уничтожение выявленного склада. На коротком совещании генерал предложил совместить «приятное с полезным» и нанести удар в тот момент, когда полевой командир будет находиться в адресе – ликвидация руководителей террористических группировок входила в задачу объединённой группировки войск, находящихся в Саратове. Предложение начальника разведки было одобрено всеми присутствующими.

Схема действий была прежней: непосредственную доразведку объекта выполнил БПЛА, оснащённый тепловизионной камерой с большим разрешением, удар наносился дежурным бомбардировщиком. Корректируемая бомба в щепки разнесла двухэтажный дом, стоящий на окраине города. «Овца» быстро подтвердил ликвидацию.

Отчёт о проделанной работе и нанесённом врагу ущербе Игорь представил Котенко, который двинул его выше, однако, на Исмаилове

документ завис. Генерал потребовал разведчиков к себе.

- Что это? – он бросил лист бумаги на стол.

- Отчёт, товарищ генерал, - бодро доложил Михаил.

- Это не отчёт, это любовная записка кисейной барышни, - Исмаилов сгрёб рукой лист, скомкал его и бросил в урну. – «По данным агента «Овца» в результате авиационного удара было уничтожено десять ракет и три боевика». Вы, господа, такими темпами отсюда без наград уедете. Идите, и переделайте отчёт. «Уничтожено более ста ракет и пятнадцать боевиков», ясно? Нечего их жалеть!

- Есть, - кивнул Котенко.

Игорь, составлявший отчёт, решил, что пятнадцать убитых боевиков – это не тот урон, ради которого работает бомбардировочная авиация, и написал «тридцать». Исмаилов с готовностью утвердил этот документ. На следующий день официальный представитель оборонного ведомства, докладывающий в телевизоре о боевых успехах группировки войск, тоном, лишённым эмоций, рассказал о поражении крупного склада боевиков, в результате чего «было убито до ста» «игиловцев». Случайно увидев это по телевизору, Игорь вдруг понял, откуда исходят столь грандиозные победы, за которые кто-то на самом верху получает высокие звания и высшие награды. В эту минуту он уже знал, что без ордена отсюда не уедет. Главное – правильно формулировать доклады о своих успехах. И оставлять в докладах место, куда можно вместить героизм своего руководства.

В течение недели новый агент помог выявить ещё один «склад боеприпасов», чудесным образом совпавший с местом пребывания полевого командира Кусама. В рамках повышения профессиональных навыков и расширения номенклатуры применяемого вооружения, склад был поражен авиационной крылатой ракетой, запущенной со стратегического ракетносца, не вышедшего за пределы национального воздушного пространства. Эффектный удар, снятый с барражирующего в районе цели разведывательного БПЛА, был показан по многим телеканалам и представлен как способность «кровавой руки» дотянуться до любого представителя террористического отродья. Естественно, в сюжете шла речь об уничтожении неимоверно огромного количества боевиков.

По подсказке Исмаилова, Котлов встретился сразу с двумя оставшимися полевыми командирами. Помимо шести спецназовцев,

встречу обеспечивала снайперская пара, которая располагалась где-то в пределах досягаемости, и при неблагоприятном стечении обстоятельств могла оказать серьёзную помощь.

- Уважаемые, - Котлов обратился к своим собеседникам. – Вы прекрасно видели, что случилось с другими участниками наших переговоров, которые не захотели услышать голос разума и пойти навстречу процветанию и богатству. Воля Аллаха такова, что им пришлось покинуть наш мир.

Спустя неделю, после произошедших событий, Игорь уже совершенно иначе воспринимал своих собеседников. После проведённой расправы над первыми двумя, оставшиеся Абу Хаким и Джафар в сознании Котлова представляли собой кандидатов на скорую встречу с прекрасными гуриями с уже подписанным смертным приговором.

- Ситуация изменилась, - продолжил майор. – Теперь наша доля составит три четверти.

Оба полевых командира гневными глазами смотрели то на Котлова, то на Саида, который переводил им слова майора.

- Но и это – большая цифра, - сказал Котлов. – Ваши конкуренты убыли к гуриям, и теперь их совсем не интересуют мирские дела. Теперь я повторно спрашиваю – готовы ли вы работать с нами, под нашей крышей, за огромную долю в размере четверти от всей получаемой прибыли?

Несколько мгновений в помещении царила тишина, затем Джафар едва заметно шевельнулся, после чего раздался оглушительный выстрел.

Котлов не успел ничего понять, как сидящий слева от него Абу Хаким заверещал диким голосом и упал вместе со своим стулом на спину. В первое мгновение было не понятно, кто стрелял, и спецназовцы, тараща автоматами во все стороны, ушли в «нижний уровень», спасаясь от возможного обстрела.

- Я согласен, - сказал Джафар.

- Не стрелять, - сказал кто-то из спецназовцев в рацию, очевидно, снайперам, быстро оценив обстановку.

Джафар, убедившись, что его никто не застрелит в эту минуту, встал из-за стола, и, подойдя к лежащему на полу конкуренту, выстрелил тому в голову. Крики прекратились.

Котлов, ошарашенный увиденной расправой, не мог произнести ни слова, лишь смотрел на всё происходящее, выпучив глаза. Спецназовцы молчали, всем своим видом давая понять, что такое вот убийство для них не является чем-то экстраординарным.

Игорь понял – в течение всего времени, пока он тут с ними разговаривал, Джафар держал одну руку под столом не просто так, и когда ситуация для него прояснилась окончательно, он быстро расправился с оставшимся конкурентом, заняв достаточно доходную нишу в местной «бизнес-среде», обеспеченную надёжной «крышей». «Глок» он убрал в набедренную кобуру.

- Обговорим детали, - предложил теперь уже «деловой партнёр».

Спецназовцев попросили выйти из помещения. Весь последующий разговор Котлов вёл, постоянно озираясь на лужу крови, которая вытекала из простреленной головы Абу Хакима.

Спустя пару недель Джафар привёз первые деньги, а затем работа завертелась. В туретчину по прежним каналам пошёл поток не только останков разбитых бензовозов да распиленных мачт ЛЭП, но и более ценные вещи – корпуса сгоревшей боевой техники – танков, САУ, БМП и БТР. В масштабах целого оперативного направления, где Джафар имел «крышу» в лице Котлова и Исмаилова, «ёмкость рынка» была огромной и исчислялась, пожалуй, миллионами долларов. Всех, кто пытался покушаться на этот бизнес, ждала кара небесная, очень быстро прилетавшая на головы осмелевших боевиков. Авторитет Джафара рос вместе с численностью его банды и доходами главных бенефициаров.

- За проявленный профессионализм... при исполнении воинского долга... указом... наградить подполковника Котенко орденом «За военные заслуги».

- Служу России! – Михаил приложил руку к козырьку полевой панамы.

- Носи! – командующий закрепил орден на груди офицера и пожал ему руку.

Котенко вернулся в строй.

- За проявленное мужество и героизм... при исполнении воинского долга... указом... наградить майора Котлова орденом Мужества.

- Служу России! – Игорь четко приложил ладонь к козырьку.

- Поздравляю, - командующий прикрепил орден к груди и пожал Котлову руку. – Желаю дальнейших боевых успехов!

- Спасибо, товарищ генерал-полковник! – улыбнулся майор. – Успехи будут обязательно!

Чётким строевым шагом Игорь вернулся в строй, держа в руках красную коробочку от ордена и орденскую книжку. Однако, как только он занял в строю своё место, как офицер, проводящий награждение, снова назвал его фамилию:

- Майор Котлов!

- Я! – отозвался Игорь, полагая, что происходит какая-то ошибка, и это должно сейчас будет всех развеселить.

- Ко мне!

- Есть, - Игорь снова вышел из строя.

Офицер стал зачитывать:

- Приказом... майору Котлову... присвоить воинское звание подполковник!

- Служу России!

Командующий передал майору погоны подполковника:

- Носи, заслужил!

- Спасибо!

Когда Игорь снова вернулся в строй, чувства переполняли его сверх всякой меры. В голове роились мысли, порождавшие гордость за самого себя. Хотелось быстрее уже сфотографировать погоны и орден, да разослать это по знакомым и подругам.

В кабинете Исмаилова уже была накрыта небольшая «поляна» - на двоих. Генерал жестом предложил сесть, и подполковник Котлов быстро занял указанную диспозицию.

- С коллективом ты потом представишься, как положено, а сейчас давай вдвоём посидим, у нас есть о чём поговорить...

Игорь разлил коньяк по стопкам. Генерал поднял, посмотрел на Котлова:

- Давай, подполковник, выпьем за нас. За то, что мы поддерживаем друг друга в трудную минуту, не оставляем друг друга в беде. Чтобы так было всегда, пока мы живы.

Чокнувшись, выпили.

- Знаешь, зачем я дал орден Мише Котенко? – спросил генерал.

Игорь мотнул головой, закусывая сервелатом.

- Он, конечно, разведчик от Бога. Но есть в нём одно нехорошее качество – он категорически не приемлет возможности, которые открываются перед нами. Он всё видит и всё понимает, но... ничего себе, всё для Родины. А что эта Родина ему дала? Двадцать лет гарнизонов в Забайкалье да Заполярье? Два развода? Может, у него есть хорошая машина, как у тебя? Или хорошая квартира? Нет, у него этого ничего нет. А ведь мы живём только раз, и другой жизни у нас не будет. Поэтому нужно брать от жизни всё – при любых обстоятельствах.

- Это верно, - кивнул Котлов.

- И при этом он же видит, что здесь происходит. И вот, чтобы он не выносил это, в служебно-боевой характеристике у него будет записано, что боевой орден он получил за уничтожение полевых командиров. Он будет помнить их всех – этих наших конкурентов. И эта запись будет каждый раз напоминать ему, что он лично причастен к этим, назовём своим именем, убийствам. И орден, испачканный их кровью, заставит его молчать.

- Мне и курсант-переводчик уже пытался говорить, что мы чем-то не тем здесь занимаемся, - сказал Котлов. – Причем, с таким ясно выраженным упрёком.

- Значит, поедет он на самое опасное направление. Пусть там думает и размышляет, где правильные дела происходят, а где не очень. Пусть поживёт на переднем крае. Наливай...

Игорь быстро разлил, подняли.

- Теперь давай за твоё звание, - предложил генерал. – Чувствую, что всё у тебя будет хорошо по службе. Может, на академические курсы по разведке поедешь?

- Я не против, - ответил Котлов.

- Значит, тому и быть! – генерал выпил стопку и поставил её на стол.

Котлов последовал его примеру.

- Отучишься, - продолжил Исмаилов. – А там и совсем в Москву переберёшься. А в Москве, я тебе скажу, совершенно другие перспективы. Это на Дальнем Востоке мы с тобой, считай, копейки подбирали, в Москве совершенно иные деньги. Другой размах. Другой масштаб. И другие возможности.

- Справлюсь ли?

- Справишься, - улыбнулся генерал. – Если будешь моим верным помощником.

В ответе генерала мелькнул намёк на возможное возвращение уголовных дел, которые когда-либо заводились на Котлова, и в настоящее время оставались без движения только потому, что ему, генерал-майору Исмаилову, так было надо. А может, и не только ему.

- Доверие оправдаю, - горячо заверил свежее испечённый подполковник.

ГЛАВА 4

- Вернулся? – в словах Гаврилова сквозило презрение. – О, ещё и повысили? Раз повысили, значит, поумнел. Хотя – не факт.

- Разрешите приступить к работе? – как ни в чём не бывало, спросил Игорь, пропустив явный укол.

- Работать будешь только по украинскому направлению, там сейчас много интересного происходит. Поедешь в Донецк вместе с майором Чмырёвым, мы там развернули полевой разведывательный пункт, чтобы ускорить обработку и анализ информации. Нужно проверить его работу, помочь с организацией.

Лёгкость, с которой российские подразделения в 2014 и 2015 годах громили украинские бригады и батальоны, основывалась на жутком развале ВСУ, который можно было сравнить с тем бардаком, который Российская Армия прошла в середине девяностых годов. Как тогда Чечня взбудрила нас и заставила провести необходимые изменения, положительно сказавшиеся на результатах Второй Чеченской кампании, так и для украинцев поражения тех лет стали стартом требуемых изменений.

После Майдана Генштаб и Минобороны Украины наполнились офицерами НАТО, которые вели работу по изменению нормативно-уставных документов, подводя их требования к стандартам, принятым в Североатлантическом альянсе. Переработке подлежало практически всё советское наследие, однако, местами это являло не только слепое копирование западных инструкций, но и приводило к компиляции лучших советских и натовских практик, что немедленно доводилось до войск с проведением соответствующих учений, тренировок и иных форм закрепления установленных положений и руководств. Армия Украины стала меняться, и это хорошо чувствовалось на линии боевого соприкосновения, где подразделения ВСУ вели активную оборону, а подразделения народных республик в это же время активно разлагались, так как ими управляли так называемые «советники», занесённые сюда «северным ветром», и соответственно, принёсшие с собой все прелести «нового облика» вооружённых сил.

Защитники Донбасса, вынесшие на своих плечах тяжелейшие бои начальной стадии конфликта, и получившие огромный боевой опыт, причём, самый передовой, теперь откровенно не понимали, почему они должны выполнять неадекватные приказы «советников», явно не блестящих высокой тактической выучкой. В свою очередь «советники», осознавая огромную пропасть в реальных военных знаниях между собой и подчинёнными, а также временный характер своего присутствия на Донбассе, в большинстве случаев самоустраивались от принятия необходимых решений, что влекло накопление нерешённых проблем.

Часто «советники» использовали своё привилегированное положение для создания различных коррупционных схем, основанных на списании украденного имущества, топлива, боеприпасов и продовольствия, а также на поборах подчинённого личного состава и иных махинаций с денежным довольствием. Явление это носило массовый характер, чекистами, действующими «на земле», доносилось «наверх», но к изменениям это не приводило, что убеждало колеблющихся в правоте тех, кто наживался на армии. Тех же офицеров, кто пытался противиться сложившейся практике, кто говорил о катастрофическом падении боевой готовности войск, гнобили и увольняли из армии, в худшем случае заводили на них уголовные дела и отправляли на несколько лет «подумать о своём поведении» в места, не столь отдалённые.

Однако, даже понимание того, что ВСУ становится реальной боевой машиной, способной сокрушить первый и второй армейские корпуса и захватить Донецк и Луганск в считанные дни, никоим образом не влияло на сознание военных дельцов – отчего-то все были убеждены, что Украина не посмеет начать войну против Донбасса, за спиной которого стояла огромная и сильная страна.

УАЗ «Патриот», на котором офицеры выехали в командировку, продувало со всех сторон, и пока ехали до точки назначения, Котлов продрог насквозь. Игорь пожалел, что не надел тёплые ботинки, как это сделал Юра Чмырёв, да оставил дома тёплую безрукавку, искренне рассчитывая на офисную работу.

В городе они заселились в снятую квартиру, хозяйка которой, молодая девушка, быстро рассказала, в какие часы могут выключить свет, а когда могут включить воду, потом забрала задаток и ушла.

В разведывательном отделе армейского корпуса Котлов и Чмырёв ознакомились с обстановкой, переговорив с начальником разведки и его заместителем. Карта, висевшая на стене, отражала положение линии фронта и показывала подразделения сторон, которые находились на линии боевого соприкосновения.

- В основном обстановку изучаем по показаниям пленных, сообщениям агентуры, данным радиоразведки и по работе войсковой разведки, - сообщил начальник разведки корпуса. – В настоящее время противником мы имеем два батальона 1-й танковой бригады, по два батальона 28-й и 93-й механизированных бригад, 95-ю аэромобильную бригаду, 128-ю горно-штурмовую бригаду, 55-ю артиллерийскую бригаду, полк «Азов», батальоны «Днепр», «Винница», «Чернигов» и «Киев-2». Если есть желание, мы можем организовать вам выезд на линию боевого соприкосновения, - начальник разведки внимательно посмотрел в глаза коллегам.

- Очень хотелось бы посмотреть, как для разведки используются квадрокоптеры, - Чмырёв опередил Котлова, который уже придумал, что сказать, чтобы избежать выезда в потенциально опасный район.

- С удовольствием продемонстрируем, - улыбнулся разведчик, для которого предложение свозить «проверяющих» в окопы переднего края стало своеобразным развлечением – чтобы посмеяться (в душе, конечно) над тем, как «высокие гости» смущённо будут искать благовидные причины к отказу.

- Мы... - начал было Котлов, но потом махнул рукой, решив, что пока на фронте тихо, можно немного погеройствовать.

До батальонного командного пункта бригады «Оплот» вместе с заместителем начальника разведки доехали на «Патриоте», а дальше, до наблюдательного пункта роты вместе с комбатом и пулемётчиком двинулись на потрёпанной «буханке».

- Могут миномётами накрыть, - сказал комбат с позывным «Рыбак». – Но это не страшно, у них лимит на сутки – пятнадцать мин.

Под навесом из маскировочной сетки, где был оборудован наблюдательный пункт, встретили ротного, своими добрыми глазами и бородой напоминающего Деда Мороза. Тот позвал «беспилотчика» и вскоре на НП явился худощавый молодой парень с тонкой шеей и толстыми линзами очков.

- Это наш «Саурон», который всё видит, - сказал Рыбак. – Покажи гостям свои возможности...

Саурон вынул из рюкзака «Мавик», разложил стойки винтов и дал гостям осмотреть аппарат со всех сторон:

- Коптер способен находиться в воздухе до получаса, летать на четыре километра гарантированно, если повезёт, то немного дальше. Сейчас я покажу вам, что он умеет...

Боец, отойдя по траншее метров на сто, запустил «Мавик». Пролетев мимо гостей, машина набрала высоту и улетела в сторону вражеских окопов.

- Вот, смотрите... - Саурон протянул планшет, на котором медленно менялась местность. – Вот наша линия окопов, - прокомментировал боец. – Вот серая зона... вот мы подлетаем к украинскому опорнику... вот, любуйтесь, видно всё, как на ладони.

- Еще в 2015 году мне бы пришлось людьми рисковать, - сказал комбат. – Чтобы добыть такие сведения о противнике...

Вдруг изображение пропало, следом пропали параметры полёта. Саурон выругался:

- Кажись, угнали коптер...

- Как угнали? – спросил Чмырёв.

- Перехватывают канал управления более мощным сигналом, и либо валят коптер на землю, либо садят и захватывают, - ответил Саурон. – А потом его перепрошивают и против нас же используют... жалко. Хорошая была машинка.

- И часто теряете? – спросил Котлов.

- Бывает, - махнул рукой Саурон. – Опять надо будет спонсоров просить купить нам такой...

- Это не штатное средство? – спросил Игорь.

- Конечно, нет, - усмехнулся Рыбак. – У нас в батальоне сапог на всех не хватает, а вы про коптеры... я не знаю, что должно случиться, чтобы армия стала их закупать и передавать в войска.

В этот момент со стороны противника раздался хлопок.

- Выход, - спокойно сказал Рыбак и также спокойно добавил: – Все в укрытие!

Котлов и Чмырёв метнулись к блиндажу, и уже вваливаясь в защитное сооружение, Игорь услышал свист летящей мины, а затем близкий хлопок, ударивший по ушам. Рыбак тоже заскочил в блиндаж:

- Считайте мины.

Игорь сел на лавку, уперевшись локтем в стол, на котором стоял раскрытый ноутбук, за ним стоял лазерный принтер, а сам стол был обильно устлан распечатанными листами формата А4 с различными таблицами, фото, схемами и текстами. Увидеть это в полевом блиндаже было более чем удивительно.

Котлов украдкой смотрел на окружающих – они ни в коей мере не высказывали страха, вели себя так, словно снаружи не было никакой смертельной опасности. Игорь чувствовал, как от напряжения расширены его глаза, пульс отдавался в висках тяжелыми ударами, а сидящий рядом Юра являл собой образец холодного спокойствия.

Но Котлову не было за себя стыдно, где-то в глубине души он считал себя человеком, достойным жить и работать в тёплом офисе, а не прозябать в окопах. Тем же, кому судьбой были уготованы окопы, им же в придачу шло и совершенно не нужное в штабных офисах геройство – качество, которое Котлов не считал положительным, так как связывал его с безусловным бременем скорой смерти, на которую он сам, в данную минуту и вообще в принципе, совершенно не рассчитывал. От того он позволял себе выглядеть перепуганным – эти, «окопные люди», пусть, конечно, смеются над ним. Но он отсюда уедет в тёплый офис, а они останутся ждать скорой смерти. А потом, когда они погибнут, конечно, можно будет и посмеяться над выбором – ты мёртвый герой или ты разумный трус, но живой – со всеми благами, присущими хорошей жизни.

Пока снаружи разрывались мины, внутри блиндажа кипела военная жизнь: Рыбак пододвинулся к Деду Морозу:

- Ты помнишь, что сегодня к пятнадцатиноль-ноль должен предоставить план проведения с личным составом двухчасового занятия по порядку действий и безопасному обращению с индивидуальными рационами питания?

Дед Мороз набычился:

- Товарищ майор, они там, в штабе бригады, не охренели с меня такое требовать? Я весь день сижу, и всякую ерунду пишу, составляю и свожу таблицы, печатаю фотоотчёты... когда я уже воевать буду? Я как бы на фронте нахожусь, а не в офисе. Мне чтобы это всё отпечатать, надо бензогенератор по шесть часов в день гонять, а кто мне бензин оплатит? Мы вон, в том месяце, украинского ротного случайно в плен

взяли, так он говорит, что их уже два года как не третируют подобными отчётами! Их просто отменили! Приказом командующего! Поэтому они воюют лучше, чем мы, у них есть на это время...

- Ты что, думаешь это моя идея тебя отчётами заваливать? – комбат тоже стал наезжать на ротного. – Да ты знаешь, сколько мне такого дерьма составлять приходится? Ты думаешь, меня это не достало? Штаб бригады тоже погряз в отчётах, некогда нормальную таблицу связи составить, или план взаимодействия...

Снаружи бабахнуло особенно громко, через щель выхода было видно, как на маскировочную сетку посыпалась земля, поднятая в воздух разрывом мины.

- Представляете? – комбат, словно ища поддержку, обратился к разведчикам: - Какой-то «очень умный и предусмотрительный человек» в штабе бригады требует проведения занятий с личным составом подразделений по правильному использованию сухпайков, в том числе по безопасному обращению с сухим горючим и спичками. Сухпайки будут выдаваться только в те подразделения, где личный состав пройдёт эти занятия и поголовно распишется в доведении. Я уже восемь раз собирал с рот и отдельных взводов такие отчёты, сдавал в бригаду, оттуда приходили ответы, что найдены ошибки, требовали переделать, а пока, суть да дело, пайки нам не дают. Кормимся как бы из котла, но это, сами понимаете...

- Это не в бригаде «предусмотрительный человек», - подключился заместитель начальника разведки армейского корпуса. – И не в корпусе. Это где-то там, за «ленточкой», пайки уже давно разворованы, а нас заставляют писать дурацкие отчёты, в которых находят какие-то ошибки, и эти ошибки используют против нас. Думаете, нас это не достало?

- А как быть? – спросил Чмырёв. – Дело, как я понимаю, не только в пайках...

- А вы что, разве отчёты не пишете? – спросил Рыбак. – Не знаете, как быть...

- Пишем, ещё как пишем, - ответил Юра. – И мы тоже считаем, что это великая глупость, которая убивает армию... так ведь, товарищ подполковник?

- К сожалению, – согласился Игорь, вздрогнув от очередного близкого разрыва.

- Пятнадцать, - сказал Дед Мороз. – Можете выходить из блиндажа. Юра встал и направился к выходу, но Котлов даже не пошевелился.

- Да чего ты, - рассмеялся Рыбак. – У них на сегодня мин больше нет, пошли.

- Не, давай ещё тут посидим, пять минут, - сказал Игорь. – Хочу удостовериться...

- Ай, не ссы, всё нормально... - комбат вышел из блиндажа.

Обстрел действительно прекратился совершенно.

Вскоре «буханка» вернула офицеров на пункт управления батальона, где комбата встретил незнакомый Котлову полковник.

- Здорово, Рыбак. Я у тебя тут немного послушаю, что происходит... - сказал старший офицер.

- Всегда рад, - улыбнулся комбат, пожимая офицеру руку.

Полковник поздоровался с заместителем начальника разведки корпуса и представился Котлову и Чмырёву:

- Иванов.

- Петров, - представился Игорь фамилией прикрытия, на которую были выписаны его служебные документы.

- Сидоров, - представился Юра.

Все рассмеялись от необходимости соблюдать эту условность.

- Вы же вроде с окружного центра, - сказал Иванов. – Кажется, там я вас видел.

- Да, - кивнул Юра. – Они самые. А вы тут... по какой такой надобности?

Котлов понял, что Чмырёв знаком с этим офицером, хотя сам, как ни старался, вспомнить его не мог.

- Да вот, выставил свои станции, смотрю, что там происходит... - ответил Иванов. – Это не у вас там сейчас коптер угнали?

- У нас, - кивнул комбат.

- Ага, мне мои операторы доложили.

- Это прямо видно было? – поинтересовался Игорь, поняв, что перед ним стоит командир какого-то подразделения радиоэлектронной разведки.

- Ага, - кивнул Иванов и обратился к заместителю начальника разведки корпуса: - Саньч, тут такое дело... я уже месяц наблюдаю работу радиосетей, которые не принадлежат существующим частям и соединениям ВСУ... мне бы по агентурной линии перепроверить...

- Интересно, - Саныч повернулся к Иванову: - А поподробнее?

- Короче смотри, я же могу не только ближнюю полосу видеть, но и глубокие тылы.

- В курсе, - кивнул замначальника разведки корпуса.

- Я сейчас вижу работу радиосетей пяти бригад - 60-й, 62-й, 63-й и 66-й механизированных и 61-й пехотной егерьской. Раньше были сообщения о начале их формирования и присвоении нумерации. Однако, о том, что они окончательно укомплектованы личным составом, пока сведений не было. Радиообмен идёт такой, какой бывает у реально существующих, укомплектованных бригад. Координаты узлов связи бригад и некоторых батальонов я установил. Прежде, чем докладывать наверх, я хотел бы уточнить некоторые детали... а то вдруг хохлы нам дезув паривают, чтобы мы тут слегка обалдели от мощи их вооруженных сил.

- Хорошо, - кивнул Саныч. – Я сориентирую нашу агентуру. Ты мне районы расположения этих бригад давай...

- Записывай, - Иванов быстро достал блокнот и стал диктовать.

Проверка деятельности «филиала» центра не заняла много времени, и уже через неделю Котлов вернулся в центр. Несколько дней он рыл официальную информацию по новым бригадам, о которых рассказал полковник Иванов, но подтверждением того, что бригады завершили формирование и обрели статус боеготовых, военная разведка не располагала.

Дома Игорь залез в интернет и стал шерстить украинские сайты, где теоретически могла бы всплыть какая-нибудь косвенная информация. Спустя час поисков его ждал успех: на бердичевском городском сайте черным по белому было написано, что «воины 62-й механизированной бригады полковника Александра Мороза прошли все виды боевой подготовки и боевого слаживания, и в настоящее время готовятся к убытию в зону АТО». Затем он нашёл статью, в которой сообщалось, что «на Черниговщине завершились масштабные учения с боевой стрельбой 61-й мотопехотной бригады». О 63-й бригаде было написано, что «полковник Александр Марущак принял к формированию три тысячи резервистов». В статье о военных учениях на Херсонщине было упомянуто активное участие 60-й

механизированной бригады. 66-я бригада тоже нашлась, как завершающая подготовку к отправке на Донбасс в зону АТО.

Игорь потирал руки. Птица удачи кружила над его головой – оставалось лишь поднять руку и схватить птицу за хвост. Это был великолепный шанс щёлкнуть Гаврилова по носу.

За пару дней Котлов состряпал несколько «агентурных сообщений», в которых изложил то, что нашёл в интернете. Затем накатал «выводы», в которых выразил полную уверенность в том, что в составе ВСУ отныне существуют отмобилизованные и готовые к боевому применению пять новых механизированных и пехотных бригад, численностью не менее трёх тысяч человек каждая. Забегая за буйки своей ответственности, Игорь даже изложил своё видение ситуации, согласно которому эти бригады уже в самое ближайшее время могут быть использованы киевским руководством для силового разрешения донбасского вопроса. Когда вся картина была нарисована, он пришёл к Гаврилову.

- Товарищ полковник, разрешите... - Игорь застыл в дверях.

- Что у тебя? – Гаврилов явно не хотел его видеть.

- Полагаю, что дело особой важности...

- Излагай, - начальник центра сделал жест, приглашающий присесть за стол.

Котлов выложил листы с «сообщениями» и свои выводы.

- Имею агентурную информацию о завершении мобилизационного развёртывания пяти новых механизированных бригад, ранее созданных в составе четвёртого корпуса резерва ВСУ.

- Показывай... - Гаврилов надел очки и стал просматривать представленные документы.

- Предлагаю ориентировать другие силы разведки... - проговорил Котлов.

- Обожди, - отмахнулся Гаврилов, вчитываясь в сообщения.

Игорь сидел, не шевелясь. Начальник читал долго, время от времени возвращаясь к прочитанному. Потом он поднял голову и поверх очков посмотрел на Котлова.

- Сам придумал, или кто подсказал?

- Сообщения агентуры, - осторожно ответил Игорь.

- Контрольную встречу с агентом, хотя бы одним, мне устроишь?

- Они на территории Украины, вывозить их оттуда можно только в третьи страны, - с готовностью кивнул Котлов.

- Каналы?

- Когда я был на Донбассе, договорился о том, что сообщения они будут направлять на разные адреса электронной почты... - Игорь говорил уверенно, так как давно уже сделал выводы из своих прошлых ошибок, и теперь работу строил так, что не всякий комар смог бы подточить свой нос.

Еще находясь на Донбассе, он время от времени отрывался от Чмырёва, обосновывая выездами на встречу с агентурой, и пока Юра действительно встречался со своими агентами, Игорь проводил время в кафешке - зато теперь он мог сослаться на это перед Гавриловым. А сообщения по электронной почте... он давно уже научился подменять IP-адреса, завёл множество ящиков, и внимательно следил, чтобы случайно не произошло какой-нибудь накладки – например, зайти на разные ящики с одного устройства.

- Почему раньше не доложил об этих агентах? – Гаврилов потряс пачкой бумаг. – Трое тут? Четверо?

- Четверо, товарищ полковник. Хотел удостовериться, что они не фуфлыжники.

- Ты понимаешь значение этой информации, если она подтвердится?

- Так точно, - кивнул Игорь.

- Ты понимаешь, что если это подтвердится, то это повлечёт огромную работу штабов всех уровней по пересмотру расчёта сил и средств? Это же целых пять бригад! Полнокровных!

- Так точно, товарищ полковник! И поэтому я предлагаю перепроверить эту информацию. Давайте, например, у радиоразведки уточним, фиксируют ли они выходы в эфир радиостанций узлов связи этих бригад.

- Так и сделаем, Котлов, - кивнул Гаврилов. – Вот видишь, съездил на войну, посмотрел своими глазами, для чего нужна разведка, так и работать нормально начал...

- Война быстро учит, - согласился Котлов.

В службе радиоперехвата подтвердили наличие в эфире новых абонентов, идентифицированных как узлы связи пяти новых бригад. Командир бригады ОсНаз хоть и выражал сомнения в достоверности

наблюдаемых радиосетей, но в разведывательном управлении округа справедливо рассудили, что данные радиоразведки и данные агентуры органично дополняют и подтверждают друг друга, после чего сообщение о завершении боевого развёртывания пяти новых бригады было направлено на самый верх.

На самом верху решили, что значимость добытой Котловым информации можно оценить не ниже «овала». А за это, по представлению руководителя, уже спустя месяц подполковник Котлов был награждён орденом «За военные заслуги».

А ещё через месяц в Центр пришёл вызов, согласно которому Котлов должен был явиться на академические курсы.

Ближе к окончанию курсов, Котлову позвонил Исмаилов и предложил встретиться. В кафе они пожали друг другу руки.

- Как учёба? – спросил генерал.

- Много интересного, - ответил Котлов, - но в основном дают то, что сейчас вообще никак не актуально, особенно, по технической части. Хотя... разведка из открытых источников достаточно хорошо представлена.

- Ну, твои китайские газеты я никогда не забуду, - рассмеялся Исмаилов.

- Рафик Магомедович! – Игорь с улыбкой, но и с укором посмотрел на собеседника. – Давайте признаем, что я тогда был весьма успешен!

- Не без этого, - генерал продолжал улыбаться. – Окружное управление тобой гордилось.

- Вот! – Игорь поднял вверх палец.

- Ладно, проехали, - генерал аккуратно поднял чашечку кофе. – У меня есть для тебя должность старшего офицера в управлении агентурной разведки. Ценник за должность я тебе озвучу позже, сейчас я пока ещё торгуюсь с кадровиками.

- Подъёмная хоть сумма?

- Для тебя – да. Ну, и там должность сама по себе очень интересная. Есть прекрасные перспективы роста.

- А кто руководитель управления? Генерала Воронова перевели же в аппарат министерства...

- Руководителем агентурного управления назначен... - Исмаилов выдержал театральную паузу. – Генерал-майор Исмаилов!

- Поздравляю, Рафик Магомедович! – Игорь в этот момент был искренним, а набравшись наглости, тут же спросил: - Проставляться будете?

- Само собой, - рассмеялся генерал. – Тебя обязательно приглашу, и на проставе будет у меня к тебе небольшое задание.

- Интересно, какое? – спросил Игорь.

- На мероприятие я пригласил начальника управления генерал-полковника Михайлова. В нашей дальнейшей работе он будет ключевой фигурой. А чтобы он стал для нас с тобой близким человеком, тебе нужно будет жениться на его дочери.

- Вот почему-то я не удивлён, - рассмеялся Ди Каприо. – Фотку то хоть покажете?

- Тебе нужна фотка, или должность, - усмехнулся генерал. – У тебя этих баб, может сотня была. Наверняка ты их никогда даже по именам не запоминал.

- Запоминал! – заверил Игорь, и вдруг понял, что не может вспомнить имя жены командира полка, которая «вывела его в люди», когда он был ещё молодым лейтенантом. – Некоторых...

- Вот-вот, - улыбнулся Исмаилов, доставая из кармана телефон. – Некоторых. Вот, любуйся...

Он протянул телефон Игорю – на экране красовалась дама лет тридцати со всеми атрибутами современной актуальности.

- Су-34... - вырвалось у Котлова.

- Что? – не понял генерал.

- Самолёт такой есть, Рафик Магомедович, - пояснил Игорь.

- При чём тут самолёт?

- А вы сами посмотрите внимательно, - Котлов вернул генералу его телефон, а на своём быстро нашёл фото файтербомбера, вид спереди.

- Чёрт, - генерал поморщился. – Действительно, Су-34. Зачем они это делают? Справишься?

- Да придётся, - Котлов развёл руками. – Если для пользы дела надо.

- Надо, Федя, надо, - генерал твёрдо посмотрел в глаза подполковника.

- Как известно, изучение открытых источников даёт разведке больше девяноста процентов информации о противнике, - преподаватель расхаживал перед слушателями академических курсов, время от времени глядя то на них, то в окно, то на карту Европы, висевшую на доске. – В предвоенной Германии произошёл широко описанный случай, когда один журналист, используя только вырезки из газет, смог составить практически полный список германского военного командования, в котором были указаны воинские соединения до полка включительно. В принципе, список этот, безусловно, составлял военную тайну, и Гестапо мгновенно арестовало этого представителя прессы. На допросе он заявил, что обо всём этом ему сообщала германская пресса, и в подтверждение своих слов он взял со стола первую попавшуюся газету, полистал её, и показал следователям раздел некрологов, в котором было написано, что «на похоронах полковника Штумфа, бывшего командира 31-го пехотного полка, присутствовал генерал Мильхорн, командир 11-й пехотной дивизии, со своим начальником штаба полковником Фостером». Сведение воедино подобных разрозненных отрывков в конечном итоге приводит к созданию синтезированной системы. Гестапо не нашло в действиях журналиста состава преступления и отпустило его. Однако, цензура в Германии после этого случая была ужесточена. Именно поэтому и в СССР, и сейчас, сбор подобной информации в отношении собственных войск рассматривается госбезопасностью как подготовка к преступлению. Если невозможно пресечь – значит нужно сделать это наказуемым.

Преподаватель дал аудитории выговориться, после чего продолжил:

- Зная, что значительную часть разведывательной информации Абвер получает из открытой печати, во время Второй Мировой войны спецслужбы Британии провернули очень интересную операцию. Её суть состояла в том, чтобы дать германской разведке основания считать, что на островной части метрополии развёрнуты крупные сухопутные силы – танковые и механизированные соединения, каковых, на самом деле, не было. После панической эвакуации британских войск из Европы в 1940 году, в Дюнкерке им пришлось бросить практически всю свою тяжёлую боевую технику, которая в итоге досталась Вермахту. Соответственно, после этого бегства у

Британии больше не было танковых и механизированных войск. Понимая это, Гитлер замыслил провести морскую десантную операцию и захватить Британию. Расчёт сил показывал, что операция вполне выполнима. И тогда британские спецслужбы стали в местных газетах публиковать статьи о том, что, якобы, в таком-то, или таком-то графстве, проходят военные учения крупных танковых подразделений. В этих публикациях даже упоминалась нумерация танковых батальонов и полков, которая свидетельствовала об их недавнем формировании. Эти газеты германская разведка добывала в Британии, переправляла в Берлин, анализировала. В итоге Гитлер, поражённый быстротой восстановления боеспособности британской армии, отказался от идеи высадить на остров свои войска, полагая, что такими силами, о которых писали газеты, десант обязательно будет разбит. Это был как раз тот случай, когда бумажные газеты победили крупный морской десант – иначе и не назовёшь.

Аудитория стала переговариваться, выражая восхищение находчивости британцев и глумясь над колоссальной ошибкой германской разведки.

- Подобный случай, чтобы вы понимали, имел место быть и в нашей системе, - преподаватель внимательно окинул взглядом слушателей, как бы призывая их более внимательно отнестись к той информации, которую он собирался изложить. – Пару лет назад радиоразведка, действующая на украинском направлении, вскрыла появление новых узлов связи, которые первоначально были идентифицированы как узлы связи новых механизированных бригад, сформированных в составе четвёртого корпуса резерва. Эти узлы ежедневно вели радиообмен, соответствующий повседневному радиообмену существующих бригад сухопутных войск Украины. Как я уже сказал, первоначальный вывод был сделан о том, что ВСУ завершило формирование бригад резерва, доведя их до боеготового состояния. Затем агентурная разведка подтвердила формирование этих бригад сообщениями, в которых утверждалось, что данные соединения проводят крупные учения, боевую стрельбу, слаживание, а также и то, что они готовятся к отправке в зону АТО. Сопоставление этих сведений привело к тому, что Генштаб был вынужден пересмотреть оценку боевого потенциала ВСУ.

Игорь, слушая преподавателя, буквально расцвёл на глазах, и уже собиравшись было ткнуть локтем соседа и многозначительно подмигнуть, как лектор круто изменил траекторию своего повествования.

- Что интересно, командир бригады ОсНаз, вскрывший и затем длительное время наблюдавший радиообмен, вскоре кое-что заподозрил – через узлы связи шла только, скажем так, официальная информация, и совсем отсутствовало то эфирное хулиганство, которое присуще всем связистам, долго общающимся друг с другом, но никогда друг друга не встречавших вживую. На основании этого он сделал вывод, что противник пытается дезинформировать нашу разведку. Свои выводы он стал докладывать наверх, но наверху ему резонно отвечали, что информация подтверждена агентурой и не стоит так паниковать. И вот, совсем недавно вышла статья одного журналиста, пишущего на военную тематику, которая буквально разгромила выводы военной разведки. Журналист убедительно доказал, что все эти пять бригад являются фейковыми, и в реальности они существуют только на бумаге. А демонстрация радиообмена и сообщения об их участии в военных учениях – это хорошо спланированная акция, направленная на то, чтобы создать видимость значительного усиления ВСУ на фоне слухов о нашем возможном наступлении на Донбасс. Журналист в своей статье собрал все сообщения о новых бригадах, которые были в украинском сегменте интернета – фактически получилась калька с «агентурных сообщений». Но, он пошёл дальше, и обнаружил, что если все другие бригады ВСУ в социальных сетях представлены многочисленными живыми участниками, общающимися, что они служат в той, или иной части, то под каждую новую бригаду было создано по пять совершенно «мёртвых» страниц явно не существующих людей. Чем не признак того, что что-то здесь не так? А вот основным доказательством, по мнению журналиста, послужило полное отсутствие в интернете информации о новых бригадах, имеющей негативный окрас. Ни одного ДТП, массовой пьянки, убийства или самоубийства, мордобоя, тогда как о других бригадах ВСУ подобной информации в сети предостаточно. На этом основании журналист сделал вывод, что данные бригады существуют пока только на бумаге, а всё, что про них есть в интернете и в эфире – это попытка украинских ЦИПСО пустить пыль в глаза нашей военной разведке. С

учётом того, что в Киеве в настоящее время работают британские специалисты по информационно-психологическим операциям, мы делаем вывод, что именно они предложили местным специалистам исполнить такой трюк. Что интересно, сразу после выхода статьи своё интервью украинским СМИ дал руководитель резервных войск Украины, который, не упоминая статью в российской прессе, аккуратно сказал, что действительно, бригады резерва в настоящее время людей не имеют, но приписной состав может быть призван в течение суток. Другими словами, он подтвердил выводы журналиста.

- А этого журналиста слышали там, где надо? – спросил кто-то из слушателей.

- Услышали, конечно, - кивнул преподаватель. – Но он об этом никогда не узнает. Журналисту орден бы дать за такую информацию, но, к сожалению, ордена получили те офицеры военной разведки, которые из открытых публикаций не только не сделали правильных выводов, но ещё и использовали их для создания фиктивных «агентурных сообщений», которые, в свою очередь, послужили основанием для принятия важных оперативных решений, как теперь понятно – глубоко ошибочных. Жаль, не знаю имена этих «героев невидимого фронта», но так, как поступили они – это не только преступление, но и прямое предательство интересов службы, интересов Родины.

Котлов сидел красный, как помидор. Ему казалось, что сейчас все смотрят только на него, хотя многие слушатели и сами могли рассказать подобные истории, особенно про «интересы Родины». Преподаватель был из старой закалки, успевший застать в ГРУ настоящих монстров добывания, и считающий, что современная молодёжь будет твёрдо идти по стопам предков. Если бы он знал, как ошибается, то от позора застрелился бы за кафедрой, причём - немедленно. Если бы он узнал, какие суммы списываются на оплату работы несуществующей агентуры – он застрелился бы повторно.

Генерал Михайлов прибыл в ресторан со своей дочкой, тридцатилетней Светой Михайловой, которую многие присутствующие приняли за молодую супругу, что было не удивительно для большинства приглашенных. Они проследовали на

почётное место, по правую руку от виновника торжества, генерала Исмаилова. Котлова усадили с другой стороны, третьим по счёту – первыми двумя были два генерала из Генштаба, занимавшие весьма высокие должности. Четвёртым в этом ряду сидел генерал ФСБ, таким образом, подчёркивая значимость подполковника Котлова в системе ценностей Рафика Исмаилова. Все были в парадной форме, и Игорь буквально выпячивал грудь, которая была украшена двумя боевыми орденами и несколькими ведомственными медалями.

- Товарищи офицеры, товарищи приглашённые, - Исмаилов встал со своего места и забасил командным голосом, осаживая разговоры и лишний шум. – Обращаюсь к старшему по званию: товарищ генерал-полковник, генерал-майор Исмаилов представляюсь по поводу назначения на должность начальника управления!

Михайлов поднялся, и держа в руках рюмку, ломая традиции, задорно предложил:

- Должность – принять!

- Есть, принять должность, - подыграл Исмаилов и осушил стакан. – Генерал-майор Исмаилов должность принял!

- Давайте уже, - Михайлов махнул рукой, разрешая остальным присоединиться к пьянке.

Гости стали пить и закусывать. Вскоре Игорь увидел, что Михайлов что-то нашёптывает своей дочери на ухо, после чего та украдкой стала посматривать на Котлова. В какой-то момент их взгляды пересеклись, и Игорь весело ей подмигнул. Она застенчиво улыбнулась.

После ещё двух традиционных тостов ведущая вечера предложила подняться из-за стола на танец или покурить, и спустя некоторое время Ди Каприо уже кружил красотку на танцполе.

- Игорь, - представился он.

- Света, - кокетливо ответила великовозрастная дочь генерал-полковника. – Чем вы занимаетесь?

- Я военный, - доложил капитан-очевидность.

- Ой, неужели, - она театрально прикрыла ладонью улыбку. – А так сразу и не скажешь...

- И, тем не менее, - Ди Каприо подарил своей партнёрше ослепительную улыбку.

- Папа сказал, что вы назначены на какой-то очень важный пост, - сказала Света.

- Очень важный, - подтвердил Игорь. – Военная разведка без меня просто развалится. А чем занимаетесь вы?

- Ой, у меня на работе одна скукота, - Света сморщила личико. – Я работаю советником в одной компании, которая поставляет в армию эти... как их... рационы питания.

- Наверное, сложная работа? – предположил Игорь, вспомнив блиндаж с видом на Донецкий аэропорт.

- Сложная, - вздохнула она. – Но я девочка умная, всего добилась в жизни сама, так что – справляюсь.

Ведущая пригласила всех к столу, и когда Игорь занял своё место, то ощутил на себе завистливые взгляды всех тех, кто знал, кем молодая красотка в реальности приходится генералу Михайлову. Света показала ему наполненный бокал и, поднеся к лицу, игриво облизала свои пухленькие губки.

«Попал», - подумал Котлов. Отступить ему было некуда, позади него, за окном, была Москва.

Следуя установленному негласному правилу, в процессе мероприятия ресторан стали покидать менее значимые для виновника торжества особы, и вскоре остались наиболее приближённые, с кем Исмаилов мог говорить откровенно. В какой-то момент он посмотрел на Котлова:

- Игорь, встань.

Котлов поднялся.

- Товарищи офицеры, кто ещё не знает, познакомьтесь – подполковник Игорь Котлов. Мой соратник ещё с Дальнего Востока. Очень перспективный офицер. Назначен на должность в моё управление. Обстоятельства могут сложиться таким образом, что в моё отсутствие он будет представлять мои интересы и решать все интересующие вас вопросы. Попрошу всех обменяться с ним телефонами.

После такого «представления» у присутствующих сразу отпала масса вопросов, а Игорь почувствовал, как на лихом коне въезжает в касту лиц, соприкасающихся с высшей военной властью.

- А это за что? – пьяненькая Света сидела рядом и тыкала пальцами в ордена. – Кто наградил?

- Это меня командующий группировкой наградил, - заплетающимся языком ответил Игорь.

- А это? – она ткнула в другой орден.

- А этим меня командующий военным округом наградил!

Света вздохнула, посмотрела на Котлова, затем ладонями приподняла свою грудь:

- А меня вот этим сам Бог наградил... - глаза красотки уже пылали предстоящим развратом.

Личный водитель Михайлова доставил целующихся на заднем сиденье Свету и Игоря к подъезду элитного дома и вышел из машины, чтобы сопроводить их до квартиры и донести пакеты с шампанским и закуской. Консьерж вызвал лифт.

В квартире Света сразу накинулась на Игоря, срывая с него одежду.

Утро ворвалось в квартиру ослепительными лучами солнца. Игорь долго не мог понять, где он находится, пока не повернул голову влево, где лежала партнёрша.

«Господи», - мелькнуло в голове. «Какое чудовище».

Чудовище было без макияжа.

Память тоже стала приходить в себя, и Котлов даже вспомнил, как зовут эту даму и кто её отец. Встав с постели, он прошёл к стеклянной стене, за которой были видны не столь далёкие небоскрёбы Москвы-Сити. Город уже давно проснулся, и машины шли по улице плотным потоком.

- Котик, - Света нежно позвала Игоря.

Котлов понял, что она не помнит, как его зовут. «Лишь бы не забыла, для чего я здесь», - мелькнуло в голове.

- Да, Светочка! – Игорь повернулся к ней. – Тебе сегодня нужно ехать на работу?

- Неа, - она помотала головой. – Мне можно туда не ездить от слова «совсем». Открой шампанское.

Игорь пошёл к холодильнику, куда водитель выставил вчера всё содержимое привезённых пакетов.

- Мне сегодня тоже можно никуда не ездить, - сказал Игорь, открывая бутылку. – От слова «сегодня».

Не успев толком осмотреть свой новый кабинет, Игорь был вызван к начальнику управления.

- Товарищ генерал, подполковник Котлов по вашему приказанию...

- Заходи, - Исмаилов махнул рукой. – Присаживайся.

Игорь присел на стул. Исмаилов в это время колдовал над курительной трубкой, пытаясь вытрясти из неё остатки табака.

- Вот, запал на новую вредную привычку, - пояснил генерал. – Коллеги подарили трубку и пачку табака «Герцеговина Флор», пытаюсь научиться курить... на старости лет. Знаешь историю этого табака?

- Да, - кивнул Котлов. – Его Сталин курил, товарищ генерал. Потрошил сигары и забивал табак в свою трубку.

- Молодец. А молодые капитаны-майоры уже не знают. Поколение суженного сознания, ничего без своих телефонов и интернета не помнят. Даже не представляю, как они будут работать...

- Работают же как-то, - Игорь пожал плечами. – Не все же такие.

- Ой, я тебя умоляю, - генерал сильнее стукнул трубкой об стол. – Редкий офицер что-то собой представляет. Остальные – ярчайший плод эпохи потребления. На первом месте тачка, затем красивая тёлка, ну, и бабки... а о службе вообще не думают. Ты видел, как курсанты академии наших смежников устроили себе выпускной праздник?

- Видел, - кивнул Игорь, вспоминая скандал, который произошёл пару лет назад, но до сих пор остающийся отрицательным примером во всех спецслужбах страны.

- Ага, и весь мир тоже видел. Со всеми их лицами. Вот скажи, как они теперь за границей работать будут?

- Никак, - Игорь пожал плечами. – Может, того и добивались... кому сейчас реальная работа нужна? У всех только личный интерес на уме.

- Вот и я о том же... - генерал ещё раз стукнул трубкой и отложил её в сторону. – В общем, Игорь Михайлович, смотри, у меня к тебе будет особое поручение. Скажем так, личного характера.

- Слушаю внимательно.

- Я включил тебя в состав инспекционной группы, которая завтра выезжает для проверки нескольких разведывательных частей. Твоя задача проста... - он достал из ящика стола лист с отпечатанными двумя столбиками, в которые были вписаны номера войсковых частей.

– Слева это те, которые должны пройти проверку. Справа это те, которые проверку пройти не должны, в том числе бригада специального назначения. Разрешаю примечать самые незначительные мелочи и раздувать их значение до любых масштабов. Да что мне тебя учить... ты и сам всё уже давно знаешь и умеешь.

- Почему «личного характера»? – спросил Игорь. – Можно поинтересоваться?

- Потому что комбриг бригады спецназа очень некрасиво себя повёл... когда я был ещё полковником, а он – майором. И теперь пришло время, когда он должен ответить за свой давний проступок.

- Правильно, - кивнул Игорь. – Поделом.

- Всё, можешь идти, - сказал генерал. – Не подведи!

- Не подведу, - кивнул Котлов.

Он встал и направился к выходу, однако, когда он уже открыл дверь и перешагнул через порог, генерал снова окликнул его:

- Игорь, вернись, чуть не забыл!

Исмаилов подозрительно улыбался.

- Что-то ещё? – спросил подполковник.

- Когда у тебя свадьба с дочкой Михайлова?

- Через месяц.

- Пригласишь хоть своего старого друга?

- Как же не пригласить, - улыбнулся Игорь.

- Ну, вот и хорошо, - генерал открыл ящик стола, опустил туда руку.

– А это мой тебе подарок. Иди в кадры, забери своё новое удостоверение.

На столе лежали погоны полковника.

Игорь от неожиданности присвистнул:

- Спасибо, товарищ генерал!

- Всё, работай! Как вернёшься с командировки, зови на проставу.

- Есть, - Игорь приложил руку к офисной фуражке: - Так точно! Обязательно, товарищ генерал!

Бригада специального назначения была выстроена на плацу в полном составе. Командир бригады полковник Крылов доложил старшему офицеру инспекторской группы генералу Артемьеву о готовности соединения к проведению строевого смотра. Полковнику

Котлову назначили проведение проверки у офицеров управления бригады. Первым проверяемым был сам командир соединения.

Игорь представился:

- Полковник Котлов, старший офицер управления! Предлагаю осмотреть наличие у вас положенного имущества!

- Осматривайте, - кивнул комбриг и представился: - Полковник Крылов, командир бригады специального назначения.

- Первый вопрос, товарищ полковник, - Котлов постарался сделать максимально суровый взгляд. – Почему вы одеты не по форме? Для вас приказ Министра обороны за номером... является пустым звуком?

Одетый в «мультикам» полковник Крылов бодро доложил:

- Товарищ полковник, принятые нормы положенности не позволяют уставной форме доживать до окончания означенных сроков. В условиях боевой обстановки уставная форма изнашивается за несколько месяцев и мы вынуждены за свой счёт приобретать более износостойкую форму.

- Могли бы приобрести уставную форму, - заметил Котлов. – Для того, чтобы одевать на строевые смотры.

- Так точно, приобретём, - согласился Крылов. – Специально для строевых смотров.

- Отметим как недостаток, - сказал Котлов, записывая выявленное нарушение в блокнот. – Предъявите удостоверение личности офицера!

Крылов протянул документ, заключённый в стильную обложку с изображением летучей мыши. Котлов покачал головой:

- Это что? Элементы расшифровки принадлежности к военной разведке? Немедленно устранить!

Котлов вернул документ владельцу, и командир бригады снял обложку с удостоверения. Книжечка имела признаки давнего промокания.

- Документ не действителен, - сообщил Котлов. – Вам следует бережнее относиться к своему документу, удостоверяющему личность. Будьте внимательнее в следующий раз. А сейчас я отмечу ещё один выявленный недостаток.

- Вас не интересует, при каких обстоятельствах промок мой документ? – злобно спросил Крылов.

- Нет, - Игорь пожал плечами. – Меня интересует его текущее состояние. Перейдём к элементам снаряжения.

На плащ-палатке было выложено тактическое снаряжение командира бригады, редкие детали которого соответствовали уставным. В первом ряду лежал модный американский плитник, на котором были закреплены подсумки для шести автоматных магазинов.

- Согласно имущественной ведомости за вами закреплён бронежилет ББ45, а то, что здесь лежит, явно им не является, - сказал Котлов. – Как вы это объясните?

- Невнимательностью, - безразлично ответил полковник. – Личной невнимательностью.

- Хорошо, - кивнул Котлов. – Где бирка, подтверждающая, что это ваш бронежилет?

- Сзади, - подсказал Крылов. – Бирка с фамилией владельца пришита сзади.

- Переверните бронежилет, - потребовал Игорь.

- Извольте сами, товарищ полковник, - сказал комбриг. – Вы же проверяющий, а не я. Я вам всё предоставил: смотрите, переворачивайте, выворачивайте, открывайте все клапаны, застёжки, молнии, только потом всё на место верните, как было. И помните, я за всем наблюдаю, украсть ничего не получится.

- Я к вам сюда не шутики шутить приехал! – Котлов повысил голос, пытаясь призвать проверяемого офицера к порядку.

- А плитник – это не шутка. Это очень серьёзная штука. И стоит очень дорого. Так что, аккуратнее с ним, - полковник Крылов тоже повысил голос. – Там ещё сзади эвакуационный фал, не распустите его случайно, а то собирать заставлю.

- Третий недостаток, - сказал Котлов, снижая накал. – Не много ли для начала?

- Да хоть триста, - ответил спецназовец, оскалив страшную улыбку. – Мне по хрену.

Вдруг Котлов почувствовал, насколько велика разница между ним и этим офицером. Этот полковник всю свою офицерскую карьеру наверняка строил в боевом подразделении, не вылезая из боевых задач. Как никто другой он знает, что такое преодоление тягот и лишений, борьба с собственным страхом, наверняка знает горечь поражений и радость побед. И уж точно, Крылову хорошо знакомо пьянящее чувство абсолютной власти над жизнями тех людей, которых ему приходилось этой жизни лишать. А Котлов? Кто по сравнению с ним?

Да никто. Клерк. Чиновник. Мальчик на побегушках у людей, которые на что-то способны.

Котлов вдруг в полный рост осознал свою несостоятельность. Перед ним стоял совершенно уверенный в себе мужчина, способный на поступки, и который прекрасно понимал никчемную сущность проверяющего. Крылов откровенно потешался над ним, не боясь никаких репрессий. И именно это понимание собственного бессилия заполонило собой сознание Котлова, заставляя его всё больше и больше озлобляться не только вот на этого конкретного Крылова, но и на всех, ему подобных. Которые были честнее, сильнее и смелее полковника Котлова.

Которые были настоящими офицерами.

И Котлову вдруг захотелось всем этим крыловым отомстить – за то, что они именно такие. Ему захотелось доказать, что и он – не лыком шит, что должность его – это не случайность, а заработанная заслуга, и что на самый верх судьба не выносит абы кого, особенно таких неотёсанных грубиянов, каким сейчас выглядел командир бригады специального назначения. Туда, на самый верх, могут быть вынесены только интеллигентные небожители, более других достойные такой привилегии.

Промолчав, Котлов наклонился, и, ухватив броню за ляжку, перевернул плитник.

- Товарищ полковник, а почему у вас бирка пришита зелёными нитками, тогда как было указание пришивать их чёрными? Я вижу, что вы абсолютно не готовы к строевому смотру! Я буду вынужден изложить этот вывод в акте проверки!

- Не забудьте указать, что бирка на противогазе тоже пришита зелёными нитками, товарищ полковник! – насмехаясь, сказал Крылов. – Это очень, очень важный момент, кардинально снижающий уровень боевой готовности частей и соединений специального назначения. Такое наше попустительство и халатное исполнение обязанностей военной службы необходимо искоренять самым решительным образом!

- Вы мне сейчас хамите? – спросил Котлов.

- Нет, что вы, - комбриг развёл руками. – Разве я могу позволить себе хамить старшему офицеру Главного Управления? Я всего лишь только глумлюсь.

По итогам инспекции было сделано заключение, что бригада специального назначения проверку не прошла. Командиру дали время на устранение выявленных недостатков. Получив акт комиссии, Крылов собрал своих замов и устроил попойку прямо в штабе бригады. На следующий день одна рота бригады убывала на выполнение боевых задач в Саратов.

Цвет ниток, которыми были пришиты бирки на предметах снаряжения разведчиков, вопреки мнению старших офицеров инспекционной группы, воевать им нисколько не мешал.

- Игорь Михайлович, - Исмаилов вызвал Котлова к себе в кабинет и сейчас внимательно смотрел на подчинённого, стоящего напротив стола. – Я убываю в заграничную командировку, а так как решать различные вопросы надо, оставляю тебя исполняющим обязанности начальника управления. Приказ в кадрах. Справишься?

- Так точно, товарищ генерал!

Спустя несколько дней Исмаилов набрал Котлова по телефону:

- Игорь, зайди к моему референту, у него на подпись лежат несколько срочных документов. Подпиши их, пожалуйста, а то сроки горят.

Рассматривая документы, Котлов увидел в них огромные суммы по контрактам, о неисполнении которых со стороны контрагентов он знал точно. Акты выполненных работ буквально жгли руки, так как от них явно пахло уголовным делом.

В этот момент ему стало понятно, с какой целью Исмаилов срочно улетел в Иран. Его участие в какой-то там военной делегации было лишь прикрытием, чтобы свалить бремя подписания этих «горящих» документов на Котлова, назначенного исполняющим обязанности с правом подписи.

И Котлов их подписал. Потому что своим благополучием он был обязан именно такой роли. Роли человека, берущего на себя бремя ответственности за своего руководителя.

ГЛАВА 5

- Таким образом, в течение ближайшего года мы должны завершить формирование на территории Украины агентурно-боевых групп способных приступить к решению диверсионных задач немедленно после получения соответствующего приказа, - генерал-полковник, проводивший тематическое совещание, начал подводить итоги ко всему ранее сказанному. – Я уверен, что подобная задача поставлена и перед другими разведывательными структурами, что, тем не менее, не снимает с нас ответственности за качество проводимой работы. В рамках нашего управления создаётся специальная рабочая группа, которая будет контролировать процесс. Генерал-майор Исмаилов!

- Я! – генерал встал.

- Назначаетесь руководителем рабочей группы.

- Есть!

- Вся ответственность за выполнение задачи отныне ложится на ваши плечи.

- Так точно, - громко ответил Исмаилов.

- И помните, генерал. В самое ближайшее время Украина может стать наиболее приоритетным направлением всех наших усилий. Будьте к этому максимально готовы.

Сразу после совещания Исмаилов предложил Котлову пройти к нему в кабинет.

- Ты был в Финляндии?

- Так точно, товарищ генерал, - кивнул Игорь. – Я же питерский.

- Отлично. Завтра поедешь в Хельсинки. Потом в Польшу.

- Задача?

- Встретишься с людьми, с которым в дальнейшем будешь взаимодействовать по линии создания на Украине агентурно-боевых групп. Это мои личные, так сказать, агенты. Особой важности.

- Это что-то новое, - удивился Котлов. – Что-то намечается серьёзное?

- Пока не знаю. Сейчас на совещании мне поставили задачу поднять создание таких групп, предупредив, что вскоре Украина может стать для нас основным направлением всех действий.

- Да нет... - Игорь покачал головой. – Войны-то с Украиной по любому не будет! Донбасс – это одно, а вот так, чтобы напрямую с нами воевать... нет.

- Я тоже так думаю, - согласился генерал. – Но если Родина сказала «надо», мы должны ответить «есть». Тем более, что...

- Что?

- Это более чем интересное задание, - многозначительно сказал Исмаилов. – И от того, как мы с ним справимся, будет зависеть очень многое. Для очень многих уважаемых людей.

- Интересно, - заинтересованно сказал Игорь. –А подробнее расскажите?

- Бери свой блокнот и записывай, - предложил генерал. – Задачи, которые нам нужно решить в течение ближайшего года... и о чём ты будешь разговаривать с человеком в Хельсинки.

- Да, готов, - кивнул Игорь. – Диктуйте.

- Первое, - начал Исмаилов. – В районе крупных городов, в пригородах, необходимо приобрести конспиративные и явочные помещения для членов агентурно-боевых групп, где будет заскладировано их имущество, вооружение, боеприпасы, продукты питания длительного хранения, деньги, топливо для автотранспорта. Записал?

- Да, - Игорь строчил мелким почерком, стараясь угнаться за речью своего руководителя.

- Второе. На каждую группу необходимо приобрести по два-три автомобиля, один из них повышенной проходимости. Третье. Необходимо приобрести квартиры или дома, которые будут использоваться под наблюдательные пункты, с которых могут хорошо просматриваться объекты для диверсий. Четвёртое... - генерал посмотрел на Котлова. – Успеваешь?

На хельсинский железнодорожный вокзал Игорь прибыл в районе обеда. Заселившись в гостиницу, в назначенное время он вышел прогуляться на улицу. На плече у него висел небольшой городской рюкзачок, а на голову была надета кепка с вышитым зелёным слоником.

Выполняя согласованный план, он посетил крупный торговый центр, где в одном из бутиков в строго назначенное время Котлов увидел человека в приметной куртке, в руках которого была коробка из-под обуви, и который достоверно увидел рисунок на кепке Игоря.

На мгновение они сошлись в тесном проходе между рядами с одеждой, где, не говоря ни слова, Игорь снял с плеча рюкзак и раскрыл его, а человек быстро сложил туда небольшой пакет, достав его из обувной коробки. Даже камера наблюдения, установленная в бутике, была бессильна рассмотреть, что произошло. В переданном в одно касание пакете были деньги, предназначенные для оперативных нужд. В Хельсинки деньги были переправлены дипломатической почтой, а уже здесь, на месте, потребовалась игра в шпионов, чтобы передать их исполнителям важнейшей задачи. Из бутика мужчины разошлись в разные стороны – один по-прежнему был с обувной коробкой, а другой с рюкзаком, объём которого внешне никак не изменился. Наружное наблюдение, если таковое было установлено, с высокой долей вероятности не смогло бы установить факт передачи груза.

Походив по бутикам, Игорь зашёл в одну из кафешек с видом на море, где в углу за столиком сидел бородатый мужчина с красным шарфом. На столе стоял бокал пива и раскрытый ноутбук - всё как в хороших рассказах о плащах и кинжалах, только вместо старой газеты «Правда», был новомодный девайс.

- Тоже увлекаетесь хоккеем? – спросил Котлов, приблизившись к столу.

- Ничего кроме него уже не радует, - ответил по-русски человек с красным шарфом.

Это был пароль, и Игорь расслабленно сел на диванчик. К нему тут же подошла официантка, он молча ткнул пальцем в бокал и улыбнулся. Девушка улыбнулась в ответ и ушла.

- Рудольф, - мужчина протянул руку.

- Игорь, - Котлов пожал крепкую ладонь.

- Надеюсь, дорога не доставила вам неудобств, - сказал собеседник.

- Нормально, - кивнул Игорь. – Хоть отоспался...

- Наша контора, похоже, решила идти ва-банк, - усмехнулся Рудольф. – Если принято окончательное решение на создание диверсионной структуры...

- То есть, вы в курсе темы нашего разговора? – осведомился Котлов.

- Ну да, - усмехнулся Рудольф. – Особенно, если учесть, что я уже давно толкаю её, но мне всегда говорили только одно – денег нет, денег нет, денег нет. А тут раз – и деньги есть. Очень интересно... - он выразительно посмотрел на рюкзачок: - Принесли?

- Да, - кивнул Игорь. – Пишите расписку на получение двухсот тысяч.

- Какая-то не серьёзная сумма, - улыбнулся Рудольф.

- Более чем серьёзная, - сказал Котлов и вдруг вспомнил, как много-много лет назад торговался с бывшим солдатом-срочником, чтобы тот своими показаниями не создавал проблемы полковнику Исмаилову.

- Ладно, проехали, - примирительно сказал собеседник. – План закупок я скину на электронку, которую вы мне укажете.

Игорь демонстративно выложил на стол сотовый телефон, и глянув в сторону, сказал:

- Это телефон для оперативной связи. В нём установлена крипто, шифрующая разговор. В телефоне только один абонент – это я. Вся связь будет идти через меня. Цепляется за любого оператора, счёт оплачен, - при последней фразе Игорь улыбнулся. – Хотя, если честно, я не знаю, как он работает. Я сказал то, что меня попросили вам передать. Экран запаролен, три неправильные попытки приводят к физическому выгоранию платы. Будьте с ним осторожны, помните пароль – нам с вами ещё много предстоит работать.

Подошла девушка с подносом, на котором стоял бокал пива и пиалка с фисташками.

- Сэнк ю, - Котлов кивнул девушке, и как только она отошла, сделал большой глоток – пиво было отменным. – Ох, как давно я этого хотел!

- Если коротко, - сказал Рудольф. – В качестве конспиративных помещений я заметил для приобретения дома, расположенные в выгодной местности, обеспечивающей возможность скрытного подхода и отхода агентурно-боевых групп и их скрытного длительного пребывания на этих адресах. Описание каждого дома я вышлю.

- Цена?

- В зависимости от местности. Возле Киева и Харькова – сильно дороже, в Чернигове и Запорожье – там сильно дешевле.

- Я понял, - кивнул Игорь. – Вернусь в Москву, изучу ваши предложения.

- Мне ждать решения?

- Да. И ещё. Нужно будет приобрести автомобили, из расчёта две-три машины на группу, в том числе не менее одной – высокой проходимости. Только подержанные, но стоящие на учёте, с номерами тех регионов, где они будут использоваться.

- Понял, - кивнул Рудольф.

- И третье, - Игорь снова отхлебнул пива. – Я вам сообщу интересующие нас объекты, возле которых нужно будет подобрать жилые помещения, из которых эти объекты можно будет круглосуточно контролировать.

- Хорошо, - собеседник тоже приложился к пиву. – Сроки?

- Сжатые, - сказал Котлов. – Нужно будет действовать максимально быстро...

- Подбирать людей тоже буду я?

- А у вас есть, кому можно доверить такую работу?

- У меня есть три человека, которым я доверяю, и с которыми я давно веду очень серьёзные дела...

- Направьте мне объективки на них, мы рассмотрим.

Оставив пакет Рудольфу, забрав расписку и расплатившись с официанткой, Игорь вернулся на съёмную квартиру. Здесь он выспался, а на следующий день с другим паспортом вылетел в Польшу. Проведённая там встреча была один-в-один как встреча с Рудольфом, только собеседника звали Артур, и был он менее разговорчив. Наличку для него Игорь точно также получил от местной резидентуры.

Наличные деньги в наше время тотального электронного контроля остаются тем элементом экономических отношений, который ещё хоть как-то может быть выведен из-под внимания государства. Именно поэтому все тёмные или серые дела совершаются с помощью кэша – перемещение и накопление которого отследить довольно сложно, особенно, если мы говорим о перемещении по странам с фактически отсутствующим контрразведывательным режимом.

Вернувшись в Москву тем же путём, с заменой паспорта в Хельсинки, Игорь сразу прибыл на доклад к Исмаилову.

- Как прошло? – спросил генерал.

Котлов коротко доложил результаты проведённых встреч.

- Отлично, - кивнул генерал. – Теперь смотри, пойдёшь к «диверсантам» и вместе с ними выберешь несколько критически важных объектов энергетики или логистики, у них есть такой перечень, возле которых мы можем приобретать помещения или квартиры для наблюдения. Желательно, чтобы это было в черте крупных городов.

К вечеру Игорь принёс Исмаилову перечень из полусотни объектов: мостов через Днепр, электростанций, вокзалов, газо-и нефтехранилищ, в непосредственной близости от которых можно было приобрести дом или квартиру с видом на объект.

Работа завертелась. Рудольф и Артур со своими помощниками ездили по всей Украине и способами, раскрыть описание которых не позволяет формат книги, скупали «явочные и конспиративные помещения», которые, согласно поставленной задаче, должны были обеспечить скрытное базирование заброшенных разведывательно-диверсионных групп, сбор местных агентурно-боевых групп, хранение вооружения, боеприпасов и иного необходимого имущества. При этом осуществлялся подбор людей, личные данные которых Рудольф едва ли не ежедневно передавал Котлову, который аккуратно вносил их в соответствующую базу.

Также ежедневно, поздним вечером, Игорь докладывал Исмаилову о результатах.

- Рафик Магомедович, вот, смотрите, приобретён ещё один дом. Десять километров от города Сумы.

Игорь буквально пропадал на работе, что стало повышать частоту скандалов, которые закатывала Света своему мужу, требуя его участия в её светских выходах. Она выражала удивление, что офицер, занимающий столь высокий ранг в военной иерархии, не мог себе позволить убывать домой в восемнадцать ноль-ноль, а возвращался с работы к полуночи или ещё позже, не позволяя своей женщине появляться на публике в своём присутствии.

Котлов понимал, что все эти истерики были вызваны исключительно бездельем и иждивенческим образом жизни, который вела его недалёкая супруга, лишь волею судьбы избавленная от необходимости надрывно зарабатывать на жизнь, как это делали миллионы других женщин – и работающих, и воспитывающих детей, и горячо любящих своих мужчин – зачастую не обладавших никакими выдающимися чертами, а живущими нормальными человеческими и семейными понятиями.

- Говори, в какой бане ты был сегодня? С какими проститутками там развлекался? – эти слова уже давно перешли в ранг обычного приветствия.

- Я работал, - попытка доказать свою правоту была всегда обречена на провал.

Котлов спал отдельно. Как женщина она перестала его интересовать тогда, когда кривая нетерпимости к пустым скандалам уверенно пересекла кривую устойчивости и покорности. А когда Игорь вдруг ощутил огромное желание вломить кулаком в эти вечно орущие вареники, он понял, что развод – это дело даже не среднесрочной перспективы, а уже такое, которое решать нужно как можно быстрее. Чтобы сохранить собственный разум, нервы и душевное равновесие.

Весь уходящий год прошёл, а вернее пролетел, в бурной и напряжённой работе – помимо создания агентурно-боевых групп, по заданию руководства проводилась интенсификация разведывательных активов, освещающих обстановку на Украине. Игорь лично ездил по всем разведывательным центрам, которые работали по данному направлению, проверяя, а скорее взбадривая, их деятельность. Занесла судьба его и в центр, где он проработал несколько лет.

Его встретил майор Юра Чмырёв, который исполнял обязанности начальника, пока тот лежал в госпитале с грыжей позвоночника. Бывший начальник, полковник Гаврилов, давно уже вышел на пенсию и уехал жить в другой регион, а нынешний, молодой полковник, больше старался пропадать, чёрт знает где, чем на службе. Для него это была просто ступенька, и поэтому полковник Катюшин не утруждал себя вниканием в работу подчинённой ему структуры. Как

было заведено в этом центре, за всю работу уже многие годы отвечал Чмырёв.

- Тебя ещё не выгнали из армии? – улыбнулся Котлов, здороваясь с майором.

- Как видишь... - Юра крепко пожал Игорю руку: - От вас толку нет никакого, а мне вот тяни всю ляжку...

В общем-то, они давно уже между собой разобрались, кто чего стоит, и даже перестали презирать друг друга, а местами начали проявлять симпатию – Котлов к Чмырёву за профессионализм, а Чмырёв к Котлову за невмешательство в дела настоящей разведки.

В кабинете Юра стал знакомить Игоря с обстановкой:

- Основные усилия направлены на создание позиций в оперативных командованиях «Юг» и «Восток». Действующая агентура есть в 8-й группе боевого управления, 38-м и 1039-м полках ПВО, в 160-й зенитно-ракетной бригаде, 121-м полку связи, в штабе 53-й механизированной бригады, в 17-м батальоне 57-й механизированной бригады, в 3-й бригаде Нацгвардии и 17-й отдельной радиолокационной роте в Днепропетровске, - свои слова Юра сопровождал движением указки, которой на карте он показывал места расположения названных объектов. – В гражданской системе управления созданы позиции в Одессе, Запорожье, Мариуполе, Харькове.

- Сколько всего агентов в настоящее время у вас на связи?

- Семнадцать, товарищ полковник.

- Мало как-то, - Игорь покачал головой. – У ваших соседей - восемьдесят три.

- Игорь Михайлович, - Юра усмехнулся. – Вы лучше меня знаете ценность такого числа агентов. А мои – все настоящие, реально существующие люди, которых я могу вам лично показать, если того потребует обстановка.

- И всё же надо бы увеличить число агентов, - настоятельно сказал Котлов. – Хотя бы до ста. Ну, вы же меня понимаете?

- Я не буду этим заниматься, - Юра изменился в лице. – Вот это очковтирательство до добра не доведёт, вы мою позицию знаете. Если хотите уволить – пожалуйста. Если же вы, как человек, отвечающий за агентуру на Украине, хотите реального результата, тогда семнадцать.

Ровно столько, сколько есть на самом деле, и кто приносит информацию. «Мёртвых душ» породить я не намерен.

- Чмырёв! – Игорь слегка повысил голос. – Вы полагаете, что это только мне надо?

- А кому ещё? – наивно спросил Юра, отвергая укоренившуюся в стране бюрократическую игру в «ну вы же понимаете...».

- Руководству, - пространно ответил Игорь. – Которое оценивает вашу работу по количеству агентуры.

- А не по качеству получаемой информации, - подхватил Чмырёв.

- Юра, не артачься, - Игорь, осознавая, что продавить своего собеседника ему не удаётся, снизил тон. – Нарисуй хотя бы ещё пятьдесят агентов, и я от тебя отстану. А руководство вспомнит, что тебе уже давно подполковника получать надо.

- Да плевал я на вашего подполковника, - возмутился Юра. – Мне за державу обидно! Приписками этими превратили военную разведку в какой-то балаган! А вдруг война? Нет, ты вот скажи, а вдруг нам с ними воевать придётся?

- С Украиной-то? Не смей меня! Какая у нас армия, и какая у них... земля и небо! – рассмеялся Котлов.

- Вот именно! – Юра от избытка чувств даже подскочил со стула. – Армия у нас огромная, да. Но что она собой представляет? Все, поголовно все, занимаются враньём. Начиная с самых низов. Командиры отделений, взводов, рот и батальонов погрязли в отчётах, отписках, планах, а без фотоотчёта вообще никакие события не происходят! Сходил солдат в туалет – предоставь фотоотчёт! И чтобы по форме был одет, как положено. И не дай бог, на фотографии ботинки у него окажутся не чищенными. И вот как будто всем этим взводникам, ротным и комбатам всё это надо! Их намеренно опустили в это дерьмо так, что у них нет вообще никакого времени на боевую подготовку! Они может и нормальные пацаны, и офицеры толковые, но они уже забывать начинают, как людьми руководить, в полевой, или не дай бог, в боевой обстановке. И этот маразм только процветает! Не предательство ли это? Вон, посмотри, телеграмма на столе лежит, от командующего. В «стопьяной» дивизии солдат-срочник крышкой унитаза прищемил себе член. Двадцать лет назад он бы ещё по своей бестолковой башке этой же крышкой от сержанта получил, и запомнил бы навсегда, как правильно этой крышкой пользоваться. А что сейчас?

А сейчас весь округ завтра будет в течение двух часов знакомиться со специально разработанной инструкцией по пользованию унитазом, потом все поголовно, от рядового до полковника, будут проходить практические занятия, после чего все будут расписываться в журнале ознакомления. Неужели больше нечем заниматься целому военному округу, кроме как учиться сидеть на унитазе? Ты не находишь это безумным? А теперь посмотри на украинскую армию. В звене взвод-рота нет никакой отчётности, ну, за исключением той, которая реально нужна. Командиры рот занимаются личным составом, техникой и боевой подготовкой. Армия постоянно ротировается в зону АТО, в результате боевой опыт имеют огромное число украинских военных. Враньё при докладах есть, не спорю, но совершенно не в таких масштабах, как принято у нас. В итоге штабы пользуются реально достоверной информацией, и соответственно, принимают объективно обоснованные решения. Мы сейчас думаем, что если нас так много, то мы их легко задавим... а вот хрен там. Они – это мы сами и есть, такие же упоротые, смелые и геройские. Но только, в отличие от нас они не заражены нашим глобальным враньём, круговой порукой, приписками типа «пиши больше – чего их жалеть». Разве не так?

Юра выдохся и вернулся на стул.

- Ты забыл про ядерку, - усмехнулся Игорь. – Тактическими зарядами мы решим любую проблему.

- Да кто нам даст их использовать, - Чмырёв уже не хотел ничего доказывать и махнул рукой. – Если что-то начнётся, мы просто просрём всё, причём в первые же дни. А виноватым будешь лично ты.

- Почему это? – поинтересовался Игорь.

- Потому что семнадцать реально работающих агентов – это семнадцать реально работающих агентов. А сто агентов из числа «мёртвых душ» - это ноль реально работающих агентов. А ноль работающих агентов – это в корне неверные оперативно-стратегические решения.

- Ты сильно всё преувеличиваешь, - сказал Котлов и добавил фразу, которая обычно мгновенно маргинализирует собеседника и обесценивает значение его утверждений: - Бухать надо меньше.

- Я, в отличие от тебя, вообще не пью, - отмахнулся Юра. – И другим не советую.

- Так тоже вредно, - Котлов сказал это так, что Юра понял – разговор закончен.

Повесив куртку в шкаф, Котлов посмотрел на себя в зеркало, стряхнул невидимую пыль с погон и улыбнулся:

- Ну, с последним рабочим днём, товарищ полковник!

Это был последний рабочий день 2021 года.

Переведя сдвижное окошко настенного календаря на цифру 31, Игорь прошёл к своему рабочему столу. В это время открылась входная дверь, и, расстёгивая пальто, в кабинет вошёл Павел Гончаров, коллега Котлова, работающий с ним в одном кабинете.

- Доброе утро, Игорь Михайлович!

- Доброе утро, Павел Владимирович! – Игорь пожал вошедшему руку.

- Внезапных задач ещё не прилетало? – спросил Гончаров, вешая пальто на плечики.

- Пока, слава богу, не было, - ответил Игорь, занимая своё рабочее место.

- Похоже, будет заруба, - сказал Гончаров. – Что-то мы, кажется, с этим требованием о безопасности, сильно переборщили. Белый Дом нам этой наглости не простит. Своим ответом, который «ни о чём», они нам всё сказали. Очень убедительно.

- Да ну, - отмахнулся Игорь. – Ничего не будет. Что они, дураки что ли, на ядерную страну кидаться?

- Санкциями задуют, - сказал Гончаров. – Похоже, домик свой в Италии я больше никогда не увижу. Жена звонила, говорит, приезжали из полиции, сказали, что в рамках санкций начинается процедура наложения ареста, дали неделю на выезд. Они ей прямо сказали, что я – сотрудник военной разведки!

- Да ладно! – новость была более чем удивительная, и Игорь встревожился. – Слушай, хорошо, что я не купил тот дом в Испании. Сейчас будет, что сказать супруге.

Год назад Света летала в Европу, где в районе Картахены присмотрела домик с видом на море. Всё последующее время она самоотверженно выносила Игорю мозги на предмет приобретения этой недвижки, не желая слышать резонные возражения, что в

условиях ужесточения санкций, такое вложение не является оптимальным.

- Вот как теперь быть? –обеспокоенность Гончарова была не поддельной – в тот дом он вложил немалые деньги.

- Чекистам пожалуйся, - пошутил Котлов.

- Уж им-то точно не надо знать об этом доме, - отмахнулся Павел и со злостью посмотрел на портрет президента, висящий на стене. – Это всё из-за тебя...

Звонок внутреннего телефона заставил Игоря вздрогнуть. Звонил Исмаилов:

- Игорь Михайлович, вы готовы к докладу?

- Так точно, товарищ генерал!

- Через десять минут жду вас в моём кабинете!

- Есть.

Игорь положил трубку и посмотрел на сослуживца:

- Генерал вызвал. Вчера он попросил обзорный доклад подготовить, по существующей агентуре на Украине. Явно даже не ему, а куда-то выше...

- Что-то смотрю, тему стали слишком бодро шевелить, - сказал Гончаров. – Как бы действительно, чего не началось.

- Да не, - Игорь помотал головой. – Смотри, наши войска ещё весной сосредоточили вдоль границы с Украиной, даже с Урала танковую дивизию притащили. Прошло восемь месяцев, а так ничего и не началось. Мне кажется, - он взглянул на портрет президента. – На понт берём европейцев. Сейчас ещё немного побряцаем оружием, успокоимся и разойдёмся. Клоун Зеленский сидит тише воды, ниже травы. К тому же... труба через Украину идёт, а это прибыль. Думаешь, станут от неё отказываться? Мы же понимаем, что если война начнётся, то трубу они нам сразу перекроют?

- А как же «Северный поток»? – спросил Павел. – Его что, зря строили? На Украину войдём, а газ по «Северному потоку» пустим, и пусть хохлы хоть заперекрываются с этой трубой, нам это будет совершенно безразлично. И Европа останется довольна.

- Ладно, об этом можно говорить вечно, - усмехнулся Игорь. – А начальство ждать не будет!

Достав из сейфа папку с необходимой информацией, он вышел из кабинета. Идя по коридорам здания, Игорь вдруг вспомнил

сегодняшние новости, которые он читал в Telegram, пока пил утреннее кофе: Воздушно-Космические Силы перегнали в Беларусь боевой вертолётный полк. Перегнали с Дальнего Востока, полностью оголив целое стратегическое направление. Девять тысяч километров вертолёты прошли своим ходом – с целой кучей промежуточных посадок. Это короткое сообщение любому разведчику однозначно могло сказать только одно. Но верить в это не хотелось.

В кабинете Исмаилова дым стоял столбом, возле пепельницы лежала курительная трубка генерала.

- Пришёл? – генерал поднялся, и, взяв со стола папку с бумагами, направился к выходу: - Иди за мной...

По пути он объяснил:

- Мы сейчас воедино сводим всю разведывательную информацию, для развёрнутого доклада Верховному. Ты будешь держать ответ за агентурное обеспечение Украины...

- Перед кем? – робко спросил Игорь, вспомнив, как Гончаров несколько минут назад высказывал портрету президента свои претензии.

- Пока только перед первым замом, - успокоил Исмаилов.

В кабинете первого заместителя начальника управления уже находилось несколько генералов и полковников, склонившихся над огромной «простынью» таблицы взаимодействия какого-то масштабного мероприятия. Многие ячейки таблицы были пустыми.

- Разрешите? – спросил Исмаилов.

Первый зам кивнул, и офицеры вошли в кабинет.

- Полковник Котлов, ответственный за агентуру на Украине, - Исмаилов представил Игоря, стоявшего чуть в стороне от него. - Доложит обстановку.

Доклад у Игоря был составлен идеально: со всеми цифрами, схемами и графиками. Сам Котлов тоже уже настроился на безупречное выступление, построив его по «правилу пяти»: пять предложений по пять слов, а к ним, в качестве иллюстрированного дополнения – прекрасно выполненная цветная презентация.

Однако, генерал-лейтенант, бросив на полковника короткий взгляд, басисто спросил:

- Полковник, сколько у тебя есть агентурно-боевых групп в Киеве, Одессе, Харькове, Чернигове, Бердянске и в Запорожье, которые через

неделю смогут начать диверсионно-подрывную работу?

Котлов немного опешил – он был готов четко и уверенно доложить, о том, сколько у него завербовано агентов, сколько они приносят сообщений в месяц и в год, какова динамика прироста количества агентов и количества сообщений, какова динамика снижения случаев ареста агентов и фактов отказа от продолжения сотрудничества, сколько средств уходит на оплату агентуры, сколько приобретено конспиративных помещений, сколько закуплено машин для агентурно-боевых групп, сколько за прошедший год было получено высших оценок за качество добываемой информации, и сколько по этим оценкам было осуществлено поощрений и награждений сотрудников разведывательных органов.

Но такого вопроса он не ожидал.

Перед ним сейчас стоял не какой-то там генерал, всю свою жизнь тративший на поиск способов обогащения и соответственно относящийся к своим служебным обязанностям. Перед ним стоял человек, который делал государственное дело, о степени важности и ответственности которого Котлов не мог даже подумать. Красные от недосыпа глаза генерала сверлили Котлова насквозь, и они сейчас чем-то напомнили ему такие же уставшие глаза командира бригады специального назначения, которого он дёргал по мелочам во время проверки.

- Полковник! – поторопил генерал-лейтенант. – Отвечайте на вопрос!

- Товарищ генерал... этот вопрос подлежит уточнению,- едва дыша, пролепетал Котлов.

- Он у тебя точно отвечает за агентуру? – первый зам бросил взгляд в сторону Исмаилова.

- Бегом! – крикнул Исмаилов. – Через двадцать минут вернуться, и доложить!

- Есть, - Котлов испуганно посмотрел на старшего начальника. – Разрешите идти?

Генерал-лейтенант смерил полковника свирепым взглядом и отвернулся к своим коллегам, не удосужившись что-либо ответить полковнику. Игорь выскочил из кабинета.

Он бежал по коридору, лихорадочно соображая, что нужно сделать. Сердце выскакивало из груди – до него стал доходить смысл

происходящего, но пока ещё это не укладывалось в голове – потому что этого не могло быть!

Ворвавшись в кабинет, он бросил папку на стол и в сердцах выдохнул:

- Всё, триндец!

- Что случилось? - с улыбкой спросил Гончаров, поедая с чаем красивое пирожное.

- Да уж, случилось... - Игорь вырвал из принтера чистый лист бумаги, схватил из органайзера карандаш. – Как он там сказал? Одесса, Киев, Чернигов, Харьков... и ещё какие-то города.

Игорь выписал на листе названия городов и напротив них сделал несколько набросков, потом схватил закрытый телефон. Рудольф, как это уже было несколько раз, не ответил.

- Вот чёрт, - выругался Игорь и схватил обычный телефон и немного раздумав, набрал номер Чмырёва: - Юра, доброе утро! – он старался говорить размеренно, чтобы собеседник не смог распознать его состояние, находящее на грани истерики. – Смотри... нам крайне срочно нужно понимать, есть ли у тебя в Одессе, Бердянске и Запорожье агентурно-боевые группы, способные начать работу, например, через неделю?

- Допустим, - ответил Юра, не горящий желанием обсуждать такие вопросы по открытым каналам связи.

- И там и там?

- Да. Но...

- Остальное потом! Спасибо! – Игорь отключился.

Чмырёв, как бы Котлов его не презирал из личных побуждений, был настоящим профессионалом, и его словам можно было верить безоговорочно. Сделав несколько пометок на листе бумаги, Игорь выбежал из кабинета.

- Разрешите? – он приоткрыл дверь после кивка референта.

- Заходи, - вполголоса разрешил Исмаилов, находящийся ближе всех.

Игорь протиснулся в просторный кабинет и замер в нерешительности.

- Полковник? – первый зам, оторвавшись от огромной таблицы, посмотрел на Котлова: - Вы готовы доложить?

- Так точно, - бодро ответил Игорь, чувствуя, как откуда-то появляется смелость.

- Я вас слушаю, - кивнул генерал-лейтенант.

- Агентурно-боевыми группами, способными приступить к работе по предназначению, мы располагаем практически во всех указанных вами городах. В Одессе, Бердянске и Запорожье они могут начать работу через неделю, остальные группы будут способны начать диверсионную работу через десять-двенадцать дней.

- Полковник, насколько верна эта информация? – спросил генерал-лейтенант. – Вы ручаетесь за её достоверность?

Котлов буквально физически почувствовал, как в его жизни наступил переломный момент, и, пожалуй, самый главный поворотный момент на его жизненном пути. Всё, что было прежде, теперь стремительно уносилось в туман беззаботности и веселья, и так же стремительно накатывалось тяжёлое дыхание суровых испытаний. Дальше жизнь будет течь по принципу «до и после».

- Так точно, - бодро ответил Котлов, чувствуя, как задрожали колени.

- И вы готовы понести уголовную ответственность, если выяснится, что ваша информация – это придуманная для отчётов лажа?

- Так точно, - ответил полковник, стараясь подавить в себе дрожь.

- Хорошо, - кивнул генерал и повернулся к операторам: - Надо будет уточниться по каждой группе, какие им назначить объекты, какое передать вооружение, - ему уже не было никакого дела до полковника, который выступал сейчас в роли одной лишь шестерёнки в огромном механизме военной разведки.

Из всех присутствующих только Котлов и его непосредственный руководитель генерал Исмаилов знали, что шестерёнка эта – беззубая.

- Сделаем, товарищ генерал-лейтенант! – ответил один из полковников.

Некоторое время первый заместитель переговаривался с офицерами, нависая над планом, затем снова повернулся к Исмаилову и Котлову, стоящим позади него:

- Полковник, слушайте сейчас меня очень внимательно. Мне нужны проводники, которые хорошо ориентируются в городах Киев, Житомир, Харьков, Конотоп, Сумы, Полтава, Чернигов, Мариуполь,

Одесса, Николаев, Херсон, Запорожье. Вам нужно будет подобрать людей из числа сотрудничающих с вами, которые смогли бы выступить в качестве проводников. Ваши проводники должны будут встречать наши подразделения, и обеспечивать их выход к назначенным объектам. На Киев – десять проводников, на Харьков – шесть, на остальные города по три-четыре. Доклад по проводникам – завтра в это же время. Если вопросов нет, идите, работайте.

У Котлова, конечно, вопросы были. Но он не осмелился задать их первому заместителю начальника управления.

Когда он вернулся в свой кабинет, им овладела какая-то апатия. Несколько минут он сидел совершенно неподвижно, уставившись в одну точку. Только сейчас до него стало доходить, что «завтра в это же время» - это в десять часов утра первого января.

А Света еще месяц назад оплатила столик в дорогом ресторане на окраине Москвы, где соседями по празднованию Нового Года будут заместитель губернатора, помощник военного прокурора и два банкира с супругами, на общение с которыми Света очень сильно рассчитывала.

- Трындец, - снова сказал он.

- Что, война началась? – пошутил Гончаров.

- Угу, - кивнул Котлов. – Мы вас не ждали, а вы приехали...

В этот момент в кабинет стремительно вошел Исмаилов. Офицеры встали.

- Котлов, - генерал-майор смотрел на своего подчинённого с плохо скрываемой злостью. – Садись сейчас же за работу и делаешь. В восемнадцать ноль-ноль приносишь ко мне, буду проверять. Если будут ошибки – пеняй на себя. Я тебе вспомню все твои залёты, начиная от китайцев и заканчивая твоими дутыми отчётами. Разговаривай со всеми центрами, поднимай всех, кто только у тебя есть. Если будет нужна моя помощь, то ты приходишь только в том случае, если сам исчерпаешь свои полномочия, понял?

- Так точно, - кивнул Котлов.

- Но сделать ты это должен, - сказал Исмаилов. – Я тебя сюда не для того поднимал, чтобы ты тут рожу свою отъедал, да штаны просиживал, а для того, чтобы ты здесь хотя бы иногда работал!

- Так точно, - повторил Игорь.

- Всё, работай!

- Товарищ генерал, - Котлов набрался смелости.

- Что ещё?

- Рудольф не отвечает.

- И что из этого? Из-за одного человека должна рухнуть вся разведка?

Генерал вышел из кабинета. На памяти обоих офицеров это был первый случай, когда начальник управления побывал в их рабочем кабинете.

- Что там такое случилось? – спросил Гончаров. – Ты чего такой взъерошенный? Говори, не томи.

- Паша, это триндец, - Игорь словно заикнулся на этом слове, не в силах найти другое, которое могло так же ёмко и понятно обрисовать глубину происходящих событий. – Мы, походу, реально войну начинаем. Весь мир сошёл с ума...

Время чувствовалось буквально физически – ибо его катастрофически не хватало. День пролетел, Игорь даже не заметил. На телефоне было триста пропущенных звонков от Светы – хорошо, что её он поставил на беззвучный режим.

К назначенному времени Игорь сделал основную часть работы, распределив по направлениям проводников, членов агентурно-боевых групп, транспорт, определив порядок связи и передачи команд на применение. Чмырёв, которому Игорь звонил несколько раз по служебной связи, уточнил некоторые позиции, уверив, что указанные им люди находятся в готовности выполнить любую задачу. Со всем этим он пришёл к Исмаилову.

- Товарищ генерал, я сделал... - сказал Игорь.

Тот смотрел на вошедшего пустыми глазами, как будто у него что-то случилось, и это что-то он сейчас переживал где-то в глубине своей души.

- Да, - встрепенулся генерал. – Показывай.

- Вот, - Игорь раскрыл перед ним папку с множеством листов. – Вот по киевскому направлению, вот по черниговскому, вот по харьковскому...

- Ты понимаешь, - в глазах Исмаилова появилось осмысление. – Всё к чёрту. Абсолютно всё...

Игорь молча смотрел на своего начальника, боясь сейчас по-своему трактовать текущую ситуацию из-за опасения не угодить Исмаилову.

- Мы сейчас располагаем убедительным доказательством того, что Вашингтон готовит наступательную операцию на Донбасс...

- Американцы? – уточнил Игорь.

- Да нет, конечно. Руками ВСУ. Но это ничего не меняет – они-то за спиной у хохлов стоять будут. Подкреплять их. Штаны им поддерживать.

- Мы же справимся, - убеждённо сказал Котлов.

- Да, - кивнул генерал. – Потому что в наступление идём мы.

- Зачем?

- Опережающий удар, - пояснил Исмаилов. – Две группировки будут заходить на Киев. Остальные – по другим направлениям. Я видел план по Киеву. Десять проводников – десять маршрутов. Десантники, танкисты, буряты, чеченцы. На аэродром Гостомель запланирована высадка тактического, а затем и посадочного десанта.

- Если это так... тогда...

- Да, - генерал обречённо посмотрел на своего подчинённого. – Тогда, Игорь, мы с тобой сядем. И надолго.

Котлов чувствовал, как обеспокоенность генерала начинает овладевать и его сознанием. Можно сказать, что сейчас приближался момент истины – зная, что никакой войны не будет, они (впрочем, как и многие их соратники) откровенно морочили голову своему вышестоящему руководству, поставляя наверх высосанную из пальца «разведывательную информацию», которая не влекла нареканий сверху, которая удовлетворяла все запросы и чаяния руководства – и улавливать эти запросы давно уже стало главным профессиональным навыком «перспективного офицера», претендующего на повышение в должности.

То, что добывали настоящие офицеры военной разведки, такие как Юра Чмырёв, Миша Котенко, Женя Никитин или Андрей Волков, шло вразрез с ожиданиями «верхнего» руководства, а потому повсеместно вуалировалось, откладывалось, не отражалось в важных докладах, а то и ставилось под сомнение с последующим «подтверждением» их «ложного» происхождения. Именно поэтому настоящие и честные офицеры с трудом пробивали себе дорогу, и там, где они всё же становились руководителями разведывательных структур, оттуда и

текла достоверная информация о вражеских намерениях и «вероятном характере действий». Но она не могла превзойти тот поток лжи, который плодили разведчики «нового облика».

И только война могла расставить точки над *i*. Война, в начало которой не верил никто. Кроме настоящих.

- И что нам теперь делать? – испуганно спросил Котлов.

- Главное – не паниковать. Пока ситуация находится ещё под контролем. А там видно будет, как мы будем действовать, - впервые Игорь не слышал в словах Исмаилова твёрдой уверенности, и это его пугало. – Позавчера за кордон ушёл замкомандующего армией южного округа. Ты его должен знать, толстый такой, усатый...

- Челаков?

- Да. Вышел через Верхний Ларс по документам прикрытия, которые ему сделал Катюшин...

- Начальник центра, где я служил?

- Он самый. Вчера Катюшина арестовали, и сейчас он рассказывает очень интересные вещи...

- Но... мы же с ним не работали? – с надеждой в голосе спросил Котлов.

- Мы – нет, - ответил генерал. – Но работали другие. Какие у тебя есть на руках документы прикрытия?

- Те, с которыми я был в Европе, - ответил Котлов. – Я их не сдавал.

- И не сдавай, - посоветовал генерал. – А лучше – сделай ещё несколько. И на меня тоже - несколько. На разные фамилии.

- Понял, закажу. Сегодня же.

- Теперь к делу. Что у тебя? Показывай...

Игорь разложил перед генералом составленные списки.

- Сколько из них реальных, начнём с этого?

- Реальные только те, что от Чмырёва, плюс ещё сорок четыре человека от всех других центров.

- Смотри, нужно сделать так, чтобы те, которые есть вживую, вошли в первую волну. По максимуму. На самых важных направлениях, если это возможно. Если они нормально отработают, то может и не будет потребности вводить других – которых нет.

- Я понял, товарищ генерал. Сделаем.

- Агентурно-боевых групп, я так понимаю, у нас нет вообще?

- У Чмырёва есть четыре. В Николаевской и Запорожской областях по одной. Две в Одессе.

- Группы нужны в Киеве, Харькове, Сумах и Чернигове – минимум. Ты же слышал, что первый зам сказал – приступить к работе через неделю.

- Где же их взять?

- Создать, Игорь. Создать. Ты же разведчик. Старший офицер управления. У тебя для этого есть все ресурсы...

- Рудольф не отвечает, Артур тоже пропал.

- Что, кроме них у тебя нет никаких других контактов на Украине?

- Есть, но не такие серьёзные. Я им такое доверить не смогу...

- Значит, ищи новые контакты. Времени мало, но пока оно есть.

- Товарищ генерал, - Игорь внимательно посмотрел на собеседника.

- А когда начнётся... война?

- Не знаю, - Исмаилов пожал плечами. - По моим ощущениям, примерно во второй половине февраля. Наблюдай за Советом Федерации – как соберутся для обсуждения применения вооруженных сил за рубежом, вот с того дня, считай, и начнётся. Медлить не будут.

- Ясно.

Ближе к полуночи, когда работа была практически завершена, Игорь позвонил супруге.

- Чего тебе надо, ублюдок? – раздалось в трубке. – Ты звонишь мне сказать, что празднуешь Новый Год с проститутками?

- Дорогая, я закончил работу, сейчас поеду домой. В ресторан мы ещё успеваем.

- Можешь не торопиться, я никуда не поеду. Особенно, с таким козлом, как ты.

Не говоря ни слова, Котлов отключился и едва сдержал себя, чтобы не разбить телефон о стену. Остановило только то, что в нём было слишком много ценных контактов.

Забрав на стоянке машину, Игорь вначале двинулся в сторону дома, но потом, проехав поворот, покатил к центру, куда глаза глядят. В голове кипела злоба, даже не на Свету, а на самого себя. Света была лишь лакмусовой бумажкой той судьбы, которую выбирал Котлов на каждом повороте жизненного пути. И, как показывала вся дальнейшая жизнь, повороты эти хоть и вели к росту материального благополучия, но уж точно не прибавляли душевного равновесия и не позволяли

обрести настоящих друзей или житейскую мудрость. Всю жизнь его окружали какие-то проходимцы и шмары, не предполагающие духовного развития, доверия и крепкой дружбы.

- Кем ты стал, лейтенант Котлов? – вслух спросил Игорь.

Он вспомнил себя двадцать лет назад, когда на выпуске бросал вверх фуражку и верил, что его ждёт карьера настоящего, честного, и преданного своей Родине офицера. Что же случилось за эти двадцать лет? Почему сейчас, когда Родина стояла на пороге Большой Войны, он больше думает о документах прикрытия, которые позволят сбежать из страны, а не о том, чтобы честно выполнять свой долг офицера, долг разведчика?

Впереди идущий «Форд Рейнджер» начал тормозить, но Котлов, витающий в облаках, упустил момент и поздно нажал на педаль. «Гелендваген», уже на тормозах, влетел в «Форд». Скорость была погашена, даже подушки безопасности не сработали, но всё же решётка-отбойник слегка примяла рампу кузова пикапа.

- Ну, надо же... - Игорь выругался и вышел из машины.

Из «Форда» тоже вышел водитель, крупный мужчина лет пятидесяти.

- Ну, с Новым Годом тебя, что ли, - он сказал это с заметной иронией.

- Да и тебя тогда уже, - Игорь повторил интонацию.

Осмотрев повреждения, Котлов молча достал из кармана тысячу долларов и протянул их владельцу «Форда»:

- Это за ущерб, бери.

Мужчина отчитал пять соток и вернул их Игорю:

- Этого хватит. Расходимся?

- Расходимся, - согласился Котлов.

В этот момент рядом остановилась машина ГАИ. Инспектор опустил стекло, и, не выходя из машины спросил:

- Давно?

- Только что, - ответил Игорь.

- Помощь нужна?

- Да нет, мы всё порешали, - сказал водитель «Форда». – Сейчас освободим дорогу...

- Добро, - инспектор поднял стекло, и машина ГАИ уехала.

- Ты, походу, в ресторан спешил, - сказал мужчина.

- Да не, катался, задумался, - ответил Игорь. – С бабой своей поругался... домой ехать не хочу.

- Ну, ты даёшь, - усмехнулся собеседник. – Меня зовут Олег. И я тоже только что поругался со своей бабой. Я то и тормозить начал, когда она мне по телефону мозг выносила...

- Игорь, - Котлов протянул руку для рукопожатия. – Вот и встретились два одиночества.

Олег крепко пожал Игорю руку.

- Ну, тогда сам Бог велел, - он многозначительно посмотрел на ресторан китайской кухни, расположенный метрах в ста от дороги.

Оказалось, что в ресторане было несколько свободных столиков – видимо, праздновать новый год в окружении китайской атрибутики и специфических блюд не входило в планы завсегдатаев данного ресторана. К моменту, когда раздался бой курантов, Игорь и Олег в ударном темпе уже успели осушить одну бутылку коньяка.

В процессе беседы выяснилось, что Олег был бывшим опером, участвовал в Чеченской кампании, а родился и вырос в Житомире, где у него остались родственники и знакомые. Он владел украинским языком, и уверенно произносил «паляница» - сколько ни пытался Игорь правильно произнести это слово, ничего у него не выходило.

Когда стала заканчиваться вторая бутылка, Игорь выступил с вербовочным предложением:

- Слушай, а ты мог бы создать в Житомире агентурно-боевую группу?

- Агентурно-боевую группу? – они оба уже были достаточно пьяны и говорили заплетающимися языками. – Агентурно-боевую группу могу. Но ты же понимаешь, что под неё нужно финансирование, конспиративная квартира, машины, оружие...

- Всё будет, - кивнул Игорь.

- А ты вообще кто? Машина у тебя не простая...

- Разведчик, - сказал Игорь и, приставив палец к губам, заговорщицки зашипел: - Только щщщ...

- Понятно, - кивнул Олег. – Тогда завтра «потрезвой» этот вопрос обсудим. Я бы поработал на благо Родины...

- Договорились... - они ударили по рукам. – В принципе, можешь начинать. А завтра обсудим только детали.

Услуга «трезвый водитель» доставила Игоря вместе с машиной к стоянке, и спать Котлов направился в свой кабинет, где был удобный диван.

В назначенное время Игорь доложил ситуацию с проводниками, распределёнными по оперативным направлениям. Всем им по открытым средствам связи в установленном порядке были разосланы сообщения о готовности, некоторые ответили, основная часть проигнорировала сигнал, что, по мнению Котлова, было объяснимо – во второй половине новогодней ночи мало кто из людей смотрит в приходящие на телефон сообщения.

Во время доклада Котлов чувствовал себя более уверенно, так как вчерашние события придали ему спокойствия и убедили, в том, что поставленная задача, хоть и «на минималках», но будет выполнена. А за это уже не накажут.

- Вы ручаетесь за предоставленную информацию, - снова спросил первый заместитель начальника главного управления.

- Так точно, товарищ генерал, - снова ответил Котлов, и в его словах уже действительно читалась уверенность.

ГЛАВА 6

Рудольф и Артур пропали окончательно, их следов нигде не было. Исмаилов предположил, что они были арестованы Службой Безопасности Украины, что самым серьёзным образом могло отразиться на агентуре, которую эти двое привлекли для сотрудничества. Однако, практически со всеми агентами удалось восстановить связь – все они разными способами подтвердили, что как минимум находятся на свободе. К концу января некоторых агентов удалось лично проинструктировать соответствующим образом, вытянув их ненадолго с Украины.

К счастью Котлова, конкретных задач на диверсионную деятельность пока не поступало, но ежедневно о такой возможности ему напоминал Исмаилов. Генерал требовал создания реальных групп, вместо тех, которые на бумаге были доведены до сведения руководства, и, страшно подумать, легли на стол руководителя всех руководителей.

С Олегом Игорь встретился не первого января, как они договорились, отмечая Новый Год, а только десятого – когда отгремели все новогодние праздники.

- Ну что, ты готов? – спросил Игорь. – Наш договор в силе?

- Я-то готов, - кивнул собеседник. – Готовы ли вы?

- Конечно, - ответил Котлов.

- У меня есть люди, в том числе с боевым опытом в АТО. За деньги они готовы выполнять любые задачи. Мы ждём финансирование, как только будут деньги – приступаем к работе.

- Ну, отлично, - кивнул Игорь. – Финансирование на подписи у руководства, считай у вас в кармане, так что можете потихоньку начинать. А мы подключимся позже.

В разговоре Котлов чувствовал, что Олег понимает, о чём говорит. Естественно, его проверили, и установили, что он действительно был тем, за кого себя выдавал – достаточно опытным оперативником, пребывающим в данное время на пенсии и работающим руководителем службы безопасности одного из коммерческих банков.

Также было установлено, что он действительно имеет родственные связи на Украине.

- Нет, - генерал покачал головой. – По формированию агентурно-боевых групп бюджет закрыт. Мы же по докладам сформировали достаточное их количество...

На столе Исмаилова лежал рапорт Котлова, в котором тот излагал все мысли по поводу создания ещё одной агентурно-боевой группы на Украине.

- Товарищ генерал, но...

- Что – но? – Исмаилов сверкнул глазами.

- Мы сейчас говорим о группе, которая будет реально создана.

- Игорь, - генерал развёл руками: - Я тебе ещё раз говорю – бюджет закрыт. Никто нам денег больше не даст. Их и так выделили сильно больше, чем было нужно. Ты достаточно заработал на создании прошлых групп. И чтобы не выглядеть бледно на совещаниях, если ты действительно хочешь получить реальную группу, возьми деньги из своего кармана.

К счастью Котлова, в последний момент было принято решение не вводить в действие агентурно-боевые группы, оставив только планы по использованию проводников.

По данным разведки, доведённым до высшего руководства государства, сопротивление вооруженных сил Украины либо не предполагалось вообще, либо незначительные очаги должны были быть подавлены в первые дни предстоящей операции. Население Украины, по тем же данным, должно было встречать войска цветами.

Наблюдая за всей подготовкой к предстоящей кампании, всё же Игорь до последнего момента не верил в возможность начала боевых действий. Как не верили очень многие даже среди тех, кто занимал высокие посты. Казалось невероятным, чтобы вот сейчас, в век главенства гуманизма и человеколюбия, одна страна пойдёт войной на другую. Однако, ситуация только усугублялась. Зеленский объявил о начале работ по созданию ядерного оружия – а это уже не могло быть

проигнорировано. Ко всему прочему, СМИ зацепились за биологические лаборатории, открытые американцами на Украине, пытались разыграть карту с созданием биологического оружия. НАТО сосредоточило на границе с Украиной и Беларусью огромные многонациональные силы, включающие в себя две американские дивизии – 3-ю пехотную и 82-ю воздушно-десантную. Польша приступила к мобилизационным мероприятиям и довела численность своих соединений до требований военного времени, заявив о формировании ещё двух дивизий. ВСУ же, в свою очередь, сосредоточили на Донбассе мощнейший ударный кулак, который приготовился сокрушить Донецкую и Луганскую народные республики. Кто ударит первым, кто захватит оперативно-стратегическую инициативу – это был главный вопрос, который обещал разрешиться в течение нескольких ближайших дней.

Когда же Совет Федерации разрешил использование вооруженных сил за рубежом, никаких сомнений больше не осталось. Всем стало понятно: быть войне. И когда Верховный обратился со своей речью к народу своей страны, передовые подразделения уже переходили границу сразу на нескольких направлениях. Российские войска опередили украинское наступление на Донбасс буквально на несколько дней.

Бригаде специального назначения полковника Крылова было поставлено несколько задач по овладению наиболее важными объектами на харьковском операционном направлении. Разведывательный отряд майора с позывным Хазар, сформированный на базе пятой роты, на бронированных «Тиграх» и двух БТР-82 мгновенным броском вышел к железнодорожному вокзалу Казачья Лопань, где их должен был встретить проводник.

На привокзальной площади люди во все глаза таращились на боевые машины, не понимая, что происходит. Колонна втянулась на площадь и замерла. Проводник должен был сам подойти к первой машине и обозначить себя. Однако, в назначенное время он так и не подошёл. На звонки с сотового телефона с местной привязкой, который перед началом операции был выдан Хазару, проводник не отвечал.

- Время срываем, товарищ майор, - к Хазару подошёл его заместитель, капитан Шорох.

- Да вижу, - Хазар выругался. –Ну что, мы без него дорогу что ли не найдём, а?

- Найдём, командир, - уверенно кивнул капитан. – Погнали дальше!

- Погнали, - махнул рукой Хазар. – По машинам!

К вокзалу в это время уже подходила мотострелковая колонна на БМП и танках, увешанных триколорами и историческими флагами Идрицкой дивизии, штурмовавшей Рейхстаг.

Разведывательный отряд, потеряв полчаса времени, так и не дождавшись проводника, продолжил движение. На ходу Хазар начал звонить следующему проводнику, который должен был принять две группы отряда, предназначенные для самостоятельных действий. Однако, как майор не старался, второй проводник на звонки тоже не отвечал. И на месте его тоже не оказалось. Хазар доложил об этом командиру бригады.

- Действуйте по плану, - посоветовал Крылов.

Сопrotивления пока никто не оказывал, и выполнение поставленной задачи виделось вполне реальным и без не вышедших на встречу проводников. Две группы, возглавляемые Шорохом, отвернули в сторону, Хазар с одним БТР и шестью «Тиграми» двинулся дальше.

Спустя двадцать минут впереди на дороге показался блок-пост, с которого был открыт пулемётный огонь.

- Оператор, подавить пулемёт, - приказал майор.

Наводчик-оператор БТР-82 несколькими короткими очередями из автоматической пушки разнёс укрытие, построенное из мешков с песком. Это были первые выстрелы Большой Войны.

- Есть, - удовлетворённо произнёс Хазар.

Остальные защитники блок-поста разбежались – некоторые бежали прямо по полю, и их легко можно было всех перестрелять, но в колонне еще не было людей, готовых вот просто так убивать, хоть и военных, но безоружных людей, бегством спасающих свои жизни.

Снаряд попал украинскому пулемётчику в грудь, разметав тело на фрагменты. Проезжающие мимо разведчики ещё с интересом смотрели на разорванный труп врага и лужу крови, не представляя, сколько подобного «добра» их ждёт впереди – буквально уже в ближайшие часы.

Маховик войны набирал обороты. Поднимаемые по тревоге части ВСУ занимали назначенные рубежи, и в некоторых местах наступающие колонны уже наткнулись на глухую оборону.

- Хазар, я Шорох, - раздалось в рации. – Двести тридцать три, триста пятнадцать. Наткнулся на танковую засаду. Один «Тигр» уничтожен, пять «двухсотых». Пройти дальше не могу.

Хазар посмотрел на карте указанные координаты, оценивая обстановку. Только что погибли пять его разведчиков. Кто именно – Шорох не уточнял. Но сам факт того, что внезапно всё стало очень серьёзно.

- Возвращайся на мой маршрут, - принял решение Хазар. – Догоняй меня.

- Принял, - ответил Шорох.

- Есть возможность забрать тела?

- Нет, они сгорели...

- Догоняй меня.

- Есть.

На третьей точке, где должна была произойти встреча с ещё одним проводником, задачей которого был вывод одной группы на объект захвата, так же никого не встретили. Оценив, что до объекта оставалось всего пять километров, Хазар решил направить туда группу без проводника, однако, уже спустя пять минут командир группы доложил, что два его «Тигра» уткнулись в ремонтируемый мост, объехать который не было никакой возможности.

- Догоняйте, - приказал майор.

Выполнение задачи сыпалось буквально на глазах. Хазар был вне себя от ярости – кто так «грамотно» планировал операцию, что не учёл фактическое отсутствие моста? Два объекта, назначенные к захвату его разведывательным отрядом, уже отсекались, остался один – административное здание на окраине Харькова, где, по его данным, впоследствии должен был разместиться штаб группировки, наступающей на белгородско-харьковском направлении.

Когда разведывательный отряд, вернее то, что от него осталось, подошёл в назначенную точку, Хазар увидел, что это была трёхэтажная школа, полная детей, которые, как и положено, пришли в первую смену.

- Вот это поворот, - вырвалось у майора.

Разведчики быстро сдёрнули замок, закрывающий ворота во двор школы, и один из «Тигров», над которым реял триколор, въехал во двор. Остальными машинами Хазар перекрыл рядом расположенный перекрёсток, выставив их таким образом, чтобы можно было огнём перекрыть подходы.

Вместе с тремя разведчиками, Хазар вошёл в школу и проследовал в кабинет директора. Здесь уже было несколько человек, которые с испугом смотрели на русских солдат.

- Кто директор? – спросил Хазар.

- Я, - ответила женщина средних лет, выделяющаяся строгим костюмом. – Кто вы, и что вам надо?

- Мы представители вооруженных сил Российской Федерации. Предлагаю вам немедленно организовать эвакуацию из здания школы всех учеников, преподавателей и обслуживающего персонала.

- Мне нужно согласовать эвакуацию с администрацией, - ответила директор.

- Это вы сделаете после эвакуации, - сказал Хазар. – Чем быстрее вы выведете отсюда детей, тем лучше будет, поверьте.

Женщина повернулась к своим сотрудницам:

- Объявляйте эвакуацию...

- Спасибо за понимание, - сказал Хазар.

Директор подарила ему презрительный взгляд.

Через двадцать минут школа опустела.

- Часть боезапаса переносим в школу, - приказал майор.

Он осмотрелся. Чувство предстоящей беды не покидало его. Нужно было всерьёз заняться организацией круговой обороны. К этому времени к школе подъехали «Тигры», которые наткнулись на разрушенный мост, командир группы доложил, что на параллельной дороге наблюдал движение шести украинских БТР-4, которые могли вскоре выйти к школе.

Два пулемётных расчёта Хазар разместил в подвалах ближайших пятиэтажек, расчёт «Конкурса» с пятью ракетами занял позицию на крыше пятиэтажки, снайперская пара забралась на крышу соседнего дома. В самой школе стали оборудовать огневые позиции в подвале и на первом этаже.

Хазар несколько раз выходил по связи на ЦБУ, докладывая обстановку, дважды выходил на командира бригады, который заверил,

что руководитель наступающей на Харьков группировки поставлен в известность о срыве в работе спецназа, и что по факту захваченным оказался только один объект.

- Хазар, тебе нужно продержаться шесть часов. Потом к тебе подойдёт батальонно-тактическая группа танковой дивизии, встретишь их.

- Принял, - ответил майор.

Бой начался с того, что от попадания ПТУРа загорелся «Тигр», стоящий на перекрёстке. Разведчики проморгали ракетчиков, пустивших «Стугну» почти с километровой дальности. В «Тигре» погиб водитель.

В ответ спецназовцы накидали по месту пуска гранат из АГС, и на некоторое время бой затих. В окна прилегающих домов, часть которых уже была разбита взрывной волной, время от времени выглядывали испуганные люди. Происходящее казалось им каким-то сюрреализмом, которого не должно было быть. Однако, бой был самым настоящим, и смерть уже раскрыла крылья над городом, собирая свои плоды.

- Вижу движение, - доложили с крыши ракетчики. – Два БТР-4 идут по улице. Разрешите открыть огонь?

- Бей, - коротко сказал Хазар.

Оглушительно хлопнув, с крыши пятиэтажки куда-то вглубь квартала полетела противотанковая ракета. Почти сразу раздался звук разрыва. Спустя полминуты полетела ещё одна ракета, раздался второй взрыв.

- Командир, - доложили ракетчики. – Оба горят.

Снайперская пара принялась расстреливать солдат, высыпавших из горящих бронетранспортёров.

- Шесть часов, - Хазар посмотрел на часы. – Нам нужно продержаться всего шесть часов.

- Вижу танк, - сообщил ракетчик. – Может быть наш?

Хазар колебался всего мгновение.

- Бей. наших пока тут быть не может.

Однако, выстрелить ракетчики не успели – вражеские танкисты опередили их на долю секунды. Снаряд ударил в плиту над окном пятого этажа, буквально под то место, где стояла пусковая установка, и находились двое спецназовцев. От близкого взрыва они погибли на месте.

Ситуация резко осложнилась.

- Ты сформировал группу? – спросил в один из дней Исмаилов.

- Какую группу, товарищ генерал?

- Ты подходил ко мне с рапортом... человека нашёл...

- А, - вспомнил Котлов. – Так вы же не подписали рапорт на финансирование. Я не стал формировать...

- Я же тебе сказал – за счёт своих средств! – вдруг генерал повысил голос.

Котлов понял, что Исмаилову напомнили про агентурно-боевые группы, и он спускает сейчас это напоминание на голову своего подчинённого.

- Я сформирую, - кивнул Котлов.

- Немедленно! Сегодня к вечеру – доложить о готовности группы! Ты же говорил, что там практически всё готово, что люди уже заряжены и бьют копытом!

Игорь позвонил Олегу, которого не видел уже больше двух месяцев, и договорился о встрече.

- Так что, готова группа? – спросил Котлов, пожимая руку собеседнику.

- Какая группа? – Олег сделал удивлённые глаза.

- Ну, на Украине, - подсказал Игорь.

- На Украине? – бывший опер округлил свои глаза ещё больше.

- Агентурно-боевая, - прямо сказал Котлов.

- А финансирование где? – спросил Олег.

- Я же сказал – финансирование будет! – твёрдым голосом заявил полковник.

- Ну, вот как будет, тогда и поговорим, - ответил собеседник. – А то я как-бы совсем не мальчик, и все эти дела мне понятны... бабки на агентуру вы, походу, уже давно освоили, а теперь вас напрягать начали, а результата нет. Вот ты и цепляешься за каждую возможность. - Олег широко улыбнулся: - Не так, разве?

- Ты что такое говоришь? – возмутился Игорь. – Мы же с тобой друзья-товарищи!

- С каких пор? – уточнил бывший опер. – С того момента, как в ресторане однажды посидели? Нет, дорогой, мы не друзья, и не

товарищи. Если хочешь, чтобы я тебе агентурно-боевую группу подарил, плати. Если денег нет – нам с тобой разговаривать не о чем. В субботах я не участвую – старый уже. На пенсии.

Расстались, не пожав друг другу руки.

Котлов чувствовал себя опущенным ниже канализации.

После совещания Исмаилов попросил Котлова остаться. В последние дни управление «жило на работе», люди практически не покидали свои рабочие места, решая массу различных задач, внезапно появившихся в ходе реализации «специальной военной операции» - как называли войну по целому ряду политических и социально-экономических причин. Но, как бы её не называли, она оставалась войной, и с жадностью Молоха пожирала людей.

Первые дни операции, когда инициатива во многих случаях оставалась за наступающей стороной, сотворили настоящую беду: войска, ориентированные в основном на лёгкий поход, рвались вперёд, практически нигде не закрепляя достигнутый результат. Окрылённые мнимым успехом, многие командиры полагались на то, что раз противник пропустил передовые части вглубь своей территории, то и на уже «освобождённой» территории сопротивления оказывать он не будет. Это ошибочное мнение привело к катастрофе.

Растянутые тыловые колонны стали гореть одна за другой, логистика наступающих войск была нарушена, и как следствие, войска встали, часто на невыгодных позициях. Встали без топлива, боеприпасов, сухпайков, и самое главное – без возможности быстро эвакуировать раненых в специализированные медицинские учреждения. Началось избиение.

Встретив неожиданное для себя сопротивление, многие командиры растерялись, и не могли эффективно действовать в условиях, которые вдруг стали сильно отличаться от ранее запланированных. Массово стало проявляться отсутствие у высоких командиров должной самостоятельности. Настоящие офицеры стали поговаривать, что как бы сейчас ни было тяжело, но война очень хорошо вывернула наружу «новый облик» - показывая, кто на что способен. Раскрывая, кто купил свою должность для «службы» в мирное время, а кто реально достоин её в бою. Уже в первую неделю СВО по войскам прокатилась волна

снятий с должностей, и ещё больше – отказов от исполнения обязанностей, и не только среди рядового состава, но и среди больших командиров, вдруг осознавших, на что они реально пригодны в этой жизни.

- В управление заехала огромная бригада военной контрразведки и следственного комитета, - сообщил генерал. – У Верховного возникло очень много вопросов к той информации, которую ему доводили по ситуации на Украине. Проверка будет тотальной.

- Это же парализует работу... - сказал Котлов.

- Работу? – Исмаилов вскинул брови. – Какую? Ты лучше меня знаешь, на чём основана наша работа – приписки, выдумки, стремление угодить вышестоящему руководству – одно большое враньё. Где здесь слово «работа»?

- Что нам теперь делать?

- Да поздно уже что-то делать, - сказал генерал. – Нам теперь даже уйти за кордон нельзя – вражеские спецслужбы нас там с распростёртыми объятиями встретят. Только не для того, чтобы мы там красиво жили со своими наворованными деньгами. А для того, что бы мы, в их понимании «агрессоры», там красиво сидели. В самых страшных тюрьмах. Знаешь, где сейчас Гончаров?

Игорь знал, что полковник Гончаров, его сосед по кабинету, у которого когда-то был дом в Италии, по документам прикрытия успел выехать из России на третий день специальной операции. Больше о его судьбе Котлов ничего не знал.

- Нет, не знаю.

- Он задержан в Чехии. И не просто задержан, а именно как российский разведчик.

- Да уж, - вздохнул Котлов. – Влипли. Не было бы войны – как бы мы хорошо продолжали жить...

- Я тебя что оставил-то, - генерал перешёл к делу.

- Слушаю.

- На днях военно-следственное управление арестовало полковника Крылова. Помнишь такого?

- Да, помню – командир бригады спецназа, - кивнул Котлов. – Выводил я его на чистую воду. За неправильно пришитые на рюкзаке бирки. Что он натворил?

- Он набил рожу командующему.

- Животное, - с презрением сказал Котлов. – Хоть за что?

- За то, что тот в течение трёх дней обещал ему вытащить из окружения роту спецназа. А потом Крылов у операторов штаба случайно узнал, что командующий даже не планировал её вытаскивать. Когда на четвёртые сутки танковый взвод с группой спецназа пробился к окружённой роте, в живых они там застали только трёх человек, в том числе заместителя командира отряда. Когда Крылова арестовали, и следователи опросили всех причастных, этот офицер рассказал, что при выдвижении они не встретили ни одного проводника.

Котлов почувствовал, как по спине пробежал ручеёк холодного пота. У него затряслись руки. Это были «его» проводники, которых просто не существовало в природе. Они жили только в его докладах и отчётах.

- Нет... - кто-то внутри него не хотел верить в сказанное.

- Готовься Игорь, все ниточки теперь ведут к тебе, - сказал генерал.

- Что мне делать, Рафик Магомедович?

- Я не знаю, - сказал генерал.

В этот момент дверь кабинета открылась – на пороге стояло несколько офицеров военно-следственного управления и военной контрразведки.

- Генерал-майор Исмаилов? – спросил один из них.

Исмаилов и Котлов встали, у обоих побледнели лица.

- Да, - сказал генерал.

- А вы кто? – спросил следователь, обращаясь к Котлову.

- Полковник Котлов, старший офицер управления, - представился Игорь.

- Пройдите к своему рабочему месту и ждите, вас тоже необходимо опросить.

- Есть, - кивнул Игорь, и, выходя, он услышал, как следователь начал представляться генералу и говорить о «постановлении на проведение обыска».

В своём рабочем кабинете он не знал, куда себя деть. Дрожь в руках, которая началась в кабинете генерала, уже прошла, но сердце продолжало колотиться как бешенное. Невольно он прислушивался к каждому звуку шагов, исходящих из коридора, нервно ожидая развязки – появления «своего» следователя.

Ему сейчас хотелось только одного – чтобы этого всего не было. Он был готов вернуться в прошлое, чтобы заново прожить свою жизнь, не допуская уже совершённых ошибок, не поклоняясь слабостям, которые толкали его на путь должностных преступлений. Он уже даже подумал, что согласился бы на спокойную и размеренную жизнь какого-нибудь дорожного рабочего, у которого не болит голова от таких проблем, которые сейчас нахлынули на Котлова – потому что у дорожного рабочего не может быть таких проблем – знай себе, укладывай асфальт, да следи, чтобы каток не раздавил зазевавшегося коллегу.

Каток.

Сейчас на него катился каток справедливости. И Котлов понимал, что в это раз он уж точно не избежит сурового наказания. Вдруг он вспомнил майора Кирееву, которая вела его дело, сколько... более десяти лет назад. Вспомнил, как потом, в ресторане, она сказала ему в сущности то, что Котлов знал и без неё, но старался об этом не думать: «Ты тряпка и ничтожество. Собой ты не представляешь ни-че-го» - гремели в голове её слова.

Игорь вдруг подумал, что изменения, которые в ближайшее время могут произойти в его жизни, станут для него невыносимы. Он не хотел возвращаться к жизни, в которой нет тех возможностей, которыми он обладал сейчас. Тогда, может быть лучше... застрелиться? В сейфе лежал наградной «Глок», с золотым шильдиком, на котором было написано «Полковнику Котлову Игорю Михайловичу за особые заслуги перед военной разведкой». Игорь встал и подошёл к сейфу. Пустить пулю в висок, как способ избавиться от проблем, ему сейчас представлялось более чем оправданным.

Игорь встал, достал ключ и подошёл к сейфу.

В этот момент запахнулась входная дверь. На пороге стояло несколько человек. Глядя на них, Котлов подумал, что он сходит с ума.

Потому что первой стояла Киреева.

- Полковник Котлов? – удостоверилась она.

- Да, - тихо ответил Игорь.

- Старший следователь по особо важным делам военно-следственного управления полковник Волкова. Ознакомьтесь с

постановлением о проведении обыска на вашем рабочем месте.

Слух резанула другая фамилия, и он даже более внимательно посмотрел на неё, полагая, что может ошибаться. Но нет, это точно была та «майор Киреева», теперь уже в образе «полковника Волковой». Она, словно прочитала его мысли:

- Да, это я, Игорь Михайлович. Вот мы и снова с вами встретились. Только при более тяжёлых обстоятельствах.

Котлов быстро прочитал постановление, поставил свою подпись. Опера и следователи приступили к обыску кабинета и первым делом попросили открыть сейф. Волкова покрутила в руках наградной пистолет, вслух прочитала текст гравировки и передала «Глок» одному из оперов.

- Присаживайтесь, Игорь Михайлович, - полковник Волкова была сама учтивость. – Нам о многом нужно поговорить.

За прошедшее десятилетие она, конечно, изменилась, но как заметил Котлов, только в лучшую сторону – стала более женственной, более привлекательной, что ли. Это обстоятельство угнетало его ещё больше, возвращая к тому позору, который он пережил, будучи приглашённым Киреевой в ресторан.

Игорь сел на стул у стола Гончарова. Она заняла место хозяина стола, раскрыла свою папку, вынула лист бумаги.

- Начнём?

- Да, - отрешенно кивнул Котлов.

- Если у вас есть ко мне вопросы, вы можете их задать, - сказала она, прекрасно понимая состояние своего подопечного.

- А смысл? – спросил Котлов.

- Я вам всё же расскажу, - Игорь чувствовал, как её саму распирает желание поведать ему историю своей жизни – словно она хотела больнее уколоть его перед допросом. – После нашего с вами разговора домой меня отвёз ваш подчинённый – капитан Андрей Волков. Настоящий мужчина. Настоящий разведчик. Я вышла за него замуж. Родила сына. А потом, так сложилось, меня заметили и перевели в Москву, в управление. Я сейчас занимаюсь расследованием должностных и коррупционных преступлений. А мой муж уволился из вооруженных сил майором. Хорошего разведчика, такие как вы, вышвырнули из системы. Но он нашёл себя. Сейчас он снова разведчик. Только в «оркестре». Там его знания и опыт больше ценят.

- Занимаетесь расследованием должностных и коррупционных преступлений? – язвительно спросил Игорь – это была его максимально возможная сейчас месть. – А как же деньги, которые я вам передавал? Тогда, в ресторане? Вы начните с себя все свои расследования...

- Деньги вы передавали не мне, а через меня. И тот человек, который их получал, уже отсидел и вышел, - ответила Волкова. – Это был мой начальник. Редкостный мерзавец. Ещё есть вопросы?

- Нет.

- Тогда у меня есть, - она посмотрела в свои бумаги. – Согласно боевому распоряжению, полученному командиром пятой роты специального назначения, в ходе выполнения поставленной задачи он должен был встретиться с четырьмя проводниками. В детализированном плане боевого взаимодействия указано, что проводники были представлены вашей службой. Конкретно вами. Ни один из проводников на встречу с командиром пятой роты не вышел. В результате рота не смогла выполнить поставленную боевую задачу и понесла тяжёлые потери. Расскажите, при каких обстоятельствах вы привлекли к сотрудничеству указанных проводников, каким способом осуществлялась с ними связь, как вы им ставили задачи и получали доклады об исполнении...

Котлов увидел, что карточки на этих людей уже лежали в папке следователя. Из чего он сделал совершенно неутешительные для себя выводы, что делу придан такой размах, о котором ранее он не мог даже предполагать. Со всей очевидностью он понял, что Волкова наверняка уже установила, что все эти люди, оформленные в качестве проводников, либо полностью вымышлены, либо понятия не имеют, что их личные данные использованы в отчетной документации разведывательной службы сопредельного государства.

Запираться не было смысла – во всех изъятых документах стояли его подтверждающие подписи.

Допрос продолжался шесть часов, в ходе которого Котлов чистосердечно покаялся во всём, что успел совершить, находясь на занимаемой должности. Затем все участники следственных действий выехали на адрес, где проживал Котлов.

Навстречу ему, ещё не видя остальных, метнулась зарёванная Света:

- Зая, папу арестовали!

Котлов отстранился, пропуская оперативно-следственную группу. Увидел Волкову, которая шла первой, Света взвизгнула:

- Зая, кто эта шмара?

- Это следователь Волкова, - представил гостью Котлов. – Она пришла провести у нас дома обыск.

- Зачем обыск? – куриные мозги не сращивали происходящее. – Это с ней ты Новый Год провёл? Крашенная сучка...

- Игорь Михайлович, успокойте вашу супругу, - попросила следователь.

- Если бы я знал как... - буркнул Котлов.

После завершения обыска, в ходе которого было изъято изрядное количество валюты и драгоценностей, документы прикрытия, а также некоторое количество учетных секретных документов, которые должны были находиться за семью печатями, Волкова заявила, что Котлов может остаться дома и взяла с него подписку о невыезде.

- Меня не закроют? – спросил Котлов.

- За что? – переспросила Волкова. – Показания я взяла. Команды закрывать вас не было.

После ухода следователей, Светочка в порыве эмоционального гнева принялась разносить квартиру, самоотверженно уничтожая предметы роскоши и быта, попадающиеся ей под руку. Всё это время, пока она не устала и не закрылась в ванной комнате, Игорь отрешённо сидел на диване, с безразличием взирая на происходящее. Погром уничтожил вещей миллионов на десять, но Котлова это уже совершенно не тревожило.

На следующий день он явился на службу не выспавшимся и не бритым. Он просто положил на всё болт, и решил всем своим видом отныне показывать своё настоящее отношение к службе. Кабинет Исмаилова был опечатан печатью следствия. Кабинет Котлова – тоже. В строевом, куда он зашёл определиться с собственным статусом, он вдруг увидел подполковника, который показался ему знакомым. Тот улыбнулся и протянул руку:

- О, Игорь! Здорово!

Это был Женя Никитин, с которым когда-то давным-давно Котлов начинал службу на Дальнем Востоке.

- Ты? – удивлению Игоря не было предела – он был уверен, что Никитин давно уже должен был быть отлучён от вооружённых сил в силу того, что он категорически не вписывался в «новый облик». – Здесь?

- Да, - кивнул Никитин. – Получил назначение в агентурный отдел на должность старшего офицера. И представляешь, сразу назначен исполняющим обязанности заместителя начальника управления...

- Смотри-ка, какой карьерный рост, - сказал Игорь. – Так и начальником управления к обеду станешь.

- Я слышал, генерала Исмаилова вчера приняли, - сообщил подполковник. – Первый зам главного управления мне сказал, что он арестован за очковтирательство и растраты, которые привели к большим проблемам на Украине. И я почему-то не удивлён, так как хорошо помню ваши с ним махинации ещё на Дальнем Востоке...

- У меня вчера тоже был обыск, - притихшим голосом сказал Котлов. – Отпустили на подписку.

- Так это я на твоё место, что ли, пришёл? – усмехнулся Никитин. – Ваши с Исмаиловым залёты исправлять?

- Я не знаю, - безразлично ответил Игорь.

Представлять нового сотрудника пришёл первый заместитель главного управления. В конференц-зале собрались офицеры агентурного управления, которые с плохо скрываемым удивлением смотрели на Котлова, считая, что его арестовали вместе с Исмаиловым.

- Товарищи офицеры!

В зал зашёл генерал-лейтенант. Все поднялись со своих мест. Первый заместитель не стал толочь воду в ступе.

- Вчера следственное управление и контрразведка арестовали генерала Исмаилова, - громко сказал первый зам. – По его вине на наше главное управление пало подозрение в доведении до руководства страны ложных сведений о противнике, которые привели к неверной оценке обстановки и принятию неверных решений. Я считаю, что это предательство, и оно должно быть наказано.

Офицеры уже были в курсе, но всем понравилась однозначная позиция генерала, который не стал оправдывать очевидного для всех махинатора.

- Врио начальника управления назначен подполковник Никитин.

До обеда было ещё далеко – прогноз Котлова о карьерном росте вновь прибывшего офицера сбывался с опережением графика. Женя встал и повернулся лицом к коллективу.

- Это грамотный и опытный офицер, пришёл к нам из разведки Северного Флота. Полагаю, что под его руководством управление вернёт себе честное имя. Все свободны, Котлова попрошу остаться.

Когда все вышли, генерал-лейтенант сверкнул глазами:

- Что, допрыгались со своим Исмаиловым?

Игорь знал, что сейчас ему будет лучше молчать. И не дышать. И вообще – раствориться в пространстве.

- Я же спрашивал – достоверные данные, или нет! Было? Было! Что мне с тобой теперь делать, полковник?

- Делайте, что хотите, - Котлов намеренно демонстрировал полное безразличие к своей судьбе.

Что интересно, это было действительно так, ему не приходилось для этого напрягаться.

- Завтра же поедешь в зону СВО, чтобы глаза мои тебя больше не видели.

- Разрешите уточнить, - Игорь набрался смелости и посмотрел в глаза генерала. – На какую должность?

- Начальником разведки мотострелковой дивизии. Поучишься там разведывательному ремеслу. Если в Москве работать не хочешь – на войне работать придётся.

- Есть, - Игорь вытянулся по швам и даже попытался щёлкнуть каблуками. – Но у меня подписка о не выезде.

- Подписку с собой возьми, - посоветовал генерал.– Чтобы никуда из дивизии не выезжал, пока идёт следствие. А теперь уйди с глаз моих.

В квартире было темно.

- Света! – позвал Игорь, разуваясь в коридоре.

Она не отвечала.

- Алиса, включи свет! – сказал он «умному дому», и добавил: - Везде!

В комнатах стал включаться свет. Супруги нигде не было. Часа за два до убытия со службы, Игорь позвонил ей и сообщил о том, что

завтра он уезжает на войну, полагая, что это хоть как-то позволит немного сблизиться со второй половиной, хотя бы для обсуждения наболевших тем. Но, похоже, Света решила от этих проблем самоустраниться.

Телефон её был недоступен.

- В такой момент могла бы уделить мне немного внимания, - в сердцах буркнул он.

Он прошёл на кухню, достал из холодильника бутылку виски, налил в первую попавшуюся кружку, и изрядно отхлебнув, направился в кладовку, где хранилось вещевое имущество. Достав, в первую очередь, огромный военный баул, он стал сбрасывать с полок картонные коробки, открывая их и разглядывая содержимое в поисках того, что могло бы пригодиться ему в зоне боевых действий.

Отправка на войну – это всегда событие. В предшествующие дни твое сознание поглощено сбором и моральной подготовкой, ибо ты никогда не знаешь, вернёшься ты обратно, или тебе предстоит предстать пред Всевышним, погибнув, чаще всего совершенно бессмысленно и нелепо. Обычно родные и близкие в это время становятся ещё роднее и ближе, потому что всегда думаешь, а увидишь ли ты их снова, а они – тебя. Подмечаешь какие-то мелочи, которые ранее казались несущественными, пытаешься закрыть те вопросы, которые ты не закрывал годами. Потому что...

Последние часы тяжестью предстоящей разлуки ещё сильнее давят на сознание. Хочется, чтобы эти минуты растянулись как можно больше, хочется надыхаться друг другом. Но неумолимый ход времени остановить нельзя, и ты это понимаешь, и ты это принимаешь. Каждая минута приближает тебя к войне, и отдаляет тебя от родных, от дома, от привычной жизни.

В глубине души Игорь, конечно, хотел, чтобы Света приняла хоть какое-то участие в этих внезапных сборах, какими бы не складывались их отношения в последние два года. Отношений-то этих не было, были только вечные придирки, упрёки, подозрения. Игорь, конечно, понимал природу такого поведения, но ничего с этим сделать не мог – такие уж разные были у них характеры, учесть которые не захотели «старшие товарищи», поспешившие закрепить коррупционно-служебный союз семейными узами.

Много раз Игорь проклинал тот день, когда женился на Свете, обрекая себя на ежедневные нервные трепки, терпеть которые приходилось только из-за понимания, какую экономическую выгоду ему (и его кураторам) даёт этот союз. Полгода назад Исмаилов чисто по-дружески даже попросил Котлова «потерпеть ещё немного», намекая на то, что нужно было завершить какой-то «большой проект», но терпеть сил не было уже никаких.

Но сейчас, как бы там ни было, только Света была для Игоря родным человеком. Его родители давно покинули этот мир, а братьев и сестёр у него не было. Но... не было сейчас и Светы, которая совершенно точно знала, куда завтра уедет её законный супруг.

Игорь подумал, что она не дала ему никакого семейного счастья, являясь всего лишь элементом экономики. В сущности, у него не было с ней никакой личной жизни, за исключением пары месяцев перед свадьбой. Они ничего не обсуждали по вечерам, как это принято в нормальных семьях – чему виной была пропасть в интеллекте, которым она совершенно не блистала.

Игорь налил в кружку очередную порцию виски. И вдруг он вспомнил запах... той, которая ещё вчера проводила здесь обыск. Какой бы другой была бы жизнь с такой проницательной и умной женщиной, о которой он часто вспоминал последние десять лет.

С ней он бы точно был счастлив.

ГЛАВА 7

Командира мотострелковой дивизии генерал-майора Шмелёва Котлов застал на командном пункте, где тот принимал доклады командиров полков. Улучив момент, Игорь представился:

- Товарищ генерал, полковник Котлов прибыл для прохождения службы, разрешите принять должность?

Усталый взгляд генерала на миг оценил внешний вид прибывшего.

- Меня предупредили о вашем прибытии, - сообщил Шмелёв. – На должность начальника разведки дивизии сегодня утром я назначил капитана Кораблёва, который проявил себя, в отличие от некоторых...

Последние слова были сказаны куда-то в сторону, и Игорь не смог разобрать, были они адресованы ему, или кому-то другому, кто вызывал сейчас у генерала явное отвращение.

- Разрешите узнать, чем прикажете заниматься мне? – спросил Котлов.

- Боевой опыт имеете?

- Так точно! Был в Саратове и на Донбассе.

- Подразделениями управляли?

- Только разведывательными структурами.

- А на кой ты мне тогда нужен? – генерал перешёл на «ты».

Котлов стоял перед ним, переминаясь с ноги на ногу. Ему этот разговор был неприятен, тем более, что в помещении, где располагался командный пункт, находилось много людей, младше его по званию, которые внимательно следили за этим разговором.

- Я – разведчик, - гордо заявил Котлов.

В чистенькой «цифре», гладко выбритый и благоухающий дорожным парфюмом, в данном конкретном месте «разведчик» выглядел настоящим инородным телом. Это было настолько очевидно, что один из сержантов, сидящий за ноутбуком, не выдержав, хрюкнул от смеха.

- М-да... - генерал почесал в затылке. – Поедете в шестьсот шестой полк, заместителем командира полка. Там сейчас огромная нехватка офицеров... - генерал повернулся и крикнул куда-то в сторону

соседнего помещения: - Семёныч, ты «мотолыгу» в шестьсот шестой уже отправил?

- Сейчас пойдёт, - раздалось в ответ.

- Садитесь на МТ-ЛБ и поезжайте в полк, приказ о назначении я оформлю, - сказал Шмелёв. – Ещё вопросы есть?

- Да, - кивнул Котлов. – А где мне разместиться на отдых? Здесь есть съёмное жильё?

Теперь хрюкнули все.

- Поспешите, - ответил генерал. – МТ-ЛБ сейчас уже уедет, и тогда придётся идти пешком через обстреливаемое поле.

За стеной завелась «мотолыга». Игорь направился туда, взвалив на себя свой баул и рюкзак. На заднем дворе он увидел заведённый бронированный тягач, покрытый толстым слоем грязи. Голова механика-водителя торчала из люка. От машины несло терпким запахом солянки.

- Вас надо в полк отправить? – к Котлову подошёл прапорщик.

- Меня, - кивнул Игорь.

Прапорщик открыл люк десантного отсека:

- Размещайтесь.

В люке было темно и грязно.

- Давайте помогу... - прапорщик сноровисто подхватил баул и быстрым движением забросил его вовнутрь. – Залезайте, товарищ полковник. В движении немного будет трясти, так что держитесь там аккуратнее. Если в нас попадут, открывайте люк и выпрыгивайте из машины.

Котлов, слегка набравший вес за годы спокойной службы, уже не мог, как раньше, когда он был лейтенантом, быстро и ловко влезать в боевую технику. Теперь пришлось попотеть.

- Ехать не долго, - сказал прапорщик и захлопнул люк.

Игорь схватился за ручку люка, попробовал её провернуть, чтобы открыть дверцу, но она не проворачивалась. С прискорбием он констатировал, что дверца изнутри не открывается.

В десантном отсеке было темно, и Игорь стал ощупывать пространство, пытаясь определить для себя границы свободного места. Нащупав смотровой прибор, он открыл на нём шторку, и в десантном отсеке стало светлее.

В этот момент МТ-ЛБ резко дёрнулась, и, скрипя гусеницами, начала движение.

«Если в нас попадут, открывайте люк и выпрыгивайте из машины», - билось в сознании. А как выпрыгивать из машины, если люк не открывается?

Грохот двигателя и металлический лязг гусениц при осознании, что машина сейчас идёт через обстреливаемое поле, действовали угнетающе. Замкнутое пространство довершало уничтожение психики, и вскоре Игорь уже чувствовал, что находится на грани истерики, сжавшись в комок, в любую секунду ожидая прилёта противотанковой ракеты. Это будет яркая вспышка, за которой, скорее всего, последует тишина и покой.

Вот здесь и сейчас умирать не хотелось, но вся обстановка говорила за то, что смерть уже расправила крылья и кружит над идущей «мотолыгой», выбирая лишь момент. Котлов очень живо представил себе, как будет выглядеть МТ-ЛБ после попадания ракеты – сгоревший корпус, вокруг которого будут валяться вещи, выброшенные из машины при взрыве... а рядом будет лежать обугленный труп. Его, Котлова, труп. Он будет скрючен в позу эмбриона, как часто бывает, когда живой человек сгорает в огне.

Триплекс прибора наблюдения полностью залепило летящей от гусениц грязью, и теперь Игорь сидел в полной темноте. Двигатель машины то набирал, то снижал обороты, и машина соответственно, то замирала, то снова ускорялась. Всё это продолжалось около получаса, и в какой-то момент Игорь почувствовал, как машина притормозила, а после разворота на 180 градусов, замерла и заглохла.

Пару минут спустя прапорщик снаружи открыл люк.

- Приехали, товарищ полковник, - сообщил он.

Прапорщик с головы до ног был в грязи, так как всю дорогу сидел сверху машины.

- Можно было бы предупредить, что люк изнутри не открывается, - Котлов упрекнул военного, ожидая от него оправданий.

- Открывается, - возразил тот. – Вот же кувалдочка лежит, которой по ручке бить надо, чтобы открылась.

- Об этом нужно было сообщить, - назидательно сказал полковник. – А если бы пришлось покинуть машину?

На этот вопрос у прапорщика ответа не было, впрочем, по его лицу Игорь понял, что тому было совершенно безразлично, выживет полковник в случае попадания в машину, или сгорит вместе с ней. Очевидно, что «мотолыгу» прапорщику было жалко больше, чем старшего офицера.

Вытащив из десантного отсека баул с вещами и рюкзак, Игорь вопросительно посмотрел на прапорщика:

- Где здесь штаб полка?

- А вот, - он указал на разрушенное здание, находящееся метрах в ста. – В подвале.

- Помогите мне донести вещи, - приказным тоном попросил Котлов.

Взяв на плечо рюкзак, он направился к штабу, предоставив прапорщику возможность донести более тяжёлый баул.

Возле входа в подвал курил человек, одетый в потёртый «мультикам». Где-то в стороне работал бензогенератор.

- Полковник Котлов? – спросил он, отбрасывая бычок.

- Так точно, - ответил Игорь.

- Подполковник Игнатъев, командир шестьсот шестого полка, - представился он. – Меня предупредили, что вы приедете.

Офицеры пожали друг другу руки.

- Ваши вещи? – спросил он, кивком головы указав на едва идущего прапорщика.

- Да, - сказал Игорь.

- Семёныч, шевели батонами! Баул кидай в мой закуток!

Прапорщик прошёл мимо них и спустился в подвал. Немного в стороне раздалось несколько взрывов, Игорь дёрнулся, при том, что Игнатъев вообще никак не отреагировал.

- С утра бьют по правому опорнику второго батальона, - прокомментировал командир полка. – Не дают людям там голову поднять.

- Готовят наступление? – спросил Котлов.

- Возможно, - кивнул Игнатъев. – Идём вниз, могут и по нам отработать, только что над нами «птичка» летала.

- А сколько здесь до передовой? – спросил Игорь, спускаясь по лестнице в темноту.

- По-разному, - ответил командир. – Как таковой ни у нас, ни у них стабильной обороны нет. Они действуют мобильными группами, мы вынуждены отвечать тем же... сейчас я вам всё покажу и расскажу.

В подвале они прошли по центральному коридору, освещённому несколькими лампочками, минуя комнаты, отведённые под хранение различного имущества, в том числе боеприпасов. Затем свернули в одно из подобных помещений, где, как понял Котлов, размещался командный пункт полка.

Здесь находились три офицера – начальник штаба, начальник связи и начальник артиллерии полка. Все они сидели вокруг стола, на котором была расстелена карта.

- Знакомьтесь, - сказал командир полка: - Полковник Котлов. Прибыл к нам в качестве офицерского усиления...

Каждый из офицеров пожал ему руку, называя себя по имени или позывному, но Котлов с ходу не запомнил их, так как в этот момент его внимание привлёк флаг «Правого сектора», висевший на стене, к которому булавками были подколоты различные шевроны украинских вооружённых сил.

- Трофей? – спросил Игорь.

- Да, - кивнул командир. – На прошлой неделе взяли...

Среди шевронов он заметил эмблему 61-й егерской пехотной бригады.

- О, сталкивался с этой бригадой, - сказал Игорь, желая показать присутствующим своё разведывательное прошлое.

- Где? – спросил начальник штаба.

- В разведывательных сводках, - ответил Котлов.

- А мы с ней вон там, за холмом, ежедневно сталкиваемся, - сказал собеседник.

Командир пододвинул табурет и сев за стол, посмотрел на начальника связи:

- Саня, сделай гостю кофе, пожалуйста.

Затем он взял с карты карандаш и постучал им по столу, обращая внимание Котлова.

- Текущая обстановка следующая, - он ткнул кончиком карандаша в карту. – Полк занимает полосу обороны шириной сорок километров, имея от населённого пункта Нижний Лес до населённого пункта Котельное восемь взводных опорных пунктов. В качестве подвижного

резерва полк имеет танковую роту в составе двух танков, мотострелковый взвод на двух БМП и взвод ПТУР на двух автомобилях УАЗ-пикап «полбуханки». Полк располагает двумя гаубичными батареями Д-30, всего пять орудий, двумя «Градами», также нам придан взвод из двух гаубиц «Гиацинт-Б» - это наш главный калибр.

По мере доклада командира полка, глаза Котлова расширились всё больше и больше. Перехватив его удивление, Игнатъев спросил:

- Что-то не так?

- Сорок километров? – Игорь выразил удивление, намекая, что он знаком с уставными требованиями, определяющими ширину полосы обороны полка. – Это же не по уставу...

Присутствующие офицеры засмеялись.

- Мне приходилось когда-то читать устав, - на лице командира полка не дрогнул ни один мускул. – Там сказано, что взвод обороняет опорный пункт шириной четыреста метров, рота – до полутора километров, батальон обороняет полосу до пяти километров, а полк, соответственно, по числу своих батальонов, выставленных в первом эшелоне. В уставе также написано, что командир, принимая решение, должен руководствоваться данными разведки, и соответствующим образом распределять имеющиеся силы. Сейчас мы имеем то, что имеем – какие-то выродки перед началом СВО докладывали нашему мудрому руководству о том, что здесь, на Украине, армия не встретит никакого сопротивления, а пройдет победным маршем до самого Киева. Соответственно, в план операции были внесены сведения, не соответствующие действительности, и в реальности мы пошли на врага не теми силами, какие были нужны, а гораздо меньшими. Мало того, что меньшими силами, но мы ещё и резервами не располагаем. Построение обороны, - Игнатъев провел карандашом по рубежу, поднятому красным цветом, - выполнено в один эшелон. В обороне мы имеем огромные дыры, прикрыть которые нечем. Понесённые в боях потери привели к тому, что на взводных опорных пунктах у меня сидит по десять-пятнадцать человек, менять которых нечем. Техника практически вся выбита, люди измотаны, а враг, в свою очередь, бросает в бой свежие резервы. Как, например, напротив нас стоит 61-я егерская бригада, в самый канун войны пополненная до штатов военного времени.

Котлов слушал, и не верил своим ушам. Он, конечно, полагал, что бардака здесь он встретит немало, но когда оказалось, что бардак был вызван изначально неверными решениями, принятыми на основании докладов разведки, ему всё больше и больше становилось не по себе. Здесь как-то по-особенному ярко становилось понятно, насколько важна была лично его работа, и в какие серьёзные последствия вылилось отсутствие должной работы, как таковой.

- БЧС полка? – спросил он.

- В строю триста сорок штыков, - ответил Игнатъев. –С начала операции на сегодняшнее утро реально мы имеем двухсотыми восемьдесят шесть человек, трехсотыми триста пять, четырехсотыми сто двенадцать и пятисотыми шестьсот двадцать. От танкового батальона осталось шесть танков. В двух мотострелковых батальонах осталось тринадцать БМП и четыре МТ-ЛБ. Артиллерия тоже практически вся выбита, при том, что без неё тут вообще никакие вопросы не решаются. Приданные нам «геноциды» работают круглосуточно, на них уже накатники текут, да стволы скоро без нарезов останутся.

Осознание масштабов трагедии стало накатывать на Игоря всё сильнее и сильнее. Он растерянно посмотрел на офицеров:

- Как же так?

- Но это, товарищ полковник, ещё не всё, - Игнатъев указал карандашом изломанную голубую линию на карте: - Вот видите, река Дончанка. На послезавтра нам поставлена задача форсировать её в трёх местах, захватить на том берегу плацдарм и удерживать его до прибытия свежих сил.

- Какими силами? – спросил Котлов. – Дивизия что-то даст?

- Держите карман шире, - порекомендовал Игнатъев. – Шестьсот шестой полк должен сделать это своими силами. Такова воля командующего группировкой.

- Но в полку же нет людей!

- Товарищ полковник, - командир полка внимательно посмотрел на Котлова. – Вы как не из нашей армии. Вы, часом, не американский шпион? Вы же понимаете, что в штаб группировки не докладывается информация о четырёхсотых, которые ещё могут найтись, а значит и не следует поднимать панику, и пятисотых, за которых других

командиров со своих должностей очень быстро снимают. Вы что, думаете, наш комдив хочет, чтобы его сняли с должности?

- Но это же... - Котлов всё больше проникался реальностью. – А чем тогда воевать?

- А это никого не волнует. Воюем, тем, что есть.

- Мы же обрекаем людей на заведомую гибель! Три направления форсирования – это сколько нужно людей? При том, что в полку осталось триста человек? Это же совершенно бессмысленно пытаться форсировать реку такими небольшими силами – нам даже не дадут переправиться, или скинут в реку сразу после закрепления на плацдарме... а ведь ещё и оборонительные рубежи держать надо!

- В группировке уверены, что в полку более тысячи человек.

- А техника? Про неё что, тоже не докладывается?

- Докладывается, - кивнул Игнатъев. – Но медленно. Чтобы никого в верхних штабах не удивить и не расстроить. Или вы думаете, что списание топлива осталось там, за ленточкой?

- Устав требует, если подразделение не готово к выполнению боевой задачи, доложить об этом командиру, - напомнил Котлов.

- Допустим, - кивнул Игнатъев. – Доложили. А дальше-то что? В уставе же не сказано, что такой доклад автоматически отменяет поставленную задачу. Задачу с нас всё равно никто не снимет.

- Это не война, а какой-то бардак...

- К чему мы шли долгие годы, - резюмировал командир полка. – Результат реформ «нового облика», который сейчас компенсируется кровью наших пацанов. Два месяца назад я был комбатом. Но как началась война, командир полка сбежал, и меня поставили на его место. А знаете, какой он был требовательный и педантичный в мирное время? И как вся эта шелуха с него слетела, когда мы в первые дни здесь вляпались в настоящую мясорубку.

Игорь некоторое время молча пил приготовленное ему кофе, пребывая в лёгком шоке от ознакомления с действительностью.

- Чем я могу быть полезен? – наконец спросил он.

- Ну, как минимум – не мешайте мне воевать. А как максимум – в течение нескольких дней вы и сами определитесь в этом вопросе.

- Спасибо за откровенный ответ, - кивнул Котлов.

Ближе к вечеру старшина одной из рот выдал Котлову разгрузку, бронежилет, шлем, пистолет, автомат и четыре магазина. На вопрос

полковника, где нужно расписаться в получении, старшина только отмахнулся:

- Ничего не надо, носите на здоровье.

На бронежилете Игорь разглядел бурые пятна.

- Это что, кровь?

- Не обращайтесь на это внимание, товарищ полковник, - посоветовал старшина. – У меня новых бронежилетов нет, остались только такие... третьей категории. Вам что лучше – с бронёй, или без неё?

В выделенном углу Игорь раскрыл свой баул и вытащил оттуда кучу шмоток, которые он прикупил во всяких военных и не военных магазинах по пути на войну: термобельё, носки, перчатки, газовые баллоны, два блока с сигаретами, сублиматы, котелок, кружку, две бутылки коньяка, влажные салфетки и многое другое.

Вечером командир полка пригласил Котлова к столу, который был выполнен в виде составленных снаряжных ящиков. На общий стол Игорь выложил копчёную колбасу, сало и пару банок с черной и красной икрой – присутствующие одобрительно заулыбались. Игорь буднично выставил на стол коньяк. Командир подмигнул начальнику штаба и тот принял на себя обязанности котлового, разливая коньяк по металлическим, керамическим и пластиковым кружкам.

- Давайте, мужики, за победу, - сказал Игнатъев. – Я верю, что она обязательно будет, хотя мы, скорее всего, её не увидим.

Офицеры чокнулись и выпили. Пайковые галеты с черной икрой оказались более экзотическим блюдом, чем мог предложить даже самый элитный московский ресторан.

Ночью командир второго батальона доложил, что наблюдатель одного из опорников обнаружил выдвижение крупных сил пехоты, до двух взводов, которые шли налегке, без техники, намереваясь застать врасплох сидящих на ВОПе бойцов. Игнатъев поднял артиллерию, «Грады» накрыли поле, где были обнаружены цепочки людей. Самым краем пакет зацепил вражескую пехоту, заставив их отказаться от своих намерений.

- У меня в полку есть всего три рабочих тепловизора, - сказал Игнатъев. – Я их лично распределяю по взводам, в зависимости от

угроз ночных атак. Вот, сегодня не прогадали. Цели были обнаружены и накрыты.

- А связь чем держите? – Игорь задал вопрос, который интересовал его ещё со вчерашнего дня.

- Китайскими «Баофенгами», - ответил командир полка. – Офицеры и контрактники закупили себе, буквально перед операцией. И сейчас вся радиосеть выстроена практически на них...

- А как же наши «Азарты»? – удивился Котлов.

- Вы сейчас хотите дискредитацией нашей армии заняться? – уточнил Игнатьев. – Пожалуй, не стоит...

- Понял, - кивнул Игорь.

Весь следующий день шла подготовка к форсированию Дончанки, со всех оставшихся подразделений Игнатьев собрал шестьдесят человек, которым были отданы два танка, шесть БМП и одна МТ-ЛБ с установленной на ней 23-мм зенитной пушкой ЗУ-23-2. Согласно разработанному плану, форсирование водной преграды должно было пройти на двух направлениях, на третьем Игнатьев решил только обозначить попытку и предупредил командира взвода, назначенного старшим в эту группу, чтобы тот максимально правдоподобно имитировал попытку форсирования, оттягивая на себя внимание противника.

Механикам-водителям БМП была поставлена задача подготовить свои машины к преодолению водной преграды, возможно, вплавь. Бойцов досыта покормили горячей пищей, изыскав такую возможность, и рассредоточили по лесопосадкам в исходных районах.

Ночью оба танка, оглашая темноту свистом турбин и лязгом гусениц, были выведены на огневые позиции, обеспечивающие обстрел окрестностей переправ. С наступлением утра, ещё в сумерках, боевые машины пришли в движение. От исходного района до назначенных мест форсирования им необходимо было пройти порядка двух-трёх километров.

Одна колонна была обнаружена практически сразу и по ней начала работать вражеская артиллерия. Увеличив скорость движения, три БМП и МТ-ЛБ с «зэушкой» проскочили участок заградительного огня, и вышли к переправе. Первая машина, не останавливаясь, сходу вошла

в воду. Ширина реки в этом месте не превышала пятнадцати метров, но противоположный берег оказался более обрывистым, чем можно было оценить с разведывательного «Элерона». На плаву БМП уткнулась носом в берег, но не смогла выйти из воды, и её стало разворачивать течением. Попытки механика-водителя хотя бы развернуть машину для возвращения на свой берег успеха не имели, а так как машина текла со всех щелей, вскоре она опустилась на грунт, двигатель заглох. Из воды торчала только башня с высоко поднятой пушкой. Мокрый десант стоял на крыше, не зная, как им спастись.

Остальные остановились на урезе воды. Командир группы доложил Игнатьеву о своём положении, но командир полка не успел ничего предпринять – вражеская артиллерия начала обстрел переправы. Находящиеся на затопленной БМП люди стали сбрасывать с себя снаряжение и прыгать в холодную апрельскую воду, те, кто был на берегу, спасаясь от огня артиллерии, рванули обратно.

Вторую колонну накрыли миномётами возле переправы. Одна мина попала прямо в БМП. Группа так же была вынуждена вернуться.

Лучше всех отработала демонстрационная группа, которая из всех сил имитировала переправу, но так и не была обнаружена противником. Танки вообще не сделали ни одного выстрела, так как в течение всего сражения не увидели ни одной цели.

Котлов всё это действие практически в режиме реального времени наблюдал, находясь на командном пункте полка, слушая доклады и глядя на карту. К вечеру Игнатьев подвёл итоги: убитыми полк потерял тринадцать человек, шестеро были ранены, ещё четверых бесследно унесло потоком воды, и во время их поиска был утрачен последний имеющийся в полку разведывательный БПЛА «Элерон». Потери в технике составили две БМП – одна была полностью уничтожена прямым попаданием 120-мм мины, другая стояла по башню в реке, и достать её пока не представлялось возможным. В докладе командиру дивизии прозвучала только одна БМП, трое убитых и шесть раненых. Тела десяти человек, погибших при попадании мины в БМП, из-за продолжающегося обстрела забрать не удалось, а раз так, то, пока тел не было «в наличии», в список потерь их вносить не стали.

- А как же родственники? – наивно спросил Котлов.
- Вы о чём? - усмехнулся Игнатьев.
- Их же надо оповестить.

- Обойдутся. Пусть вон, телевизор смотрят. Верят в нашу скорую победу.

Игорь обратил внимание, что Игнатъев вообще никак эмоционально не реагировал на человеческие потери, понесённые полком. Он словно абстрагировался от осознания того, что погибли люди – во многом, по вине командиров, пославших их на заведомый убой. По его личной вине.

Но это работала огромная машина войны, огромный механизм, в котором он был всего лишь небольшой шестерёнкой, проворачивающейся ровно настолько, насколько её провернёт более сильная шестерёнка. Ему сверху приказали имеющимися силами провести форсирование реки и захватить плацдарм – он это сделал. Он не отказался выполнить приказ, он всего лишь не достиг поставленной цели, а это уже другое. Сказано же в боевом уставе, что «упрёка заслуживает не тот, кто в стремлении уничтожить врага не достиг поставленной цели, а тот, кто проявил бездеятельность, нерешительность и не использовал всех возможностей для выполнения поставленной задачи». Игнатъев был тем, кем он должен был быть, и обладал теми качествами, какими должен был обладать. Бессмысленный и ничем не обеспеченный приказ он выполнил, доказав лишний раз своему руководству, что он исполнительный офицер.

Парадигма войны заключается в необходимости признавать, и даже включать в тактические расчёты, тот факт, что при решении боевых задач будут гибнуть люди. Гражданское общество, далёкое от войны, не способно принять такую реальность, в которой человек и его единственная жизнь выступают в роли расходного ресурса. И не должно принимать.

Потому что достижение каких-либо целей через смерть людей – это противоестественное состояние человечества. Но человечество живёт этим ровно с той минуты, когда структура общественного строя позволила разобщить людей на классы – высший, средний и низший. Когда эволюция диктата достигла уровня, при котором высший класс для достижения своих целей, мог без объяснения истинных причин отправлять в сражения низшие слои, смерть которых провозглашалась как смерть во имя всего общества. Несогласие отдельных представителей низшего слоя с такой постановкой вопроса

объявляется ересью и предательством, а от массового народного несогласия, которое может вылиться в импичмент высшей власти, удерживает лишь то обстоятельство, что заявленные цели высшего слоя не должны сильно отличаться от чаяний низшего слоя. Иначе будет хаос. В мире успешны лишь те государства, где правительству удаётся соблюсти баланс интересов со своим населением, сохраняя над народом допустимый контроль.

И вот сейчас, командир полка подполковник Игнатъев, в рамках вверенного ему подразделения, совершенно обоснованно причислял себя к тому слою общества, которое имеет право направлять людей, а вернее вверенный личный состав, на выполнение боевых задач. Проще говоря – бросать людей на смерть. Задумываться о сбережении жизни подчинённых командир всецело обязан, но не в формате лирически-философских отступлений, а с целью сохранению имеющихся у него ресурсов. Именно поэтому подполковник Игнатъев воспринимал человеческие потери примерно так же, как потери в неодушевленной боевой технике. Тем более, что в перспективе ему могли восстановить боеспособность полка – введя в состав новую технику и новых людей.

Единственное, что не давало обществу право осуждать подполковника за такое черствое отношение к человеческим жизням, было то, что он не менее других рисковал жизнью собственной, находясь в боевых порядках, под ежедневными вражескими обстрелами.

Котлов понял, что он мысленно перестал осуждать Игнатъева за такое показное поведение, и стал примерять на себя его обязанности – а как бы он сам реагировал, если бы люди, которых лично он направил на выполнение боевой задачи, понесли бы такие огромные потери.

Пребывание Котлова в шестьсот шестом полку ограничилось пятью днями, после чего его вызвал к себе командир дивизии генерал-майор Шмелёв.

- Ну что, полковник, осмотрелся?
- Так точно, товарищ генерал, - ответил Игорь.
- Из места постоянной дислокации сегодня прибывает третий батальон шестьсот шестого полка. В общем, принимай, и включайся в работу.

- А в батальоне что, нет командира? – спросил Котлов.

- Был, - ответил генерал. – Но пока батальон сюда добирался, он сбежал. Вместе с замполитом. Их, конечно, ищут, но работать кому-то надо.

- Какие будут первоочередные задачи?

- Форсировать Дончанку на трёх направлениях, - сказал Шмелёв. – Нам нужен плацдарм на той стороне.

- Товарищ генерал, я видел, как шло форсирование. Для успеха там нужна инженерная поддержка. Танковые мостоукладчики, или даже понтонный мост...

- Полковник, - генерал посмотрел на Котлова. – Ты если такой умный, иди в Генштаб работай. А здесь мне дело делать надо, а не лясы точить.

- Я там и работал, пока меня сюда... не сослали.

- Всё, разговор окончен, иди – принимай свой батальон. Я посмотрю, как ты им рулить будешь. Если нормально, тогда сто пятый полк тебе отдам. Иди, проявляй себя. Будет батальон на том берегу Дончанки – получишь орден.

Начальник штаба дивизии был ближе к проблемам и «успокоил» Котлова.

- Да ты не дёргайся, - посоветовал он. – Думаешь, если бы у нас было нормальное инженерное обеспечение, мы бы его не использовали? У нас его просто нет. Кто-то при планировании всей этой операции, наверное, не увидел на карте эту речку. А инженерный батальон в нашей дивизии перед войной развернуть ещё не успели...

- А как воевать? Там реально БМП не могут на тот берег выйти. Слишком он крутой, примерно метр высотой.

- Ну, ты же понимаешь... что если нет возможности действовать, то хотя бы сделай вид... - начальник штаба дивизии широко улыбнулся. – И всем будет хорошо.

- Здравствуйте товарищи!

Котлов стоял перед строем прибывшего батальона, в котором людей было примерно половина от штатной численности.

- Здрав... жлав... тц... полковник! – вразнойбой ответил батальон.

Игорь поморщился – «не орлы».

Только половина батальона была одета в уставную «цифру», остальные - кто во что был горазд, перед командировкой набрав по магазинам более удобную форму.

- Командиры подразделений – ко мне.

Перед Котловым собралось шесть офицеров. Все они были одеты в разные куртки, коммерческую обувь, были обвешаны неуставным снаряжением.

- Побег вашего командира не красит вас всех, - Игорь сразу решил забить в своих подчинённых глубокое чувство вины, тем самым оправдывая будущие репрессии, которые могут последовать в случае, если батальон не проявит должного рвения к выполнению поставленных боевых задач. – Я командир справедливый, но решительный. Сидеть на моей шее никто из вас не будет. А теперь прошу вас представиться.

Офицеры по очереди назвали себя и свои должности. Перед ним стояли начальник штаба батальона, командиры первой и второй мотострелковых рот, командир танкового взвода, командир миномётного взвода и командир взвода связи.

- Начальник штаба, останьтесь со мной, командирам рот и отдельных взводов – технику поротно и повзводно выстроить там и там, - Котлов рукой указал направления на свободные поляны за дачным посёлком, в котором они находились, - людей разместить по домам. Наши улицы эта и эта. Через час доложить. Разойдись.

Капитан Денис Жаров остался стоять на месте, когда остальные пошли по своим подразделениям.

- За мной, - Котлов направился к одному из домов, который ему отдали жившие там связисты дивизии – там была печка и два дивана, вынос которых Котлов успел пресечь в последний момент.

В доме Игорь сел за стол и предложил сесть капитану. Тот сел напротив.

- Докладывайте, - предложил Котлов. – Что мы имеем в батальоне?

- Товарищ полковник, - Денис достал из планшета рабочий блокнот и карту. – В месте дислокации, на базе третьего мотострелкового батальона, была сформирована лёгкая батальонно-тактическая группа в составе: две мотострелковые роты, в первой роте три взвода, во второй два, танковый взвод на четырёх танках, взвод 120-мм миномётов, четыре штуки, взвод связи, хозяйственный взвод,

медицинский пункт, отделение снайперов, зенитное отделение, противотанковое отделение – два ПТРК «Фагот». Личного состава – двести семьдесят человек, в том числе двадцать офицеров, десять прапорщиков.

- Почему так мало? – спросил Котлов.

- Пятисотые, - объяснил Жаров. – Очень много народу написало рапорта и уволилось, как только в начале года стало понятно, что будет война. А когда пошли первые потери, эти трусы прямо бегом из армии побежали. Сейчас имеем тех, кто остался. Самых устойчивых.

- С боевым опытом люди есть?

- Да, человек двадцать.

- Вы?

- Был в песках в прошлом году.

- Что закончили?

- Благоу.

- Капитан, нам завтра к двадцати часам нужно доложить о форсировании Дончанки.

Жаров развернул карту, пару минут смотрел на неё, прокатился курвиметром.

- Это не реально, товарищ полковник, - резюмировал капитан.

- Почему нет? – Котлов понял, что в его интонации прозвучали нотки Шмелёва.

- Мы по времени не успеваем вообще никак.

- Вы, товарищ капитан, должны сейчас не оправдания искать, а предлагать способы решения поставленной задачи.

Жаров хмыкнул, раскрыл блокнот и стал в нём рисовать формулу:

- Вот смотрите, товарищ полковник. Расчётная скорость движения колонны нашего батальона – двадцать три километра в час – это я сегодня специально замерил. Быстрее ехать мы можем, допустим, если бросим тылы. Но не более тридцати пяти километров в час. Ехать нам, судя по карте, сто сорок семь километров – это до Дончанки, по имеющимся дорогам. Затем... вот время вытягивания колонны, вот время втягивания в назначенном районе. Это не менее десяти часов. Кроме того, мы прибыли без боекомплекта, нужно время на его погрузку в боевые машины – это, как показывает практика, не менее двух часов, а с учётом того, что обязательно так случится, что придётся кого-то ждать, то и все четыре-пять. Кроме того, запас ГСМ в

баках, не более ноль-три заправки, следовательно, нам нужно заправить весь батальон – конечно, это можно делать одновременно с погрузкой боекомплекта. По боекомплекту, опять же – полученные боеприпасы необходимо распаковать, набить ленты, а это – время. Ещё нюанс, сегодня мы уже без пищи, следовательно, нам нужно получить сухие пайки, а я даже не понимаю, где это делать. И самое главное – люди не спят уже пятые сутки. Механики-водители засыпают на ходу. Пока мы сюда ехали, было три случая схода гусеничных и колёсных машин с дороги – из-за засыпания водителей. Людям нужно отдохнуть. Как только мы решим все эти вопросы, мы сразу сможем приступить к выполнению боевых задач.

Капитан замолчал. Сейчас он сидел и смотрел на полковника своим дерзким взглядом, требуя от командира решения всех озвученных проблем.

- Вы хотите мне сказать, что батальон не готов к решению задач?

- Так точно, товарищ полковник. Ровно до того момента, пока перечисленные вопросы не будут решены.

Если честно, то Котлов даже представить себе не мог, насколько широкий круг вопросов мог лежать в поле ответственности командира батальона. Вдруг он понял, что в таком немаленьком коллективе «само по себе» ничего не делается, всё это необходимо принять под своё руководство, определить способы решения, назначить ответственных, обозначить сроки, выделить ресурсы...

Это понимание сильно охладило его пыл, и он воспользовался универсальным способом снять с себя ответственность.

- А вы, товарищ начальник штаба батальона, для чего свою должность занимаете?

Жаров видимо ожидал нечто подобное от целого полковника, которого почему-то поставили на подполковничью должность, которую обычно занимают майоры.

- Товарищ полковник, вы раньше батальонами командовали? Или ротами?

- Я сюда направлен из Генерального Штаба, где занимал должность старшего офицера одного из управлений! – с пафосом сообщил Котлов. – Не надо мне здесь давить на гниль. Я через это много раз проходил.

- То есть, не командовали? – уточнил Денис.

- Капитан, как вы смеете со мной разговаривать в таком тоне? – Игорь подскочил.

Жаров остался сидеть, тем самым демонстрируя полковнику своё к нему отношение.

- Голосом, товарищ полковник, вы свой авторитет в войсках не заработаете, - дерзко сказал капитан.

- И что вы предлагаете? – Игорь понял, что капитан тысячу раз прав, и что голосом никаких вопросов тут не решить – нужно было заканчивать эту минуту слабости.

- Я подготовлю соответствующие распоряжения, - примирительно сказал Жаров. – А вы, если можете, уточните в дивизии, где нам получать все виды довольствия. Пожалуйста.

- Хорошо, - кивнул Котлов. – Я выясню этот вопрос.

Он уже понял, что капитан этот – специалист своего дела, и как управлять батальоном – он знает лучше Котлова.

Так как здесь ещё действовала сотовая связь, Котлов вышел на улицу и вызвонил начальника штаба дивизии, которому задал вопросы по обеспечению всеми видами довольствия.

- Полковник, - ответил НШ дивизии, - не морочь мне голову. Отправь в штаб своего заместителя, пусть он тут сам по службам ходит, и всё выясняет. Не барское это дело, вникать в проблемы холопов...

- Какой ты жестокий мерзавец, - расхохотался в трубку Котлов, который с первой минуты общения с начальником штаба дивизии разглядел в нём родственную душу. – Но у меня сроки...

- Да забей на них, - посоветовал собеседник. – Никто про них не вспомнит. Наверное...

- Спасибо!

- Будешь должен, - расхохоталась трубка.

Игорь вернулся в дачный домик.

- Жаров, бери «Урал» и двигай в дивизию. Все службы тебя ждут.

- Есть, - Денис поднялся.

Котлов почувствовал, что в этот момент он всё же прогнул капитана. Не авторитетом своим, конечно, а должностью и званием, но всё же.

Вскоре в домик явились командиры рот и взводов. Вначале они доложили о размещении техники и людей, потом полезли со своими

проблемами, выслушивая которые Игорь пару раз зевнул.

- Определите график отдыха людей, - приказал Котлов. – Возле техники выставить караулы, по улице пустить парный патруль. Сейчас начальник штаба в дивизии решает вопросы с пополнением запасов, как что-то будет понятно, дам команду на погрузку. А теперь отдыхайте.

Офицеры, посчитав совещание законченным, встали.

- И ещё, - Котлов обратился ко всем. – Пригласите ко мне командира хозяйственного взвода.

Вскоре пришёл старший прапорщик Кустов, крупный мужчина лет пятидесяти.

- Вызывали, товарищ командир?

- Товарищ старший прапорщик, - Котлов постарался придать своему голосу строгое выражение. – Вот у вас тут целый полковник батальоном командует, а он даже не знает, на чём он ездить будет.

- Я выделю вам машину, - кивнул командир взвода. – УАЗ – пикап. «Буханка» с кузовом, то есть, получается, «полбуханки». Только...

- Что?

- Иногда буду забирать под нужды взвода.

- Другой машины нет?

- Да нам эту-то с боем дали.

- Хорошо, - кивнул Котлов. – И ещё. Мне нужен помощник.

- Денщик? – прямо спросил старший прапорщик.

- Ну, да. Типа того. Дежурный по штабу.

- Я понял, - кивнул взводный. – Назначим. Есть у меня водитель один, полевую кухню возит. Машина больше на месте стоит, чем ездит. Вот вам его и отдам. Но опять же, с условием, что если понадобится, он будет возить кухню.

- Договорились, - согласился полковник.

Жаров вернулся ночью, а через час из дивизии пришла транспортная колонна с заправщиками. Общая заправка уже подходила к завершению, и Котлов даже начал было радоваться, что всё прошло без происшествий, как какой-то великовозрастный недоумок решил закурить, будучи в пятнах бензина и соляры. Польшнул и он, и

заправляемый им КамАЗ. Водитель заправщика, уже опытный в этих делах, успел отогнать свою машину от очага воспламенения.

Загоревшегося нарушителя техники безопасности успели потушить с минимальными потерями – у него только обгорело лицо и кисти рук. Бедолагу, после обработки ожогов в медпункте батальона, отправили в ближайший военный госпиталь. А вот КамАЗ с имуществом миномётного взвода сгорел полностью – буссоли, коллиматоры, лазерные приборы разведки, радиостанции, миномётный ЗИП – теперь ничего этого у миномётчиков не было.

Утром пришла колонна со снарядами для танков, ещё через три часа – с патронами для стрелкового вооружения, а снаряды к автоматическим пушкам для БМП привезли только вечером. Ручных гранат, гранат для АГС, миномётных мин и противотанковых ракет так и не привезли. Утром следующего дня привезли сухие пайки из расчёта на трое суток. При выгрузке выяснилось, что в реальности пайков было в два раза меньше. Попытка объяснить со снабженцами привела к пониманию, что следующих пайков вообще может не быть.

- Вы уже переправились через Дончанку? – генерал позвонил Котлову на сотовый.

- Завершаем подготовку к форсированию, - доложил Котлов.

- К вечеру жду докладов о выполнении, - сказал Шмелёв и отключился.

Игорь стал торопить своих командиров подразделений с докладами о готовности к совершению марша, но так как все уже, глядя на происходящее, в достаточной мере прониклись необязательностью, в ответ он слышал только «уже скоро», «осталось немного» и «почти готовы, тц командир».

Появился Денис Жаров.

- Товарищ полковник, практически мы готовы к началу марша, минут тридцать ещё надо второй роте, - доложил он. – Там в двух БМП проблемы с движками. Устраняют.

- Хорошо, - кивнул Котлов.

- Разрешите уточниться по форсированию, - спросил Жаров.

- Что именно?

- Пока мы будем в движении, я с помощником займусь разработкой плана операции.

- Хорошо, - кивнул Игорь, полагая, что вопрос стоит только в разрешении.

- Мне нужно понимать обстановку в районе переправы, какими данными о противнике располагает разведка шестьсот шестого полка в полосе наших действий, нужна детализация по противнику до взвода включительно, опорные пункты, отдельные огневые точки, рубеж вероятной встречи с врагом, какими данными о противнике располагает старший начальник. Нужно понимать, как мы взаимодействуем с артиллерией полка, с соседом справа и соседом слева, какие используются сигналы взаимного опознавания, скрытного управления, нужны частоты для создания единой радиосети, надо понимать, в рамках какого замысла мы вообще действуем...

Жаров на миг замолчал, чтобы перевести дух.

- Это всё? – спросил Котлов.

- Нет, ещё нужен план огневого поражения противника по периодам – подготовки к атаке, поддержки атаки. Мне нужно понимать, кого мы бьём своими силами, кого – приданными артиллерийскими подразделениями. Нам нужно сформировать группу планирования и контроля огневого поражения...

- Стой, капитан, - Игорь замахал руками. – А что, нельзя вот просто так подойти, перебраться на ту сторону, и доложить генералу о выполнении задачи?

- Ну, если мы хотим положить людей, позволить врагу сжечь нашу технику, потерять в итоге батальон, то да – можно.

- Да я же не это имею ввиду, - сказал Котлов.

- А я – это, - жестко ответил Жаров.

- Капитан, ты же понимаешь, что ничего этого я тебе предоставить не могу. Потому что ничего этого нет ни у кого. Ты в курсе, что шестьсот шестой полк держит фронт шириной сорок километров, а в полку осталось всего триста человек?

- Что вы такое говорите... - Денис действительно был удивлён. – Неужели...

- Вот представь.

- Да это же... преступление!

- Вот это вот всё, - Котлов взмахом руки очертил круг. – Это всё – одно большое преступление!

- Вы же, товарищ полковник, сами из Генштаба... и тоже так считаете?

- Потому и считаю...

- И что нам делать?

- Нам? Мы же военные. Нам нужно выполнять приказы командования. Причём – беспрекословно. Мы же не знаем всего замысла. Может быть, так надо, чтобы здесь один полк был растянут на сорок километров...

- Ясно, товарищ полковник. Я всё понял. Разрешите идти, мне ещё нужно вторую роту проконтролировать.

- Я вас не задерживаю.

Марш батальона начался с того, что в танковом взводе зазевавшийся механик-водитель насмерть раздавил своего командира взвода. Труп завернули в чёрный пластиковый пакет, которых на батальон выдали больше сотни, и на одной из двух имеющихся «буханок» отправили в ближайший госпиталь. Командиром танкового взвода назначили одного из командиров танков.

Примерно за час до прибытия в назначенный район, Котлову позвонил генерал – сотовая связь ещё брала:

- Товарищ полковник, доложите о выполнении задачи!

- Прибыли в назначенный район, - сообщил Котлов. – Готовимся к атаке.

- Ты должен был туда прибыть сутки назад! – заорал генерал. – Полковник! Сутки! Назад!

- Мы получали боезапас, товарищ генерал! – это было уважительное оправдание, которое могло снять часть обвинений.

- Полковник, в девять часов утра ты мне докладываешь о захвате плацдарма. Всё понятно?

- Товарищ генерал...

- Слушай, полковник, ты не зли меня. Если ты не хочешь отправиться обратно под следствие, ты завтра мне доложишь о форсировании Дончанки. Ты меня правильно понял?

- Так точно, - упавшим голосом ответил Котлов.

Игорь почувствовал, как задрожали у него руки. Он только сегодня в своих мыслях осторожно допустил, что ему предоставили шанс получить некую индульгенцию за свои коррупционные махинации, и

вроде бы у него даже стало это получаться, как Шмелёв очень больно вернул его на землю.

Котлов перезвонил начальнику штаба и аккуратно поинтересовался причиной такого агрессивного поведения генерала.

- Игорь, да тут кошмар, что происходит, - полушёпотом говорил ему начальник штаба дивизии. – Приехало пять генералов из Москвы, требуют больших побед, а у нас, в дивизии, чем победы делать? Нигде людей нет. Техники нет. Только твой батальон сейчас на что-то способен. Дай ты уже ему этот результат. Обрадуй стариков. А то они сейчас тут сидят в штабе, пьют, орут друг на друга.

- Да я ещё в пути! Мне ехать и ехать!

- И что из этого! Докладывай ему, что начал форсирование, идёт продвижение. Только не по телефону, чтобы он фотоотчётов не попросил, - научал собеседник.

- Ага, понял, спасибо! С меня поляна.

- Уже две, - напомнил начальник штаба. – Но утром ты всё же форсируй реку.

- Сделаем, - Игоря стало отпускать.

В район, определённый Игнатьевым, голова колонны прибыла в двадцать часов. Втягивание колонны заняло ещё час.

- Технику и палатки с личным составом нужно максимально рассредоточить, - подсказал Жаров. – Чтобы нам тут одним ударом весь батальон не вынесли...

- Ты сам будешь бегать и смотреть, чтобы они не нажрались без командирского присмотра? – спросил Котлов. – Никаких рассредоточений! Всю технику ставим здесь, палатки – здесь. Весь батальон должен быть на виду!

- Но...

- Никаких «но», капитан! – Котлов повысил голос.

- Я предупреждал... - буркнул Денис.

Когда взвод связи развернул станцию, Котлов тут же вышел на комдива.

- Товарищ генерал, докладываю! – бодрым голосом забасил Котлов. – Два взвода закрепились на том берегу Дончанки, ведём бой за удержание плацдарма.

- Что-то я не слышу никаких выстрелов, полковник, - усомнился Шмелёв.

- Я на кэпэ полка, отсюда не слышно, - нашёлся Котлов.

- Пригласите к аппарату подполковника Игнатьева, - потребовал генерал.

- Пять минут, товарищ генерал!

Игорь выскочил из аппаратки, дёрнул проходящего мимо бойца:

- Беги к тем развалинам, там, в подвале, есть такой подполковник Игнатьев, командир полка, скажи, что я его сюда приглашаю срочно – комдив на связи.

Боец пропал в темноте. Игорь остался ждать на улице. Минут через пять боец вернулся:

- Товарищ полковник, Игнатьев спит никакой.

- Пьяный?

- В стельку.

- Ясно...

Игорь забрался обратно в КУНГ аппаратной машины связи, связался с управлением дивизии.

- Товарищ генерал, подполковник убит в расположение первого батальона, связи с ним пока нет.

- Бухаете там, сволочи? – спросил генерал. – Я вас там всех под арест!

По голосу, исходящему из динамиков, даже с трескающим шумом, Котлов понял, что генерал находится в таком же состоянии, в котором сейчас пребывал и командир полка.

- Никак нет, товарищ генерал!

- Завтра приеду и лично посмотрю, как ты мне плацдарм взял!

Связист, обеспечивающий работу радиостанции, едва сдерживал смех.

На командном пункте полка говорить можно было только с начальником штаба шестьсот шестого – он ещё пока держался. Выяснилось, что у Игнатьева сегодня был день рождения, и офицеры немного переборщили с употреблением, или же алкоголь был контрафактный, а потому такой убийственный.

Игорь довёл ему требование Шмелёва утром доложить о форсировании реки и о возможном прибытии генерала на командный пункт полка.

- Он может, - начальник штаба успел подтвердить намерения генерала и выключился окончательно.

Игорь посмотрел на Жарова:

- Вот смотри, здесь есть всё, что ты хотел: вот начальник артиллерии, вот командир разведроты – бери, уточняй, что тебе для планирования надо.

- Я не на это учился, товарищ полковник, - ответил Денис. – Я учился воевать, а не вот этому, что я вижу здесь.

- Капитан, мы с тобой не в силах ничего изменить, - по-дружески сказал Котлов. – Нужно просто смириться с этим.

- Нет, товарищ полковник. Смириться с этим нельзя. Это вот вы уже двадцать лет в армии, они, наверное, не меньше – вы смирились. И потому здесь вот это. А я – нет. Я не могу с этим смириться. Я офицер – человек, которого Родина пять лет учила защищать свою страну, свой народ, выполнять разные другие военные задачи. И меня учили выполнять эти задачи с умом, чтобы всё было организовано, чтобы каждая деталь была учтена. Чтобы было взаимодействие, поддержка, огонь и манёвр. А ничего этого нет. Есть вон, - он кивнул в сторону спящих. – Пьянство и полное безразличие ко всему происходящему. К своим собственным действиям. К человеческим жизням. Есть обман, возведённый в высшую степень. Ведь согласитесь со мной, что мы сейчас обманываем самих себя! А зачем? Мы начали войну...

- СВО, - поправил Котлов.

- Мы начали войну, - настойчивей произнёс капитан, сделав ударение на последнем слове. – И надо идти к победе. А как идти? С кем? Кругом безответственность и безграмотность, которые мы получили за последние годы. На пьедестал больших должностей встали такие военные деятели, которые позволяют себе обсуждать стратегию, не зная, что такое карточка огня мотострелкового отделения. К чему мы придём с такими «профессионалами»? Впрочем, уже пришли...

- Денис, остановись, - сказал Котлов. – Ты смотришь на ситуацию со своей колокольни, но по мере роста должности, открываются новые горизонты, и оценка происходящего сильно меняется. Ты оперируешь максималистскими взглядами, которые свойственны твоему возрасту. Когда я был капитаном, я тоже не понимал смысла действий генералов, но я несколько лет проработал на самом верху... и уж поверь, там не всё так плохо, как ты думаешь.

- И всё же... завтра мы пойдём в бессмысленную атаку, совершенно не подготовленную для того, чтобы иметь успех. Если я погибну, а я чувствую, что так и будет, считайте мой монолог обвинением в адрес того бардака, который охватил мою армию. Я уверен, что рано или поздно мы наведём в армии должный порядок, другого выбора у нас нет. Но ведь всего этого можно же было избежать, правда?

- Поверь, - вдруг разоткровенничался Котлов. – Порядок наводится жесткий. Лиц, виновных в развале армии, сейчас активно привлекают к ответственности. Я бы рассказал тебе кое-что подробнее, но не могу. Но поверь – порядок будет. И именно такие грамотные офицеры, а ты – грамотный офицер, составите костяк и основу новой российской армии. Потому что победить в реальной войне сможете только вы, а не те опереточные персонажи, которые покупали свои большие должности в мирное время. Время чиновников в погонах подходит к концу. Наступает время боевых офицеров – тактически грамотных, сильных духом, решительных и любящих свою страну. Но, к сожалению, обстоятельства складываются таким образом, что завтра мы обязательно должны выйти к этой реке. И хотя бы симитировать перед комдивом эту атаку.

- И будем дальше плодить обман.

- Нет, капитан, - возразил Котлов. – Сейчас мы парируем ту глупость, которую пытаются плодить чиновники в погонах, не имеющие о тактике и оперативном искусстве никакого представления. – Игорь помолчал и добавил: - Типа меня, Шмелёва, Исмаилова.

- А кто такой Исмаилов?

- Неважно, - махнул рукой Котлов. – В общем, вы меня поняли.

- Товарищ полковник, может, тогда просто обойдёмся докладом?

- Нет, - твёрдо сказал Котлов. – Завтра выходим к реке. Это окончательное решение. Есть вероятность, что комдив сюда сам приедет. Вы это понимаете?

- Так точно.

Завершая разговор, Котлов намеренно снова перешёл на «вы», чтобы после некой психологической близости, вернуть подчинённого на субординационную дистанцию.

Утром первая рота выдвинулась в сторону реки, к тому месту, где несколько дней назад при попытке форсирования шестьсот шестой полк утопил БМП, а вторую потерял в результате обстрела, понеся при этом серьёзные потери.

Сам Котлов, из-за отсутствия в батальоне разведывательных коптеров, на МТ-ЛБ выдвинулся в точку, с которой можно было наблюдать действия по форсированию реки.

Согласно замыслу, танковый взвод должен был прямой наводкой, практически в упор, «офээсами» обстрелять противоположный берег с целью его обрушения и создания выхода для боевых машин. Однако, когда возле реки скопились танки и БМП, по ним вначале отработали «Джавелинами», затем очень точно прилетело несколько «Эскалибуров», а завершили разгром два пакета «Градов».

Всё это произошло на глазах Котлова – буквально в течение десяти-пятнадцати минут. Эфир был наполнен криками и воплями, проклинающими тех, кто это всё затеял. К своему ужасу Игорь понял, что управлять подразделением, попавшем под такой мощный удар, для него оказалось невозможным – в критический момент боя, как ни надрывал он свою глотку, слушать его никто не хотел – люди выполняли команды Жарова, который был для них в авторитете, и в кого они верили безоговорочно. Но вскоре и Денис перестал выходить на связь.

Одновременно с этим по командному пункту полка был нанесён удар ракетой «Точка-У», которая вошла точно в развалины, уничтожив всех, кто там был.

Вторая ракета прилетела в поле, где плотными рядами были выстроены техника и палатки второй роты. Когда Котлов на МТ-ЛБ вернулся в район расположения роты, он встретил здесь только разрушения, разорванные тела и горящие машины.

- Как же так... - повторил он несколько раз, бродя среди всего этого ужаса. – Как же так...

На БМП, уцелевшей у переправы, подъехал Денис Жаров.

- Вот ты где, - закричал он, спрыгивая с брони. – Они все погибли! Они все погибли из-за тебя!

Его лицо было залито кровью, левая рука возле самого плеча была перетянута жгутом. Правой рукой он пытался нащупать пистолет.

- Сымитировать атаку? – громко вопрошал капитан.

Котлов попятился, фиксируя взглядом руку Дениса, которая уже выхватила из набедренной кобуры пистолет, и теперь одной рукой он пытался загнать патрон в ствол.

- Ты запретил рассредоточить палатки! Ты! Они тоже погибли из-за тебя!

Наконец Денису удалось зарядить пистолет, и он прицелился в полковника.

- Я убью тебя, сволочь!

Котлов повернулся и побежал к развалинам, надеясь найти там спасение от неминуемой смерти.

- Убью! – неслось вослед.

Дениса сбил с ног командир хозяйственного взвода, отобрал пистолет.

- Денис! Успокойся! Убитым уже не поможешь, а сидеть за эту гниду – оно тебе надо?

Старший прапорщик отпустил капитана, и Жаров, обняв его, завыл.

- Ненавижу этих гадов! Ненавижу...

ГЛАВА 8

Если бы не присутствие в группировке военного прокурора, прибывшего изучить законность некоторых решений командира дивизии, возможно, всё пошло бы иначе. Но проигнорировать гибель командира полка со всем штабом, гибель целого батальона, прокурор, конечно, не смог. Шмелёва временно отстранили от должности, а когда военные следователи узнали, на каких условиях в дивизии находится Котлов, его немедленно арестовали и этапировали в Москву, где в его отношении немедленно было возобновлено следствие о присвоении средств, выделяемых на оперативные расходы.

Всё имущество Котлова было арестовано, а его самого водворили в Лефортово. В камере он сидел с двумя полковниками, попавшимися на передаче секретной информации украинской разведке и директором оборонного завода, укравшим средства из оборонного заказа. Игорь был морально раздавлен, на контакт с сокамерниками не шёл, а только целыми днями лежал и смотрел в потолок.

Первую неделю заточения никаких следственных действий с ним не проводили, дав время «подумать». Иногда его выводили на прогулку, где однажды, в коридорах пенитенциарного заведения он встретил генерала Исмаилова, которого тоже куда-то вели. Тот сделал вид, что не узнал идущего на встречу Котлова, опустив глаза в пол.

Следствие шло быстро – ведь всё было предельно понятно, оставалось только зафиксировать факты. Признание лилось из Котлова, как из ведра.

- Я ориентировал свой агентурный аппарат на поиск лиц, состоящих на важных государственных постах, в отношении которых могли быть возбуждены уголовные дела, и им грозило снятие с должности и арест, либо лиц, которым в скором будущем предстояло покинуть свой пост по другим причинам. Затем оформлялся подкуп этого чиновника, и имитировалась передача денег, которые фактически вывозились в западную Европу и переводились на счета в офшорах. В рапорте я указывал, что «взять расписку не представлялось возможным в виду угрозы расшифровки агента». После одной-двух таких взяток эти лица снимались с учёта по причине их увольнения и

соответственно, утрате разведывательных возможностей. Естественно, эти люди не знали, что являются предметом таких действий.

- Ты же был на войне, - Волкова иногда переходила на «ты», особенно в те минуты, когда она начинала заниматься нравоучениями. – И ты лично видел, и, наверное, прочувствовал, что могла значить лично твоя работа, если бы ты проводил её так, как надо.

- Это система, Лена, - в минуты откровений Игорь тоже переходил на «ты». – И если ты хочешь идти наверх, то что-то делать в ней иначе – просто невозможно. Все так делают...

- Ты ошибаешься. Я знаю много офицеров, которые честно исполняют свой долг, а не погружаются, как это сделал ты, в сети коррупции. Меня тут проинформировали об одном разведчике, благодаря работе которого войска быстро и практически без боя овладели Херсоном, Бердянском, Энергодаром и некоторыми другими городами. Потому что он там создал настоящую агентурную сеть, оказавшую просто неоценимую помощь при выдвижении наших войск. Это Юра Чмырёв, ты его очень хорошо знаешь. Он у нас как свидетель проходит, много интересного про вас, таких «умных», рассказал. Он сейчас, кстати, назначен на должность начальника разведки группировки, в которую входит три армии и два армейских корпуса. Вы все смеялись с его неблагозвучной фамилии, а смеяться нужно было со своей глупости. Дело не в фамилии человека, а в его сущности. Ты и без меня знаешь собственную сущность. Ты теперь просто никто. Полковник Никто. Ты всю жизнь уходил от ответственности, благодаря своим высоким покровителям. Но твоё счастье закончилось – пришло время отвечать. И твоим покровителям тоже.

- У меня не только счастье закончилось, - сказал Игорь. – У меня вообще всё закончилось. Я не вижу смысла дальнейшей жизни. Мне теперь всё безразлично, абсолютно всё. Вы у меня забрали всё, что у меня было. Нет квартиры. Нет машины. Нет жены. Счета в офшорах арестованы из-за этой войны – и даже вы не сможете их оттуда вытащить. Я каждый день лежу на шконке и смотрю в потолок, и мне хочется только одного – сдохнуть. Сейчас для меня право умереть – это то единственное, чего вы у меня отобрать никогда не сможете.

- Чтобы у тебя, Котлов, был смысл в жизни, тебе как минимум нужно было честно жить и честно выполнять те обязанности, которые

ты сам возложил на себя, приняв решение служить своей стране в вооружённых силах. Если бы ты делал то, что доверила тебе Родина, не погибла бы, например, рота из бригады Крылова. И сам Крылов не сидел бы сейчас под арестом за избиение старшего начальника. Давай согласимся, что во всех своих бедах, виноват только ты сам. И никто больше. И я даже не могу представить себе такой ситуации, в которой ты бы смог исправить, хотя бы для самого себя, всё то, что ты натворил.

«Виноват только ты сам» - крутилось в голове, когда Игорь, после очередного допроса, лежал в камере. «Виноват только ты сам – полковник Никто».

Котлов рылся в своей памяти, выискивая тот момент, который стал поворотным в его жизни, после которого у него уже не было возможности свернуть с этой скользкой дорожки, в конечном итоге приведшей его сюда. Искал, и не находил. Каждый новый шаг, приближающий его к камере в Лефортово, в момент его совершения не казался необратимым – всегда было чувство, что при необходимости он сможет отскочить назад. Но вот сделан один шаг, затем другой, третий, и уже, обернувшись назад, становилось понятно, как глубоко завязли ноги в этой липкой трясине, и что пути назад уже нет – оставалось только брести вперёд, погружаясь в болото всё глубже и глубже.

Какой момент стал отправной точкой в его длинном пути? Игорь вспомнил то первое разведывательное донесение, которое он едва ли не на коленке написал, выдумывая его на ходу, чтобы получить пару часов свободного времени, необходимых для удовлетворения любвеобильной жены командира полка. Это был момент, когда личное удовольствие и личные интересы стали выше интересов службы и интересов государства – и такие моменты с того времени стали плодиться чаще и чаще. Примитивное убаживание либидо со временем трансформировалось в получение более широкого спектра удовольствий – денег, статуса и власти. Все эти формы удовлетворения гедонизма основывались исключительно на конфликте интересов – личных и служебных – но так получилось, что личные интересы всегда брали верх над служебными, окончательно формируя терминальные ценности его жизни, в которых о честном исполнении обязанностей военной службы не было и речи.

«И к чему ты пришёл»? – возник в голове вопрос.

Этот вопрос он задавал себе едва ли не ежедневно, и ответ был очевиден. В какой-то момент жизни он стал обладателем серьёзных денег и очень дорогого движимого и недвижимого имущества, которое должно было качественно улучшить прохождение жизненного пути. Он мог позволить себе практически всё – никаких ограничений он не испытывал. Он едва ли не ежедневно сталкивался с ситуациями, когда деньги решали всё. Однажды он, управляя машиной, сбил человека, переломав несчастному ноги – и всего один миллион рублей полностью закрыл этот вопрос – жертва была рада такой сумме, а Котлов избежал гарантированного увольнения. Несчётное количество раз он давал взятки различным проверяющим, которые всегда знали, где нужно копать, чтобы уличить офицера в растратах – и каждый раз они благодарно закрывали глаза, ограничиваясь допустимыми мелочами. Карьера его тоже росла, благодаря деньгам, которые уходили наверх для «принятия решений» о назначении. И тут вдруг раз – и оказалось, что никакие деньги не могут спасти его от наказания. Вначале он даже понимающе стал называть Волковой более существенные суммы, но она была непреклонной, лишь глумливо улыбаясь, говорила, что годы, оказывается, не сделали её подопечного более сообразительным. И это было для Игоря настоящим ударом – он просто не мог понять, почему так, почему в привычной системе координат произошёл такой структурный отказ.

Суд был закрытым, так как рассматривалось дело, отнесённое к категории государственной тайны. Прокуратура потребовала двенадцать лет лишения свободы. Защите нечего было возразить по существу, так как пункты обвинения были подкреплены железной доказательной базой.

- Именем Российской Федерации... руководствуясь статьями... Котлова Игоря Михайловича признать виновным в совершении преступлений по статьям... по совокупности преступлений... назначить наказание в виде лишения свободы сроком на двенадцать лет с отбыванием в колонии строго режима... лишить государственных наград...

Длившееся три месяца следствие к моменту вынесения приговора уже заставило Игоря свыкнуться с мыслью о получении длительного срока, и сейчас, стоя в клетке для обвиняемых, Котлов слушал

приговор судьи совершенно спокойно. Он уже был готов вступить в новый этап своей жизни, где не будет офшорных счетов, дорогих машин, элитных квартир, влиятельных друзей и самого главного – свободы.

«А может быть, так и надо»? – мелькнуло в голове.

Это только недалёкие люди считают, что мир не справедлив. На самом деле в мире справедливо всё – просто зачастую признать это не позволяют какие-то убеждения, традиции и эгоизм. В мире всё закономерно, и любое событие является следствием других, которые тоже произошли под влиянием более ранних событий – конструируемых только самим человеком. Даже случайностей не бывает – они тоже все закономерны, и становятся результатом недосмотра, отсутствия качественного планирования и прогнозирования. И всегда, тот, кто замышляет нечто, идущее вразрез с интересами других, должен рассчитывать на ответный удар – который и называется справедливостью.

Судьба вознаграждает нас за честность, и в первую очередь за честность по отношению к самому себе. Но и строго взыскивает тогда, когда мы обманываем окружающих, и конечно, самого себя – и особенно, если делаем это сознательно. Кто-то может это не замечать в силу предрассудков и убеждений, кто-то – в силу недостаточности интеллекта, а кто-то – делая вид, что ничего не происходит. Котлов же своё поведение осознавал совершенно чётко, но являясь участником различных «схем», и следуя ложно понимаемому чувству товарищества, не мог вести себя иначе. Где-то в глубине души он сначала был уверен, что махинаторов в погонах рано или поздно разоблачат, но после каждого удачного «замазывания» уголовных дел, эта уверенность таяла, а росла другая – в своей неуязвимости и непогрешимости. И тем больше для него стало ощущение конца прошлого образа жизни, близящегося к ощущению конца жизни физической.

Ещё спустя две недели с этапом его доставили в исправительную колонию строгого режима, где определили в отряд, в котором содержались насильники и убийцы. В первый же вечер группа заключённых пригласила Котлова в каптёрку, где они распивали чифир.

- Кто ты такой, - спросил его расписной парень лет тридцати, которого все называли Копчёным. – Кто по жизни, кем был, что делал, поведай обществу, с которым тебе жить.

- Котлов Игорь Михайлович, - ответил Игорь, поняв, что отчество в этом представлении было совершенно не нужно. – Осужден на двенадцать лет по воинским преступлениям.

- Шакал? – спросил другой, ещё младше возрастом, но с не менее наглым лицом, выражающим презрение к собеседнику.

Игорь застыл в растерянности – обычно в армии солдаты так называют докучающих их офицеров, особо не разбираясь в их истинных намерениях, не отличая законные требования командного состава к подчинённым от необоснованных неуставных придиорок.

- Офицер, полковник, - ответил Котлов и добавил: - Теперь уже бывший.

- Значит, шакал, - резюмировал собеседник.

- Обоснуй свой вывод, - попросил Игорь, внутренне настраивая себя на драку с численно превосходящим противником.

- Все офицеры шакалы, - последовал ответ.

- Если так полагать, - сказал Игорь, - получается, что ты – педераст. Обосновать?

Его окружали пять человек, как минимум двое из которых были крупнее его телосложением, а остальные явно имели богатый опыт лагерной жизни.

На несколько мгновений в каптёрке воцарилась зловещая тишина. Котлов шкурой чувствовал, что сейчас начнётся расправа, и уголовников сдерживало лишь то, что ситуация была для них явно выходящая за пределы привычного понимания, ломающая привычный шаблон.

- Что ты сказал? – уточнил собеседник.

- Я тебя спросил – обосновать? – Игорь сжал кулаки, готовый подороже продать свою жизнь.

Он уже и не помнил, когда дрался последний раз – наверное, это было лет двадцать назад, когда молодым лейтенантом он ставил свой авторитет в казарме с солдатами, призванными из Дагестана, традиции которых подразумевали подчинение только тем офицерам, которые могли физически доказать на это право.

- Слышь... ты... - уголовник сделал шаг вперёд, но его остановил тот, который начинал разговор.

- А послушаем, - предложил Копчёный. – Очень интересно.

- Собор Святого Петра, - сказал Игорь, указав рукой на живописную татуировку на животе у парня.

- И что?

- Он находится в Ватикане. А Ватикан – это Европа. А у нас принято считать, что в Европе живут одни педерасты. А раз ваш товарищ наносит себе наколку с изображением европейского собора, тогда он сам кто?

- Фрол, а кто тебе этот собор наколол? – всё внимание переключилось к носителю татуировок.

Уголовники расхохотались, указывая пальцем на живот Фрола

- Вы что его слушаете? – голос Фрола сошёл на фальцет. – Этот черт хрень всякую несёт.

- Кто черт? – спросил Игорь. – Я черт?

Ситуация изменилась мгновенно – пока все потешались с незадачливого Фрола, Игорь сделал шаг вперёд, и что было сил вложил ему в челюсть, стараясь попасть в точку, обеспечивающую нокаут. Фрол щелкнул зубами и молча осыпался на пол. Наступила тишина.

- Я не черт, - сказал Игорь. – Я человек.

По тому, что на него ещё никто не набросился, он понял, что поле боя осталось за ним. Это, конечно, не оконченное выяснение, кто он есть такой, но большой шаг в этом направлении был сделан. Теперь с ним будут разговаривать куда более уважительно.

Однако, всё обернулось совсем не так, как предполагал Котлов – никакие уголовники его больше не донимали, за него взялась администрация учреждения. После разговора в каптёрке его обвинили в драке и отправили в штрафной изолятор, где он отсидел десять суток, маясь больным зубом и болями от остеохондроза коленных суставов. После истечения десяти суток его, с огромным флюсом, привели к начальнику колонии, который размеренно попивал чаёк с икорными бутербродами.

Игорь, забывший о существовании нормальной еды, вцепился взглядом в эту тарелку с хлебом и красной икрой.

- Нехорошо, полковник, начинать свой срок с нарушения внутреннего режима, - поучительно сказал начальник колонии полковник Кадиев. – Вы не успели сюда заехать, как уже кулаками машете, людям челюсти ломаете. Нехорошо.

- Мне, гражданин начальник, нечего сказать в своё оправдание. Я старый разведчик, и прекрасно понимаю, что эти люди действовали по вашему заданию. Зона-то «красная», и без вашего ведома здесь ничего не делается... - ответил Игорь, не сводя глаз с икры.

- В этом ты прав, полковник. Зона вся подо мной.

Кадиев упорно называл Котлова полковником, вероятно, создавая у Игоря какие-то нужные иллюзии, или настраивая на союзнические отношения в будущем.

- Тогда зачем это было надо?

- Хотел посмотреть, чего ты стоишь. А то знаешь, какие люди у меня тут сидят? Даже два замминистра есть. Полы в третьем отряде моют, несменяемые дневальные. А вот генерал ничего, нормальный мужик. «Бугор» в первом отряде. Знаешь, как его зэки слушаются? Как бы меня своим авторитетом не обошёл.

- Что вы от меня сейчас хотите?

- Хочу узнать, как ты жить здесь намерен – хорошо ли, или как.

- А какие есть варианты?

- Вариантов всегда много, - усмехнулся Кадиев. – Вот один из вариантов ты последние десять суток на себе в ШИЗО испытывал.

- Это не очень хороший вариант, - сказал Игорь. – А что ещё можете предложить?

- Ну, - Кадиев развёл руками – весь антураж был создан именно для этого вопроса: - Это зависит от того, чем лично вы можете помочь в этом вопросе.

- Я и рад был бы помочь, - сказал Игорь. – Но следствие изъяло у меня всё до копейки, а иностранные счета были арестованы после начала СВО. Если арест с них будет снят, тогда мы сможем с вами обсудить наше взаимодействие. А пока – платить мне нечем.

- А как мы узнаем, что счета разблокированы?

- Думаю, что из новостей.

- Каких новостей?

- Где скажут, что Европа решила снять санкции со счетов с российским происхождением, - ответил Игорь. – Но в ближайшие лет

пять, думаю, что сидеть я буду в изоляторе...

Котлов нашёл в себе силы усмехнуться.

- Ладно, - кивнул начальник колонии. – Я вас услышал. Если вы не возражаете, я дам вам небольшой кредит доверия... ровно до того момента, пока со счетов не снимут санкции. А там мы с вами повторно переговорим о смысле вашего бытия.

Игоря вывели, не предложив бутербродов. Видимо, Кадиев намеревался угостить ими Котлова только после того, как тот согласится стать спонсором собственного благополучия.

Котлов не думал о будущем – смысла в этом не было никакого. Срок в двенадцать лет казался ему совершенно непреодолимым, лежащим за пределом продолжительности жизни, отпущенной ему Всевышним. Каждый день был похож на предыдущий – поверки, хозяйственные работы, безвкусная пища и конечно, другие осужденные, уровень интеллекта которых у Котлова навевал тоску, потому что нормально пообщаться было практически не с кем.

К нему относились никак. Есть, и хорошо. Нет его – никто и не заметит. Арестантская молодёжь, у которой ещё играл максимализм, и которая лелеяла радость от «единого арестантского уклада» и прикосновения к настоящей «воровской жизни», иногда пыталась насаждать остальным осужденным свои требования, но, конечно, это было далеко не то, что переживали зоны всего лишь двадцать лет назад. Заточки, конечно, были в ходу, но расправ Котлов здесь не видел – причисляющие себя к «масти» скорее имитировали воровскую жизнь, чем жили ей по-настоящему. По-настоящему здесь жил только один человек – начальник колонии, через которого и решались все возникающие вопросы.

Если с больным зубом Игорь разобрался, посетив лагерного стоматолога, который удалил его под просроченным новокаином, то боли в коленях не давали ему спать, нарастая всё больше и больше. Обращения в медпункт вызывало там лишь ухмылку, мол, если бы у вас нога отвалилась, тогда бы мы да, стали бы лечить что-то. А так – колени были на месте, сгибались, пациент ходить мог, а раз так, то «не морочьте нам голову, гражданин осужденный, и покиньте помещение».

Через месяц Игорь уже привык к такому отношению. Он осознал, что так теперь будет всегда, и к этому нужно относиться скорее с пониманием, чем пытаться на это огорчаться, не в силах изменить ситуацию.

Однажды ночью его разбудил Фрол.

- Слышь, Полкан, пойдём, дело есть.

Игорь поднялся, оделся.

- Чего надо-то?

- Вопросы к тебе у общества появились.

Спустя несколько минут Игорь вошёл в ту же самую каптёрку, с какой начиналось его знакомство с зоной и местными обитателями. Все прежние персонажи находились там же.

- Проходи, Полкан, - сказал Копчёный. – Давай с нами чифиря отведай.

Игорю протянули кружку, предупредили:

- Горячий...

Он сел на свободный стул. Все жадно смотрели на него так, что ему даже стало немного не по себе – их интерес явно был не воровского характера.

- Вот ты же бывший полковник, - сказал Копчёный. – В военном деле, наверное, разбираешься, так?

- Бывший, - кивнул Игорь, пытаясь сделать глоток – чифир был ещё слишком горячим.

- Вот скажи, что там главное? Что нужно уметь делать?

- Это, смотря где, - Котлов ещё не понимал, с какой целью ему задают эти вопросы, заранее отблагодарив кружкой душистого чифиря.

- Ну, вот, например, самое боевое подразделение.

- В самом боевом подразделении первое, что должно быть, это умение подчиняться командиру. Беспрекословно. Выполнять то, что тебе будут приказывать. Даже если ты будешь не согласен это выполнять, или даже если ты будешь понимать, что выполняя поставленную задачу, ты погибнешь. Дисциплина – это главное умение солдата. Если нет дисциплины, то ничего другое уже не важно, - объяснил Игорь, интуитивно поняв, чем нужно предварить другие пояснения.

- Вот прямо сказали – и ты пошёл и погиб? – спросил Поц.

- Вот прямо сказали – и ты пошёл убивать врага, - уточнил Игорь. – Понятно, что умирать никто не хочет. Поэтому нужно всегда думать, как выполнить приказ, чтобы и самому не погибнуть, и врага уничтожить. Это уже второе: умение думать на войне. Думать тогда, когда и страшно, и смерть рядом, и может быть, друзья погибли.

- А что третье? – спросил Геныч.

- А третье – это взаимопомощь и взаимовыручка. Успех будет только там, где не каждый рвётся в одиночку, как Рембо, один против всех, а когда работает слаженный коллектив, где каждый друг другу помогает. Коллектив, в котором ты будешь твёрдо знать, что если тебя ранят, то твои соратники окажут тебе помощь, вытащат тебя в безопасное место, спасут тебе жизнь.

- Какие на войне нужны специальности? – спросил Пончик. – Водителей берут в армию?

- Водителей берут, - кивнул Игорь. – Очень даже берут. Водителей всегда не хватает. А ещё нужны стрелки, гранатомётчики, пулемётчики, связисты, сапёры, артиллеристы, танкисты, разведчики, и много ещё кто.

- А как можно доказать, что ты, например, умеешь лабать на пулемёте там, или гранатомёте? – спросил Геныч.

- Кому доказать? – уточнил Игорь.

Повисла тишина, осужденные все как один посмотрели на Копчёного.

- В общем, смотри, Полкан, - Копчёный словно решил раскрыть карты. – По зонам пошла маза, что приезжает мужик из Питера, говорит экам правильные слова и предлагает поехать воевать на Украину. Обещает помилование через полгода. Короче, пацаны, которые соглашались, сообщали, что нормально там, жить можно. А через полгода и денег заработаешь, медаль получишь, и с чистой биографией на свободу выходишь. Мы между собой решили, что это лучше, чем сидеть здесь без всякого смысла, а потом, после освобождения, ещё не понятно, как жизнь сложится. А мужик этот предлагает понятный расклад. В общем, завтра он приезжает к нам на зону. Будет перед нами речь держать.

- Ерунда какая-то, - улыбнулся Котлов. – Этого просто не может быть.

- Нет, - сказал Копчёный. – Не ерунда. Завтра увидишь.

Содержимое кружки остыло, и Игорь сделал несколько глотков.

- Помилование у нас только президент может дать, и никто другой, - сказал Котлов. – Кроме того, закон запрещает принимать на воинскую службу осужденных или лиц с непогашенной судимостью.

- А это не воинская служба, - сказал Копчёный. – Это какая-то частная военная компания. Название забыл, какое-то музыкальное.

- Я понял, о чём ты, - сказал Игорь. – Я сталкивался с ними в песках.

- Ну вот, - улыбнулся Копчёный. – Видишь?

- И вы хотите, что бы я вам рассказал, что нужно сказать, чтобы вас посчитали опытными военными?

- Ну, типа того, - ответил Фрол.

- Если набор пошёл на зонах, - сказал Игорь. – То можете не переживать – возьмут всех, кто захочет. А там уже научат. У них очень хорошие инструкторы.

- Точно? – спросил Копчёный.

- Сто процентов, - заверил Игорь, но тут же подумал, что большинству присутствующих его ответ может быть не понятен. – Точнее некуда.

- Скрывать не стану: война идёт очень тяжёлая. Чечня на эту войну и близко не похожа. Расход боеприпасов у меня в два с половиной раза больше, чем в Сталинграде.

Колония была выстроена на плацу буквой П, оставив выступающему место. Он говорил уверенно, достаточно громко, чтобы могли слышать все присутствующие.

- В моём подразделении недопустимы три греха. Первый грех - это дезертирство. У нас никто не даёт «заднюю», никто не отступает, никто не сдаётся в плен. Второй грех – это алкоголь и наркотики. Пока вы будете с нами в течение полугода, это недопустимо в принципе. Третий грех – это мародёрство и сексуальные контакты с местными жителями.

Игорь стоял в третьих рядах, не особо вслушиваясь в то, что сейчас говорил руководитель частной военной компании. После «чаепития», который устроил Копчёный, Игорь долго не мог заснуть – то ли от крепкого чифира, то ли от мыслей, которые всю ночь бегущей строкой

заполняли его сознание. Как человек, точно знающий, что представляет собой идущая на Украине война, он и близко не допускал своего в ней повторного участия, и уж тем более – в составе штурмовых отрядов «оркестра», которые действовали на наиболее опасных направлениях.

Однако, все, с кем он разговаривал ночью в каптёрке, с утра выглядели воодушевлёнными и жизнерадостными. На завтраке они весело подтрунивали друг над другом, находясь в оживленном предвкушении предстоящего коренного изменения в их жизни. Сейчас все они стояли в первых рядах, внимая каждому слову.

- Кто примет мужское решение, тот станет штурмовиком. А для этого важна физическая форма. Прямо здесь, на собеседовании мы будем проводить элементарные тесты, смотреть, кто на что способен. Возраст – от двадцати двух лет и до пятидесяти. Кто младше – от тех мы требуем согласие родителей, кто старше – будет смотреть на физическую форму. Если человек крепок, мы его возьмём. Вы будете одними из нас, вы ничем не будете отличаться от бойцов, которые давно действуют в штурмовых отрядах. Самые борзые, кто идёт только вперёд, выживают чаще. Те, кто останавливается, кто теряется в бою – тот погибает. Тела погибших мы отвозим в то место, которое вы укажете в завещании. Через полгода вы уходите домой, получив помилование. То есть, вам простят все ваши прошлые грехи, вы остаётесь с чистой биографией. Кто захочет остаться с нами, тот продолжит свой путь настоящего воина. Кто согласится сейчас, должен понимать, что там, если он вдруг передумает, выхода у него не будет никакого – мы поставим в его деле отметку «дезертир», после чего расстреляем как предателя. То есть, вариантов вернуться на зону у вас нет никаких. Вопросы есть?

- Каковы гарантии? – спросил Копчёный.

- Кто может вытащить вас с длительного срока? – спросил выступающий. – Только Аллах и Бог. Правильно? Только беда в том, что они забирают вас сразу к себе. А я забираю вас с зоны живыми. А дальше будет так, как вы сами этого захотите. Ещё вопросы есть?

Осужденные хранили молчание.

- Тогда прошу желающих пройти в живую очередь на собеседование.

Все работы в этот день были отменены. Кто принял решение покинуть колонию, стоял в очереди, остальные были направлены по своим отрядам. Игорь завалился на койку. Что-то тяжёлое происходило в его душе, что-то такое, чего он сам не мог понять.

Впереди у него было двенадцать лет заключения. Четыре тысячи триста восемьдесят три совершенно одинаковых дня, в течение которых тебе никто не напишет с воли, никто не позвонит, никто не приедет на свидание. Потому что у Игоря на воле не было никого. Родители умерли. Детей он не народил. Супруга? За всё время следствия она только однажды проявила себя, когда понадобилось подписать документы о разводе. Конечно, ждать она его не будет. Да и какой смысл в этом – они давно ненавидели друг друга, живя вместе только потому, что того требовали «связи», помогающие её отцу и начальнику Котлова проворачивать финансовые махинации с вверенным им бюджетом. Друзья? Он вдруг понял, что не было у него настоящих друзей – особенно, когда речь шла о дележе больших денег – никто из них не предложил помощь, когда вокруг Котлова закрутилось следствие. Какие они после этого друзья? Людей с меньшими, чем у него самого доходами, он никогда даже не рассматривал на роль друзей, какими бы они человеческими качествами не обладали – что их человечность, если они не могли позволить себе сходить в продуктовый магазин, не ограничив себя в расходах? А больше у него не было никого. Ни-ко-го.

А что будет с ним потом, когда пройдут (пройдут ли?) эти бессмысленные тысячи дней заточения? Он выйдет на волю, за ворота зоны... только куда? У него не будет ничего. Ему даже некуда будет пойти. Роскошные квартиры в Москве и Питере – изъяты и обращены на пользу государству. Родители жили на окраине Сертолово в старом двухквартирном доме, который соседи-алкоголики спалили на следующий год после их смерти, когда он ещё служил на Дальнем Востоке. Больше у него нет ничего. Ни-че-го.

Влачить существование в условиях полного отсутствия свободы действий, передвижений и удовлетворения своих желаний, полного отсутствия человеческой радости и любви к своим ближним, с нарастающей интеллектуальной деградацией, без всякой возможности духовного роста, и при полном понимании отсутствия смысла в этих

тысячах днях, которые неизбежно, рано или поздно, но закончатся смертью? Какой смысл в такой жизни, скорее животной, чем человеческой? Что такая жизнь может дать человеческой душе? И что такой жизнью ты дашь окружающему тебя обществу, своей стране?

Помещение внезапно наполнилось шумом возбуждённых голосов – после прохождения собеседования за своими личными вещами пришли те, кто принял решение покинуть колонию. Фрол и Копчёный с лицами, выражающими невиданную ранее радость, подошли к Котлову.

- Полкан, а ты? – спросил Копчёный. – Погнали с нами!

- Мне там делать нечего, - хрипло ответил Игорь.

- Ты же военный, - сказал Фрол. – Всё там знаешь, чем ты рискуешь-то?

- Жизнью, - ответил Котлов.

- Какой жизнью? – спросил Копчёный. – Вот этой? – он махнул рукой. – Это разве жизнь? Вот там – жизнь!

- Много ты знаешь о жизни на войне, - буркнул Игорь.

Фрол и Копчёный начали быстро собирать свои вещи.

- Здесь ты просто сгниёшь заживо, - сказал Копчёный. – Что в этом хорошего?

- А там что, не сгнию? – усмехнулся Игорь.

- Сгниёшь, конечно, - Копчёный внимательно посмотрел на своего собеседника. – Но только уже мёртвым. А пока будешь жив, хоть что-то сделаешь полезного для этого мира.

Игорь сел на кровати. Копчёный говорил сейчас то, чего Котлов от него никак не ожидал.

- А ты сам то?

- Я? – Копчёный обернулся, видимо для привлечения внимания остальных, кто сейчас был рядом. – Я в этой жизни наворотил столько беды, что и вспомнить всё не смогу. Мои родители, милейшие люди, которых я никогда ни во что не ставил, хотели, чтобы я выучился на инженера и строил корабли. А я стал грабителем и убийцей. Они строили этот мир, делали его красивее и чище, а я его убивал и грабил. Мне понадобились годы, чтобы это понять. Но что-то исправить я уже не мог. А сейчас, ты понимаешь, мне дали шанс заново обрести человеческое лицо, и вернуться в настоящее человеческое общество – настоящим человеком. Настоящим, а не тем припадочным блатным,

кого я строил из себя все последние годы для того, чтобы выжить на этой зоне. Даже если я сдохну на войне, я буду счастлив от мысли, что в моём городе похоронят меня как героя, а не как отпетого негодяя. Это очень важно для меня, понимаешь? Важнее жизни.

Игорь резко встал и направился к выходу. В оперчасти, где шло собеседование, уже практически никого не было – оставалось три доходяги, которые не могли отжаться от пола даже несколько раз, но продолжали проситься на войну «хоть кем-нибудь». Здесь же был и начальник колонии.

- Котлов, - он первым увидел Игоря. – Ты уверен?

- Уверен, гражданин начальник, - бодро ответил Игорь.

- Зря... если останешься, я тебя «бугром» в шестом отряде сделаю. Хочешь?

- Мне бы в махру, - громко сказал Игорь.

- Куда? – не понял Кадиев.

Зато представители «оркестра», которые проводили собеседование, хорошо поняли бывшего полковника, который свою военную карьеру начинал в этой самой махре.

- Действовать на поле боя удобнее всего тройками, - объяснял инструктор стоящим перед ним новобранцам. – Командир тройки вооружен подствольным гранатомётом, второй боец – это пулемётчик, третий – гранатомётчик. На троих у вас будет столько вооружения, сколько бывает в целом отделении. Мы специально увеличиваем огневую мощь штурмовых троек, чтобы можно было иметь над врагом огневое преимущество и подавлять его в любой обстановке.

Инструктор был в маске – считалось, что тем самым он не только не раскрывает себя, но сохраняя обезличенность, не создаёт условий для психологического сближения с ним со стороны новобранцев. Это сразу снимало массу вопросов, которые неминуемо возникают при «живом» общении обучающихся с обучающим.

- Лучше всего, если вы загодя сами разобьётесь на тройки, исходя из личностных взаимоотношений. В бою вы должны помогать друг другу, и если вы в тройке будете друзьями, вам будет легче это делать. В идеале тройка должна вам стать настоящей семьёй, в которой вы

будете решать все бытовые или хозяйственные проблемы. Поверьте, так будет лучше.

В числе десятков других осужденных, принявших решение пополнить ряды «оркестра», на полигоне сейчас были выстроены Котлов, Копчёный, Фрол, Пончик, Поц и Геныч. Когда инструктор дал присутствующим три минуты на формирование троек, шестёрка приятелей поделилась не задумываясь: Котлов стал старшим над Фролом и Генычем, а Копчёный возглавил тройку с Поцом и Пончиком.

Премудрости штурмовой пехоты они познавали едва ли не круглые сутки – в учебном подразделении ходили слухи, что «оркестр» приступил к решительным действиям, а это требовало наращивания сил, как для прорыва обороны противника, так и для дальнейших действий по расширению освобождаемой территории.

Игорь очень быстро вспомнил порядок работы со всем стрелковым и гранатомётным вооружением, естественным образом привлекая к себе внимание инструкторов. В какой-то момент они окружили его вдали от остальных обучаемых.

- Колись, кто ты? – сказал один из них.

- Полковник военной разведки, - улыбнулся Игорь.

- А сюда как попал?

- Круговорот полковников в природе, - сказал Котлов. – На войне совершил преступление, потом посадили, потом поехал снова на войну.

- Ну, да, - сказал один из инструкторов. – Рабочая схема. Не ты первый...

- Теперь ясно, почему они зовут тебя Полкан, - усмехнулся другой.

- Ну, удачи тебе, полковник, - сказал третий, хлопнув Игоря по плечу. – Она тебе пригодится.

- А мне здесь нравится, - сказал Копчёный, сидя за столом во время обеда. – Кормят лучше, чем на зоне, отношение человеческое, учат полезным наукам.

- Говорят, ежемесячно и счёт нам пополнять будут, - сказал Фрол. – Начиная с первого дня, как мы с зоны уехали.

- Я слышал, что по сто тысяч в месяц, - сказал Поц.

- Больше, - заявил Геныч.

- Жить можно, - подвёл итог Пончик.

- Можно, - кивнул Котлов. – Вам бы первый бой пережить, а там уже окончательно станет ясно, хорошо здесь, или нет.

- Слушай, Полкан, а как оно – в бою–то? – спросил Копчёный. – Страшно?

- Бывает и страшно, - Игорь пожал плечами. – Если ты сможешь со своими страхами справиться, тогда нормально всё будет.

- А если нет? – спросил Пончик. – Что тогда?

- А ты не должен думать об этом, - Игорь внимательно обвёл взглядом всех, кто сидел за столом. – Ты должен включать в своей голове азарт, желание победить врага, несмотря на то, что он будет стараться убить тебя. Если ты будешь прятаться, искать укрытия, тогда твой страх будет расти и полностью тобой овладеет настолько, что ты не сможешь даже мыслить, не то что бы что-то делать. Ты должен всегда помнить – ты сильнее любого противника. И ты должен его убить. Понял?

Сказал он это вроде бы только Пончику, но услышали, конечно, все. И все приняли слова Котлова, как обращённые именно к ним.

- Ну, вроде того.

- Это вот когда ты на дело шёл, - Игорь широко улыбнулся. – Ты допускал мысль, что терпила сможет отбиться?

- Ну, нет... я же внезапно выскакивал из темноты, и нож к горлу. Терпила вообще не дёргался.

- Вот так и в бою – ты должен успеть поставить нож к горлу противника раньше, чем он что-то сможет понять.

- А если будет наоборот?

- А чтобы не было наоборот, тебя здесь учат, как правильно воевать.

- А интересно, - спросил Поц. – Вот нас вроде бы даже и не охраняют. И оружие нам дают во время стрелковых тренировок. А ведь официально мы – осужденные. Как так?

- А вот так, - сказал Котлов. – Доверие.

- Чьё? – спросил Поц.

- А вот того человека, который выступал перед нами на зоне. Инструктора его называют Шефом. Он же нам ясно всё сказал – оправдаем доверие в бою – выйдем на свободу с помилованием в

кармане. Ты сам заинтересован в этом. А если ты сбежишь – тогда что? Рано или поздно тебя поймают, и вернут на зону. А там уж точно не поздоровится. Оно тебе надо?

- Нет, - Поц помотал головой. – Мне это точно не надо. Я или на свободу, или на тот свет. В зону я точно больше не вернусь.

- Вот и я того же мнения, - согласился Котлов, вспоминая отвратительную похлёбку, которой кормили в исправительном учреждении.

Колонна из нескольких крытых «Уралов», не задерживаясь, пересекла границу и двинулась вглубь республики. В одной из машин, у самого заднего борта, откинув тент, сидели новоиспечённые «музыканты». Игорь буквально физически чувствовал приближение к войне – на дорогах появились блок-посты, время от времени проезжали «Тигры» и бэтээры.

В одном месте, у дороги, увидели могильный камень, на котором Котлов успел прочесть надпись: «Кто погиб в бою, тот не умирает». Судя по всему, по множеству воронок от снарядов, по стволам деревьев, лишённым веток, можно было предположить, что в этом месте отгремел жаркий бой, и могильный камень увековечивал чей-то подвиг.

Вскоре колонна аккуратно объехала воткнувшийся в дорогу и неразорвавшийся реактивный снаряд от «Смерча», торчащий из асфальта метра на полтора. Затем на обочине стали попадаться корпуса легковых автомобилей, расстрелянных и раздавленных гусеничной техникой, а перед самым городом, возле блок-поста, стояли остовы двух сгоревших танков.

- Добро пожаловать в ад, - сказал Котлов.

Вся его «семья» смотрела на Игоря выпученными глазами. В недавно освобождённом городе они встретили совершенно разбитые частные дома, а когда свернули в городскую застройку, увидели обвалившиеся или выгоревшие подъезды и пустые глазницы окон мёртвых многоэтажек. Не было видно ни людей, ни животных – город казался совершенно покинутым.

Минули городскую площадь, где проехали мимо фигуры большого сердца – интуитивно Игорь прочитал и надпись «Я люблю ...», и

домыслим – «я люблю город, которого уже нет». Чуть дальше стоял относительно целый городской Дворец Культуры, на стене которого уже красовались следы творчества победителей, которые использовали стены здания точно так же, как стены Рейхстага использовали те, кто брал Берлин. Одна из надписей, выполненная красной краской, гласила: «Ща вагнера подъедут».

- Смотри, - Котлов толкнул сидящего рядом Копчёного. – Подъехали...

Расположение отряда было организовано в подвале одной из многоэтажек. Водители, с целью минимизации ущерба от возможных ракетных ударов, расставили машины далеко друг от друга, и некоторые грузы пришлось таскать за полкилометра и более. Предельно уставшим «музыкантам» раздали сухие пайки. После ужина подъехала «буханка», которая привезла нескольких человек.

- Я командир первого взвода, - сказал один из прибывших, спустившись в подвал. – Мой позывной – «Рязань». Вы поступаете в моё распоряжение. Сегодня отдыхаете, завтра утром выезжаем на передовую. Считайте, что сегодня у вас последний мирный день в вашей жизни.

«Последний день в вашей жизни» - эхом отдалось в голове Котлова.

На отдых было выделено больше шести часов – неслыханное для последнего времени удовольствие. Игорь забрался на нары и закрыл глаза. Жутко ныли колени, а в голове роились мысли, которые он стал подавлять, не давая развиваться – чтобы можно было уснуть. Когда будет очередной отдых, он не знал. Зато хорошо знал, что такое война, которая простому солдату покоя не даёт никогда. Конечно, человеческая физиология не позволяет отдохнуть наперёд, а только лишь восстановить силы, но и восстанавливать уже было много чего – накопленный недосып становился рутиной, и при любой возможности Игорь старался прикрыть глаза и расслабиться – когда даже пятиминутный сон мог серьёзно восстановить истраченную энергию. А сейчас им предоставили – подумать только – аж шесть часов. Какая невиданная роскошь!

Снаружи раздавались звуки и прилётов и вылетов, которые Котлов распознавал хорошо, и практически на них не реагировал, а вот его боевые товарищи некоторое время ещё дёргались, опасаясь, что очередной прилёт придёт прямо в подвал.

- Да спите уже! – в какой-то момент Игорь не выдержал. – Если прилетит, то или не пробьёт перекрытие, и мы даже не заметим взрыв, или пробьёт, тогда сдохнем все и сразу. Чего вы переживаете?

Утром, когда ещё не рассвело, они погрузились на грузовой «Урал». Ехать пришлось не долго – вскоре они прибыли в расположение штурмового отряда, занимавшего оборону на данном участке линии фронта. Тыловые и отдыхающие подразделения располагались на окраине разрушенного войной посёлка. Расположение подразделения чем-то напомнило Игорю его батальон – война не изобиловала разнообразием.

Рязань привёл их к штабу, и, оставив снаружи, вошёл в домик.

- Смотрите, - Игорь указал на огромный плакат, висевший на стене домика. – Ни шагу назад!

Это был сталинский приказ № 227, со всеми его страницами, где подробно объяснялось всей стране, почему больше нельзя отступить. Восемьдесят прошедших лет не привели к утрате актуальности этого приказа, и востребованность в нём с новой силой взвилась над огромной страной, утопающей в беспечности и отказывающейся верить в реальность происходящей катастрофы.

Копчёный и Геныч стали читать текст приказа, мрачней на глазах. В этот момент открылась дверь, и вслед за командиром взвода вышел командир отряда с позывным «Гром» – крепкий мужчина лет сорока пяти, имевший явно военную выправку.

- В нашем отряде действует приказ номер двести двадцать семь, - сказал он, увидев интерес прибывших к плакату. – Бойцы отряда не имеют права отступить, и мы никогда не даём заднюю. Перед нами находится сильный и уверенный в себе противник, который не берёт в плен наших штурмовиков. Я вам это говорю на тот случай, если вы вдруг задумаете предать Родину, предать компанию, пойти на ту сторону и сдаться в плен. Знайте – пощады вам не будет, вас убьют сразу, как только поймут, кто вы такие. Если о стремлении к предательству узнаем мы – вас ждёт расстрел. Вы приняли самостоятельное решение искупить свою вину, мы вам обещаем помилование. Но искупить – это значит сражаться с врагом. Сражаться

смело, бесстрашно и дерзко. Мои штурмы – это настоящие войны. Воины не умирают. Быть воином – значит жить вечно. Вопросы есть?

Вопросов не было.

- Получаем боеприпасы, средства защиты, и выходим на передок, - громко сказал Рязань.

Обе тройки двинулись за Рязанью, который привёл их к одному из сараев на другой стороне посёлка. Здесь всем выдали потрёпанные, а местами и со следами крови, бронежилеты, шлемы, по восемь магазинов к автоматам и два цинка автоматных патронов, по четыре ленты к пулемётам и тоже четыре цинка патронов, гранатомётчики получили по пять гранат к РПГ, плюс каждый получил по пять оборонительных ручных гранат, по две реактивные штурмовые гранаты. Каждому дали по рюкзаку, разгрузке, сброснику, боевому поясу – вещи были не новые, но крепкие.

- Есть дымы? – спросил Игорь.

- Зачем тебе дымы? – спросил Рязань, удивленно посмотрев на своего командира тройки.

- Ну, мало ли, - ответил Котлов. – В наступлении может, пригодятся...

- Дай дымы, - попросил командир взвода.

Со всем грузом, сгибаясь в три погибели, две тройки и взводный прошли к замаскированной стоянке, где под навесом из маскировочной сетки стояла БМП. Вооружение погрузили вовнутрь, несколько человек залезли на броню, Игорь решил по-стариковски забраться в десантный отсек, вспомнив о существовании грязи. Механик-водитель злобно смотрел на грязную обувь командира тройки, но ничего не говорил.

- Что, ручку клинит?

- Да, - кивнул механик-водитель. – А ты откуда узнал?

Котлов указал пальцем на небольшую кувалду, лежащую возле люка на полу десантного отсека. Мехвод понимающе улыбнулся.

Забравшись в «десант», Игорь подвинул к себе один из цинков, и пока машина стояла на месте, вскрыл штык-ножом укупорку. Вскоре машина дёрнулась и, взревев дизелем, начала движение.

Пока они ехали, Игорь потрошил бумажные пачки и наполнял патронами свои магазины. Во время движения он старался гнать от себя мысли, что БМП может быть заптурена и он здесь сгорит, вот в

этом десантном отсеке. Сейчас гнать подобные мысли было проще, чем в первый раз – наверное, уже сказывался опыт.

Вскоре БМП остановилась в глубине лесопосадки, под кронами начинающих опадать деревьев.

Все, кто сидел на броне, были в сантиметровом слое грязи и отчаянно ругались.

- Ты знал, - Поц пытался строить из себя чистюлю и, подобрав какую-то палку, начал счищать с себя грязь.

- Выгружаем вооружение, - приказал Рязань – такой же грязный, как и все.

Всё полученное вооружение стали вытаскивать из десантного отсека и складывать на землю, найдя для этого участок, чуть менее грязный, чем всё остальное в этом небольшом лесу. Откуда-то со стороны подошли два бойца, обнялись с Рязанью.

- Новенькие? – спросил один.

- Как видишь, - ответил Рязань.

- Вы откуда, мужики? – спросил другой.

- Оттуда, - многозначительно ответил за всех командир взвода, прекращая другие вопросы. – Есть что пожрать?

- Найдём, - ответил один из подошедших.

Вдоль лесопосадки были вырыты окопы, которые образовывали передний край линии обороны. Часть окопов была подготовлена для ведения боя, другая часть была отдана под бытовые и хозяйственные нужды. В каких-то окопах угадывались места для отдыха, где под навесом из тента лежали карематы и спальные мешки, в других размещался боезапас, в третьих были складированы сухие пайки. Часть окопов была перекрыта накатами из брёвен, и, по всей видимости, служила подобием защитных убежищ на случай миномётного или артиллерийского обстрела. В одном из окопов, накрытом навесом, тарахтел бензогенератор, и тут же стояли канистра с бензином, бутылка с водой от кулера, электрический чайник и банка растворимого кофе.

Пока принимали пищу, пришли пять бойцов, грязных с головы до ног, и мокрых.

- Командир, - сказал один. – Походу то, что мы задумали, сейчас получится.

- С коптера смотрели?

- Да, смотрели с «птички», потом сами ходили, думали справимся, но рассудили, что впятером это делать – силы слишком не равны, если будут двухсотые и трёхсотые, мы оттуда не выйдем.

- Ну, правильно подумали, - кивнул Рязань.

- Надо прямо сейчас, - поторопил боец. – Принимай решение!

- Доедаем, - приказал Рязань. – Заряжаемся, и идём...

Спустя полчаса четыре тройки с командиром взвода во главе, двинулись по лесопосадке в сторону противника. Прошли небольшую ложбинку, где пришлось мочить ноги в стоячей воде, затем нырнули в поле с почерневшим неубранным подсолнечником.

- Покер, что видно? – спросил Рязань по рации.

- Спят, - коротко ответил далёкий собеседник.

- Отлично, - глаза командира взвода штрафников радостно горели.

Пройдя примерно километр, Рязань развёл людей по сторонам, приказав затаиться, а командиров троек собрал возле себя. Больше обращаясь к Котлову и Копчёному, он быстро поставил задачу:

- Далее метров через триста будет грунтовка с отворотом. За ним – опорный пункт «Ангола». Мы уже неделю кошмарим их по ночам из миномётов, выматывая и истощая. Вчера нам даже повезло – мина влетела в блиндаж, сразу четверо двухсотых. Они их выложили у дороги, но эвакуации пока не было. Сейчас на опорнике двенадцать человек. И нас – двенадцать. Но они все спят. Если мы сблизимся с ними...

- Предлагаю разбиться на две группы... - начал говорить Котлов.

- Здесь предлагаю только я, - оборвал его Рязань, и, выждав паузу, продолжил: - Я иду первый, работаю по-тихому. Вы, Полкан и Копчёный, закрепляя успех, тройками идёте по окопам вправо и влево, валите всех, кого увидите. Остальные зачищают центральный блиндаж и принимают пленных. Как всё закончим, собираемся на отвороте дороги, потом уходим. Вопросы?

- Что, вот прямо уже можно стрелять там всех? – спросил Копчёный.

Котлов, Рязань и командир третьей тройки с позывным «Синяк» невольно улыбнулись.

- Не можно, - настоятельно сказал Рязань, подавив в себе смех. – А нужно.

- Отлично, - сказал Копчѣный. – Я долго ждал того момента, когда страна разрешит мне убивать!

- Лишь бы стране на пользу, - усмехнулся Синяк, который тоже было добровольцем из мест лишения свободы. – И нам тоже.

- Ещё раз, - Рязань посмотрел на Копчѣного: - Ты идѣшь вдоль окопов вправо. А ты, Полкан – влево. Начинаем по моей команде «работаем»! Все понятно?

- Понятно, - кивнул Котлов.

- Ну, тогда с Богом, - Рязань набожно перекрестился.

Дальше шли пригнувшись. Метров за сто до опорника Рязань достал из-под разгрузки бесшумный пистолет ПБ, зарядил его. Метров за пятьдесят он подал сигнал, чтобы все остановились, а сам крадучись, стал приближаться к окопу, где должен был находиться дозор.

Игорь чувствовал, как застучало его сердце, отдаваясь глухими ударами в висках. Пропала боль в коленях, пропало ощущение тяжести от того груза, который сейчас висел на нём.

- Если растеряетесь, - он на мгновение повернулся к своей тройке. – Делайте, как я. Понятно?

- Да, - тихо ответил Фрол.

- Ясно, - кивнул Геныч.

Впереди хлопнули два приглушённых выстрела, после которых раздался сдавленный крик. Потом послышалась какая-то возня, и снова сдавленный крик.

- Стойте пока здесь, - сказал Игорь. – Я гляну, что там.

- Не ходи, - предостерѣг Синяк. – Рязань даст команду, тогда и пойдѣм.

- А если он не может её подать? Там явно нештатная ситуация... - Не дожидаясь ответа, Котлов быстро двинулся вперед. – Стойте здесь, я сам справлюсь!

Вскоре он выскочил на грунтовку, пересѣк её и, миновав придорожные кусты, едва ли не уткнулся в бруствер окопа, в котором, скорчившись, сидел человек в форме ВСУ. Сразу за окопом боролись два человека – Рязань был снизу, а тот, что был сверху, душил его, обхватив руками шею.

Игорь, недолго думая, изловчившись, одиночным выстрелом разнёс врагу голову. Рязань мгновенно поднялся и заорал:

- Вперёд! Работаем!

Подхватив свой обронённый автомат, он метнулся вперёд, где виднелись точно такие же окопы, какие находились с другой стороны линии фронта.

Подбежали остальные тройки. Копчёный замешкался, но Игорь рукой указал, куда ему двигаться.

- Фрол, Геныч, за мной, - со своими бойцами он рванул влево.

Двигаясь вдоль опорника, Игорь буквально решетил из автомата всё, что казалось ему подозрительным. Идущий за ним Геныч не мог стрелять из своего пулемёта, так как ещё во время обучения хорошо усвоил правила безопасности, и только когда в самом конце позиции показался бегущий в тыл человек, Котлов дал громкую команду:

- Геныч, целься в пояс, короткими – огонь!

Геныч упал на землю, поставил пулемёт на сошку и несколькими очередями свалил свою цель. Зачистив фланг опорного пункта, и убедившись, что все встреченные им три человека признаков жизни не подают, Котлов со своей тройкой вернулся к центральной позиции.

Здесь на коленях стояли четыре человека, руки у которых уже были связаны строительными стяжками.

- Смотри, что есть, - Рязань подмигнул: - Видал такое?

Он потащил Котлова за рукав в сторону - в одном из окопов стоял пулемёт Максим.

- Ничего себе! – удивился Игорь.

- Мы когда опорник «Алжир» брали, там немецкий пулемёт МГ был, - сказал Рязань.

- Не от хорошей жизни... - сказал Игорь.

- Так, - заорал Рязань. – Встали, бегом марш!

Пленные подскочили и побежали в сторону позиций «оркестра». Боевые тройки, нагруженные неистраченным боезапасом, тяжело дыша, бежали следом. Через триста-четырееста метров уже стала сказываться лагерная физическая форма – бывшие заключённые едва ли не выплёвывали свои лёгкие, надрывно дыша.

- Полкан, обожди, - Фрол остановился. – Больше не могу.

Тут же рядом оказался Рязань:

- Надо бежать, - сказал он. – Сейчас они миномётами начнут крыть.

- Уж лучше миномётами, - проговорил Фрол, задыхающийся от перегрузки и уже не соображающий, что происходит.

Рязань достал ПБ:

- Я могу сразу, чтобы ты не мучился...

- Нет, - Фрол испуганно помотал головой и, собрав волю в кулак, побежал дальше.

Ввалившись в свои окопы и отдышавшись, Рязань по радиации сообщил командиру отряда о полном успехе набега, отсутствии потерь и попросил выслать БМП за пленными.

Только в это время на той стороне поняли, что произошло и начали миномётный обстрел – вначале своих позиций, а потом, после пролёта «птички», и позиций «оркестра».

Взвод укрылся в нескольких блиндажах.

- Я впечатлён, - заявил Копчёный. – Я двоих завалил! Это лучшее, что было в моей жизни! Я хочу ещё!

- Мне тоже понравилось, - сказал Геныч. – Я как дал очередь, прямо видел, как укроп перевернулся в воздухе!

Фрол сидел молча, вздрагивая от каждого разрыва. Какое-то время он слушал восторженные речи своих соратников, потом тихо сказал:

- Если каждый раз так нужно будет бегать, я лучше застрелюсь.

- А ты тренируйся, - предложил Поц. – Станешь сильнее.

- Поздно уже тренироваться, - ответил Фрол. – Недолго мне осталось. Я это прямо чувствую.

Котлов вдруг улыбнулся, вызывая интерес.

- Я, - сказал он. – Когда с проверкой на Донбасс приезжал, помню, что та сторона имела строгий лимит по снарядам и минам. Пятнадцать мин в сутки. А сейчас, смотрю, лимита нет. Кидают и кидают.

В этот момент обстрел прекратился. В блиндаж заглянул Рязань.

- Чего сидим? Дождь закончился, град давно уже не обещают. Выходим!

Бывшие заключённые выбрались из укрытия.

- Спасибо, Полкан, - Рязань хлопнул Котлова по плечу. – Сочтёмся.

После обеда обе боевые тройки копали окопы – совершенствование обороны должно быть непрерывным. Земля была податливой, и работа шла хорошо. Только Фрол бурчал, да Пончик быстро набил себе мозоли – вдруг выяснилось, что в силу строгой приверженности

воровскому укладу, он никогда в жизни не держал в руках ни метлы, ни лопаты.

- У тебя хорошая была школа жизни, - Поц глумился над своим товарищем, высмеивая его неумение выполнять элементарную, и такую здесь необходимую работу. – На лопату – запахло, да? А тут раз – и пригодилось. Как быть? Никого не заставишь – тут тебе в ответ каждый может голову прострелить...

- Да иди ты, - Пончик злился всё больше и больше.

- Перчатки надо надевать, чтобы не натирало, - советовал Копчёный. – Вот ты балбес!

- Да кто же знал, - продолжал мучиться Пончик.

Ближе к вечеру из штаба отряда вернулся Рязань, который отвозил туда пленных. Он привёз два тепловизора с целой пачкой батареек, по одному на боевую тройку, и быстро показал Котлову и Копчёному, как ими пользоваться.

- Сегодня днём мы совершили удачный налёт на позиции противника только потому, что такие атаки и мы, и они, ждём в основном ночью. Днём они расслабились, и утратили бдительность. В итоге мы взяли очень ценных пленных – два командира взвода, старшина роты и начальник медпункта второго батальона 53-й бригады. Они уже дают очень интересную информацию. Второй раз днём такой фокус не пройдёт. И сегодня, как мне кажется, они попытаются ночью нам отомстить. Отряд будет поднимать свои самолётики, а мы будем с земли наблюдать в «тепляки». Во взводе сейчас шесть боевых троек, будем ночью нести службу по две тройки по три часа. Один тепловизор на правом фланге, другой на левом. Ничего сложного.

Время дежурства тройки Котлова пришлось на вторую половину ночи. Забравшись в нору и укутавшись в чей-то спальник, Игорь попытался уснуть. Сегодняшний бой не выходил из головы: постоянно возникали образы убитых им людей. Сегодня он стрелял в таких же русских людей, каким был сам – это стало очень понятно, когда он говорил с пленными. Двое из них даже разговаривали без «гэканья», присущего украинскому языку и смешанному русско-украинскому суржику. Все они были мобилизованы с началом войны и направлены в действующую армию – конечно, никто у них не интересовался,

желает ли он воевать, или нет. Альтернатива была проста – стенка, нацисты из «Азова», команда «пли».

Между собой сейчас воевали две мировые системы, а то, что делали они это руками братских народов, было уже делом десятым.

А самим братским народам, вернее конкретным их представителям, которые сошлись друг с другом на переднем крае борьбы, оставалось только, приняв правила предложенной игры, пытаться выжить в этой огромной человеческой катастрофе.

Но самым для Игоря страшным было то, что он не испытывал жалости к убитым им людям. Их судьба оказалась для него безразлична. Что убитые, что пленные – они промелькнули в его жизни и исчезли навсегда. Не оставив никакого следа. Не вызвав никакого сопереживания.

Однако, вспоминая украинских солдат, так преступно (в первую очередь по отношению к самим себе) утративших бдительность и оттого потерпевших разгром, Игорь подумал, что в своих смертях они виноваты сами. С другой стороны, они были настолько сильно измотаны, имели едва ли не смертельный недосып, что определенно уже не могли адекватно реагировать на происходящее, допустив сон на передовой позиции. Потому что они зашли за ту грань, после которой на войне появляется абсолютное безразличие к собственной жизни – убьют, и ладно.

Впрочем, их командование было не меньше виновато в случившемся, продемонстрировав неспособность организовать ротацию передовых подразделений, чтобы люди могли отдохнуть, отодвинув наступление психологического безразличия к смерти.

Игорь вспомнил пулемёт Максим, который он увидел на опорном пункте «Ангола». После всех новостей о переполненности украинских подразделений новейшими видами западного вооружения, этот пулемёт, изобретённый в позапрошлом веке, говорил о реальном положении дел на этой войне. Кто-то зарабатывал на продаже оружия баснословные деньги, красиво отчитываясь на экранах телевизоров, тогда как в окопах солдаты были вынуждены использовать едва ли не музейные экспонаты. Игорь вспомнил – на украинских позициях он не увидел ни одного гранатомёта или противотанковой ракеты. Где всё это оружие? Где «НЛАУ», «Джавелины», АТ-4, «Стингеры»?

Котлов вспомнил свои махинации с деньгами, которые выделялись на обеспечение специальных мероприятий в самый канун войны. Как бы повернулась история, если бы все эти деньги были освоены должным образом? Если бы были созданы агентурно-боевые группы, места их базирования, был бы закуплен транспорт, передано специальное вооружение? Что было бы, если бы командование, при принятии стратегических решений по Украине использовало не высосанную из пальца информацию, преследующую лишь цель угодить высоким руководителям, а реальную, добытую по всем законам классики разведывательной деятельности? Вон, тот же Юра Чмырёв, которого все чмырили за его фамилию, оказался на высоте – потому что он реально работал. Игорь вспомнил, как Юра отказывался заниматься приписками, чтобы порадовать управление большим числом якобы завербованных агентов. Своим небольшим числом реальных агентов он сделал огромное дело – обеспечив практически бескровное освобождение значительной части юга Украины – при том, что ему выделялось наименьшее количество средств. Потому что он не желал вовлекаться во все эти коррупционные схемы. А потом война показала, кто есть кто. И сейчас Юра – начальник разведки группировки, полковник, а Игорь – командир боевой тройки, хотя тоже полковник – по какому-то непонятному недоразумению суд не стал лишать его воинского звания. Юра сейчас вытаскивал военную разведку из того болота, в котором она оказалась, благодаря таким, как Котлов и Исмаилов, а Игорь сейчас искупает свою вину, за то, что вверх военную разведку в трясину коррупции и очковтирательства. Не он один, конечно, вверх, но и он тоже.

Те огромные деньги, которые сопровождают разведывательную деятельность, теперь крутились где-то очень далеко, на недосягаемой для Котлова высоте, а ему сейчас оставалось только терпеть лишения, холод, недосып, голод и едва ли не физическое ощущение близости смерти, в скором наступлении которой он был полностью уверен. Где-то кто-то продолжал зарабатывать на войне, а ему теперь было уготовано видеть только результаты воровства – причем с самого низу.

Поспать ему удалось минут тридцать, как кто-то стал тормошить за спальник.

- Мужики, вставайте, хохлы идут.

Котлов, Фрол и Геныч выбрались из лисьей норы. В темноте Игорь разглядел возбуждённого Синяка.

- На правом фланге замечено движение, - сообщил Синяк. – Они идут по полю с подсолнухом, но не пригибаются, в «тепляк» видно несколько голов. Рязань сейчас там, на фланге, готовит встречу. Приказал вас тоже выводить на позиции.

Тройка по тропе, идущей по лесопосадке вдоль фронта, двинулась за Синяком. На правом фланге всё уже было готово к бою: две тройки изготовились для стрельбы, трое бойцов держали в руках термобарические штурмовые реактивные гранаты.

- Полкан, - Рязань ткнул рукой в подствольный гранатомёт, установленный на автомате Котлова. – Дальность двести, как всё начнётся, кидай туда всё, что с собой есть.

- Понял, - кивнул Игорь.

Он стал выкладывать ВОГи из разгрузки на грунт прямо перед собой, чтобы в бою не тратить время на их извлечение из кармашков. Геныч установил пулемёт, Фрол зарядил гранатомёт термобарической гранатой.

- Ну что там? – спросил Рязань. – Далеко ещё?

- Двести пятьдесят, - ответил наблюдатель.

- Приготовиться!

Игорь выставил прицел подствольного гранатомёта на двести метров, зарядил гранату.

- Не стреляйте, - вдруг послышалось спереди. – Мы идём сдаваться!

Котлов посмотрел на командира взвода:

- Такое уже было?

- Нет, - Рязань помотал головой.

- Мы сдаёмся, - снова крикнули со стороны поля.

- Всем на месте, один идёт сюда! – крикнул взводный и оглянулся на Котлова: - Правильно?

- Посмотрим, - ответил Игорь. – Пусть придёт вначале.

Вскоре начал раздаваться шорох и в темноте стал различим силуэт идущего человека.

- Стой, - скомандовал Рязань. – Оружие на землю.

Человек выполнил команду.

- Положил! – доложил он.

- Теперь иди прямо, на голос.

К позициям вышел худощавый солдат. Его быстро обыскали и связали руки.

- Мы решили сдаться, - сообщил он. – Мы мобилизованные, воевать никто не хочет...

- Сколько там человек?

- Семь, - ответил украинский солдат. – Со мной – семь.

- По одному, - крикнул Рязань. – На голос!

Из подсолнечника стали выходить люди, которые перед позицией складывали оружие, потом их досматривали и связывали.

- Нас отправили на штурм, - сообщил пленный сержант. – Показали рукой направление, сказали всех тут убить и немедленно возвращаться. Мы пока шли, решили, что лучше сдаться в плен, чем погибать.

- А с чего ты взял, что мы вас сейчас тут не прикончим? – спросил Рязань.

- Ни с чего, - ответил собеседник. – Мы знаем, что гарантий не будет никаких. Мы знаем, что вы – «оркестр». И вы – воины. А настоящие воины не убивают безоружного врага.

- Мне недолго тебя вернуть к вон той куче оружия, - парировал Рязань. – И расстрелять термобаром. Не надо мне тут сказки рассказывать, что должен делать воин, а что не должен.

- Чему быть – того не миновать, - отрешённо сказал сержант.

- Вас когда мобилизовали? – спросил Рязань, уже предопределив судьбу пленных.

- Неделю назад.

- А когда вывели на позицию?

- Два часа назад.

- Замечательно, - Рязань улыбнулся. – Будете у нас рекорсменами.

- Какими рекорсменами? – не понял сержант.

- По продолжительности пребывания на передовой, - ответил Рязань.

Командир взвода доложил в отряд о происшествии. Потом спросил Котлова, нужно ли сымитировать бой, чтобы та сторона услышала стрельбу, а по факту не возвращения «штурмовой группы», сделала вывод об их гибели.

- Зачем? – удивился Игорь. – Пусть пребывают в неведении. Чем враг меньше знает, тем лучше.

- Тоже верно, - согласился Рязань. – И хорошо, что мы их не убили.

- Почему? – спросил Игорь, не рассчитывая на глубокие откровения.

- Потому что мы, конечно, несём зло, но преследуем-то добро. Думаешь, мне нравится убивать? Нет, конечно. Это всего лишь моя работа. И на любой работе нужно оставаться человеком, и помнить, что там, - он посмотрел вверх, - всё сделанное нам зачтётся.

ГЛАВА 9

- Задача взвода – захватить вот это трёхэтажное здание, - Рязань собрал командиров троек и на планшете показывал спутниковый снимок посёлка, за который вцепились подразделения «оркестра», выжимая из него врага. – Основное направление нашего наступления – вот эта улица. Вначале по дому наносим удары термобаром, потом идём в атаку и занимаем его.

- Я так понял, что его уже брали? – спросил Котлов.

- Брали, - кивнул Рязань. – Но потом укроп выбивал наших, и всё начиналось сначала.

- А занимали только одно это здание, другие не занимали? – уточнил Игорь.

- Что ты сейчас хочешь мне сказать? – Рязань уже давно понял, что Котлов способен выдавать нечто оригинальное и толковое.

- Оборону здания лучше всего строить не только из него, - сказал Игорь.

- Объясни, - к чести командира взвода, он давно уже унял свои амбиции и старался слушать, что ему порой советовал Котлов, который был старше взводного едва ли не в два раза.

- Это прозвучит против логики, но всё же, - предупредил Котлов и продолжил: - Принцип здесь точно такой же, как и при обороне опорного пункта: наиболее мощные огневые средства мы размещаем на флангах, чтобы разить врага более результативным, фланговым огнём. Стрельба из дома по наступающему противнику не может быть фланговой, только прямой. Плюс к этому, если враг подходит вплотную к стенам, то из дома огнём стрелкового оружия поражать его уже невозможно. Но если мы занимаем, например, вот этот дом, и вот этот, то из них мы спокойно будет отбивать атаки фланговым огнём, и спокойно будет уничтожать всех, кто доберётся под стены трёхэтажки. В свою очередь эти дома мы легко сможем прикрыть огнём непосредственно с обороняемого дома. На эти удалённые огневые точки мы размещаем по одной тройке, да в самом доме три-четыре тройки, и мы спокойно его сможем удержать.

Рязань несколько мгновений молчал, потом сказал.

- Я с тобой полностью согласен, Полкан. Но указанные тобой дома выходят за пределы полосы работы нашего взвода.

- Для успеха дела можно расширить полосу, тем более, что это позволит здесь и здесь выполнить охват при штурме здания, - сказал Котлов.

Возразить было нечего, и Рязань удалился в сторону, чтобы переговорить с Громом. Вернувшись, он сообщил, что отряд принял решение придать взводу расчёт ПТРК и две дополнительные боевые тройки. Всё подкрепление прибыло во взвод на «Чекане», экипаж которого так же переходил в подчинение Рязани.

Начало штурма было намечено на раннее утро, и практически всю ночь Игорь не спал, провалившись в сон только за полчаса до намеченного времени подъёма.

Край посёлка уже был взят, и линия обороны проходила по частному сектору, упираясь в трёхэтажное здание администрации, которое переходило из рук в руки и являлось главным препятствием в деле дальнейшего продвижения. Весь вечер Игорь вместе с Рязанью разрабатывали план боя, в итоге доведя его до такого состояния, когда действия каждого человека были расписаны буквально поминутно. Рязань несколько раз радостно сказал, что никогда прежде не занимался таким глубоким планированием предстоящего дела, всегда отдавая успех сражения на откуп личной дерзости, смелости и случайной удачи.

Продвижение штурмовых групп должно было поддерживаться огнём выделенных средств и миномётной батареи, а сами штурмовые группы должны были прикрывать друг друга перекрёстным огнём. Непосредственно перед началом штурма по зданию ударили термобарическими гранатами, и в это же время миномётчики на максимальном темпе положили по цели двадцать дымовых мин, которые сделали невозможной работу вражеских пулемётчиков и гранатомётчиков.

«Чекан», в котором находилось пять боевых троек, пока не рассеялся дым, быстро проскочил открытое пространство, высадил бойцов и успел вернуться в укрытие. Штурмы сблизилась с домом, и, закидывая окна гранатами, ворвались вовнутрь.

Котлов не чувствовал страха – перед боем он успел настроить себя на мысль, что его здесь непременно убьют, а раз смерть неминуема и

неотвратима, то зачем последние минуты своей жизни праздновать труса? Нужно жить на полную катушку.

Продвижение по зданию шло трудно. Вначале забрасывали очередное помещение гранатами, потом шли, расстреливая всё, что видели. Первый этаж взяли быстро, и тем самым отрезали отступление тем, кто был выше.

- Сдавайтесь, - возбуждённо орал Копчёный.

- Да пошёл ты... - отвечали сверху.

Игоря удостоили чести носить рацию, и он попросил командира взвода ударить термобаром по второму этажу.

- Мы же вас накроем, - возразил Рязань.

- Мы укроемся, - ответил Котлов.

Два термобарических заряда очистили лестничную площадку и примыкающие помещения, что позволило двум слегка контуженным тройкам подняться на второй этаж. Копчёный, жаждущий вражеской крови, немедленно рванул по коридору, поливая огнём из автомата.

- Ура! За Родину!

- Стой, дурак! – крикнул Игорь. – Вернись!

Копчёного вполне ожидаемо срезали из прилегающего помещения, перебив ему ноги, а когда он упал, его тут же добились градом пуль. Спустя мгновение сверху стали кидать гранаты, и Котлову пришлось укрыться в одной из комнат. На лестнице остались лежать раненые Поц и Фрол. Пончик и Геныч успели заскочить в другое помещение и теперь оттуда опасливо выглядывали на лестничную площадку.

- А-а-а, - орал Поц. – Я ранен!

Игорь быстро оценил обстановку и снова вышел на командира взвода, который управлял боем из безопасного места.

- У меня два трёхсотых, нужно вытащить! Ударь термобаром по третьему этажу.

- Держи!

Игорь зажмурился и прикрыл уши – сверху пыхнуло жаром и словно доской ударили по всему телу. В голове жутко зазвенело. Он подскочил, и, подбежав к раненым, ухватил их обоих. Вкладывая все силы, Игорь рывком затащил их в соседнее помещение, куда не могли долететь гранаты, бросаемые сверху.

- Оказывайте помощь! – приказал он Пончику и Генычу.

Стремясь использовать результаты нанесённого по третьему этажу удара, он быстро перезарядил магазин, и побежал вверх по лестнице. На лестничной площадке третьего этажа лежал один, а в начале коридора ещё один вражеский боец. Быстро проконтролив их на всякий случай, Игорь свернул в помещение слева – там были ещё двое, сидящие у стены и приходящие в себя после разрыва. Расправившись с ними, Котлов метнулся в помещение напротив, но там уже все были мертвы.

«Сейчас и меня сложат», - мелькнула мысль.

Им овладела полнейшая апатия и безразличие к собственной жизни. Всё, что сейчас происходило перед его глазами, он стал принимать так, как будто просматривает кино. Как будто это происходило не с ним, а с кем-то другим, чья смерть никак не отразится на нём самом. Если всё это вдруг надоест, то можно просто выключить наскучивший телевизор. Печаль ситуации состояла лишь в том, что телевизор мог выключить кто-то другой.

Котлов просто шёл по этажу и стрелял во все стороны. Бросал гранаты, пока они не закончились. Когда закончились патроны, он подобрал два полных магазина у убитого им же солдата ВСУ. За ним смогла подняться ещё одна тройка, ведомая Синяком, которая помогла зачистить этаж. Враг оказался зажатым на втором этаже, и в какой-то момент боя пехота противника стала прыгать со второго этажа, где их перебили две тройки, которые зашли с флангов.

Синяк доложил о взятии дома. Игорь сел на лестнице, вытер с лица кровь.

- Ты ранен, - сказал Синяк. – Смотри – здесь, и ещё здесь. Давай помогу...

Котлов положил автомат на пол и поднёс к лицу свои ладони – они тряслись.

- Мы взяли дом? – спросил он.

- Да, - ответил Синяк. – Полностью.

- У нас большие потери?

- Благодаря тебе – нет. Два двухсотых и три трехсотых. До этого любой штурм обходился нам сильно дороже.

- Фланги выставили?

- Да, тройки зашли в соседние дома.

- Организовали их прикрытие?

- Организовали... - Синяк стянул жгутом левую руку и ножницами стал резать рукав, стараясь найти ранение.

- Я что, ранен? – спросил Игорь.

Ему самому продолжало казаться, что всё происходит не с ним.

- Да, - ответил Синяк. – Не дёргайся. А, вот, вижу... пулевая, сквозная.

Закрыв рану гемостопом, Синяк заклеил её пластырем. Потом так же закрыл ещё три осколочные раны.

Пришёл Рязань.

- Это просто прекрасно, - сказал он. – Как по нотам. Первый раз такое вижу.

- Они сейчас в ответ попрут.

- Как попрут, так и встретим, - ответил Рязань. – Ты давай, вали в госпиталь. Мы тут сами уже всё удержим.

Однако, организовать вывоз раненых не успели – началась контратака. Вначале по зданию ударили артиллерией и два снаряда даже разорвались на этажах, убив раненого Фрола. Потом на прямую наводку вышел танк, который принялся разбирать дом по кирпичикам.

Игоря к этому времени уже отпустило, и он едва подавлял в себе панику от осознания сложившейся обстановки и перспектив сопротивления. Начавшийся штурм, поддержанный танком, впечатлил его своей напористостью. Пока Рязань расставлял по окнам людей, Котлов несколько минут рассматривал окрестности, после чего подозвал Геныча:

- Бери ракету и беги за мной!

Всё тело представляло собой одну сплошную боль, но уже было совсем не до боли – если не остановить танк, то через десять минут здесь некому будет держать оборону. Игорь достал из разгрузки две дымовые шашки и бросил их в окно, затем схватил сложенную треногу противотанкового комплекса с пусковым устройством, и, пробегая мимо Рязани крикнул:

- Прикройте!

Командир взвода, не став уточнять, куда побежал Полкан, отдал команду на открытие огня. Прикрываясь дымом и отвлекающим огнём, Игорь проскочил простреливаемый участок и оказался во дворе частного сектора. Геныч бежал за ним, двумя руками обняв тубус противотанковой ракеты.

- Сюда, - Котлов пробежал насквозь еще несколько дворов и завалился под каким-то сараем.

Геныч свалился рядом.

- Так... - Игорь встал на колени и начал раскладывать треногу. – Дай бог памяти...

Первый и последний раз он работал с ПТРК «Фагот» двадцать лет назад, когда был командиром мотострелкового взвода. Механическая память быстро напомнила ему всё, что нужно было сделать, чтобы привести пусковое устройство в боевое положение – спасибо товарищам Василию Грязеву и Аркадию Шипунову, которые создали сложнейшую ракету, сделав её предельной простой и интуитивно понятной в управлении.

Установив ракету, Котлов прильнул к прицелу. Танк находился примерно в километре от него, и был хорошо виден.

- Держи, фашист, гранату... - Игорь совместил точку прицеливания с большим белым крестом, намалёванным на борту танка, и потянул спуск.

«Фагот», обдав расчёт пламенем, рванул к своей цели. Котлов, вращая рукоятки управления, хладнокровно вёл ракету, для себя твёрдо решив, что если сейчас его будут обстреливать – он будет держать марку прицела на цели до самого конца – или своего, или танка.

Несколько секунд, которые требовались ракете для преодоления километровой дистанции, показались Игорю вечностью. И когда танк окутался дымом, а спустя мгновение башню сорвало ярчайшим пламенем взрыва боекомплекта, Котлов уже буквально расстался со своей жизнью. Подрыв танка он встретил громким криком, возвращающим его к жизни.

- А-а-а!

Теперь нужно было быстро уходить из этого места. Вернувшись в трёхэтажку, Игорь сразу включился в отражение атаки пехоты, которая, лишившись поддержки танка и попав под фланговый огонь двух пулемётов, быстро ретировалась, оставив на поле боя десятков убитых и раненых солдат.

К моменту наступления затишья Котлов выяснил, что Рязань погиб – его убило последним выстрелом танка, разорвав на куски. Погибло ещё пять человек, многие были ранены. Игорь поднял рацию, которая

была у Рязани – она оставалась цела и даже голосом Грома требовала выйти на связь.

- На связи Полкан, - хрипло сказал Котлов.

- Где Рязань? Дай ему станцию!

- В ходе отражения атаки Рязань погиб, - сказал Котлов.

Некоторое мгновение Гром молчал, потом сказал:

- Полкан, доложите обстановку.

- Объект захвачен, контратака противника отбита. Мной уничтожен один танк. Потери: я видел семь двухсотых, остальные ранены. Нужны огурцы.

- Я тебя понял, Полкан. Жди, подвезём огурцы и свежую махру.

- И воды привезите, - попросил Игорь. – Пить хочется, а взять негде.

- Привезём, - сказал Гром, и через мгновение добавил: - Ты это, Полкан... принимай взвод.

- Есть принять взвод, - ответил полковник Котлов. – Спасибо за доверие, товарищ...

- В армии я был гвардии майором, - сказал Гром. – «Как белая сирень под каблуком сапог». Конец связи, Полковник!

- Конец связи.

Почему-то Игорь не удивился, что Гром знает его воинское звание. Наверняка командиру кратко доводили информацию о тех, кто приходил в отряд «исправлять свою вину». Однако, в слове «полковник», произнесённом командиром отряда, он скорее расслышал не воинское звание, а свой новый позывной, более уважительно характеризующий его, как командира.

Теперь уже «целого» командира взвода.

В госпитале Игорь пробыл несколько дней, в течение которых ему зашили и обрабатывали раны, отказавшись извлекать глубокие осколки. Сюда же привозили раненых вэсэушников, попавших в плен. Врачи не разбирали, кто из раненых какой армии принадлежит. Даже не потому, что так велит врачебная этика, а потому что одетых в госпитальную одежду людей различить реально было невозможно. Украинский пленный мог говорить на русском языке без украинского акцента, а раненый русский солдат мог говорить на суржике.

Медицинский персонал просто делал своё дело – спасал человеческие жизни.

Как только раны показали положительную динамику, Котлова вернули в отряд. Гром распорядился, чтобы Полковнику создали условия, в которых он мог долечить свои лёгкие раны.

Пребывая эти дни в штабе отряда, Игорь с большим удивлением увидел отсутствие безмерного количества отчётов, засилье которых продолжало создавать в армии совершенно ненужное напряжение, которое отвлекало командиров от решения реально необходимых боевых задач. Здесь всё было чётко: вот потребности, вот вытекающие из потребностей возможности, вот логистика доставки, вот результаты использования.

- Мне не нужна никакая гуманитарная помощь, - говорил Гром. – Всё, что мне необходимо для решения поставленной задачи – у меня будет в тот момент, когда это будет нужно. Я просто набираю по телефону Шефа и говорю, в чём у меня возникла потребность.

Игорь вспомнил про тепловизоры, которые привозил на передок Рязань – в ту ночь они действительно были крайне необходимы, и они были выданы. И они отработали на все сто, обеспечив пленение целой группы украинских мобилизованных. Впрочем, с тем же успехом они могли обеспечить и их уничтожение, если бы так решил командир взвода. Что, собственно, не отменяет их ценности.

Захваченное трёхэтажное здание послужило основой для дальнейших действий, и уже через три дня посёлок был полностью очищен от украинских подразделений – враг был вытеснен за околицу, где в поле он долго продержаться не мог.

В день, предшествующий возвращению Котлова в свой взвод, его вызвал командир отряда.

- Дело есть, Полковник.

- Слушаю... - Игорь встал в проходе.

- Ты разведчик – ты поймёшь...

- Слушаю внимательно!

- В общем, смотри. В нашей системе есть своя разведка. Выстроена она прекрасно – всё работает, всё крутится, мы всё видим и всё слышим. Есть у нас и агентурные возможности, с помощью которых мы решаем огромный круг задач, начиная от вскрытия целей, для нашей и армейской артиллерии и авиации, и заканчивая

подтверждением результатов огневого поражения. Иногда во вражеском тылу мы дотягиваемся до статусных людей, о ликвидации которых никакая украинская пропаганда, естественно, не напишет. Ну, и источники информации, само собой, у нас самые высокопоставленные.

- Здорово, - кивнул Игорь.

- Так вот. Во многом успех нашей разведки определяет всего один человек, который когда-то, много лет назад, устал мимикрировать под разведчика в «новом облике» и перешёл работать в нашу компанию. Именно он создал всю нашу агентурно-боевую сеть, существующую сейчас на Украине... впрочем, и в некоторых других странах мира. В общем, сейчас он действует совсем недалеко отсюда и завтра ему нужно обеспечить коридор для выхода на нашу сторону. Он возвращается после выполнения заданий особой важности. Я подумал, что ты вполне справишься. Делов-то – проехать на трофейном пикапе через линию фронта, встретить его в назначенном районе, и вернуться обратно. На всё про всё – часа четыре, не больше.

- Не боишься, что я уйду? – спросил Котлов.

- Спасибо за честный вопрос, - усмехнулся Гром и ответил: - Нет, не боюсь.

- Почему?

- Потому что тебе это не надо. И людям, с которыми ты пойдёшь – тоже.

- А с кем я пойду?

- С теми, кого считаешь нужным.

- Из моих остались Геныч и Пончик, Поц в госпитале прохладждается. Пончик, кстати, водителем был до зоны.

- Вот и отлично. Сейчас я распорядюсь, чтобы их сюда привезли, получите машину, попробуйте на ней поездить, а завтра рано утром двинете в путь.

Геныч и Пончик приехали часа через три, и Игорь быстро поставил им задачу.

- В общем, пацаны, дело нам такое доверили... важное очень.

- С тобой – хоть куда, Полковник, - сказал Геныч.

- Рано утром выходим за линию фронта, в тыл к противнику. Нужно проехать около десяти километров, забрать человека и вернуться с ним обратно. Ничего сложного...

«Лэнд-Ровер» в исполнении пикапа вызвал у Пончика бурю восторга.

- Да я никогда на таких дорогих машинах не ездил, - сказал он. – Если пацаны во дворе узнают – сгорят от зависти.

- Ты реально – водитель? – Игорь усомнился в способностях своего бойца.

- Да, - ответил Пончик. – Права за полгода до суда получил...

Он сел за руль, завёл двигатель, попробовал тронуться с места, затем прокатился вперёд по улице посёлка, вернулся назад.

- Ну как? – спросил Котлов.

- Супер! – счастью Пончика не было предела. – Я за такую машину жизнь готов отдать. Во сне такую машину водил, мечтал о такой...

На пикап поставили украинские военные номера, а каждому участнику предстоящего заезда выдали воинские документы, ранее изъятые у пленных. Дополнительно Котлов получил бесшумный пистолет, четыре реактивные гранаты и пулемёт. Согласно разработанному замыслу, по всему маршруту их должен был сопровождать разведывательный беспилотник, который теоретически мог предостеречь экипаж от внезапной встречи с противником.

Кроме того, разведчики два дня летали над вражеской территорией, выявляя наиболее оптимальный маршрут, который был внесён в планшет, выданный Котлову. Вечером участников операции одели в украинский камуфляж, и теперь они вообще не отличались от представителей вражеской армии.

Как только Игорь лёг на нары, он мгновенно уснул, и сном младенца проспал до того момента, как его разбудили:

- Полковник, вам пора...

Провожать группу вышел сам командир отряда.

- Удачи, вам, мужики, - Гром пожал руки Геньчу и Пончику.

Повернулся к Котлову.

- Давай, Полковник, сделай всё хорошо, - командир отряда обнял Игоря.

- Обязательно, - кивнул Котлов.

В машине была установлена радиостанция, которая должна была обеспечить связь на всю глубину выезда. Гром рекомендовал больше слушать, чем говорить, чтобы враг не смог запеленговать

автомобильную станцию, а равно и местонахождение источника излучения.

Рвануть через линию фронта предстояло через поле с неубранным подсолнухом, после которого можно было какое-то время проехать по асфальтовой дороге, до войны бывшей одной из важнейших трасс Донбасса. Далее нужно было свернуть в поле, пересечь его и выйти на сельскую грунтовку, которая и должна была привести к месту встречи возле разбомбленной метеостанции.

Чтобы переход линии фронта остался незамеченным, по плану вывода было предусмотрено нанесение артиллерийского удара по ближайшему опорному пункту, с которого просматривалась необходимая для движения полоса. По опорнику ударили зажигательными «градами», затем добавили дымовыми снарядами, и гарнизону опорного пункта некоторое время было не до наблюдения за окружающей обстановкой. Под это дело «Ленд-Ровер» и прорвался на дорогу.

- Кажется, прошли, - Котлов осматривал окрестности. – Дай то бог...

Пончик уже освоился с управлением, и, надувая от собственной важности щёки, топил педаль в пол.

- Впереди чисто, - доложила рация голосом оператора БПЛА.

- Отлично, - Котлов вслух озвучил свои мысли.

Он смотрел то на местность, то на планшет, с удовлетворением отмечая, как они все ближе и ближе становятся к точке встречи.

Впереди показался грузовой КраЗ, идущий навстречу. Геныч открыл люк в крыше и взялся за пулемёт.

- Не надо, - Игорь успел ухватить его, прежде чем тот попытался высунуться. – Не надо определяться. Спокойно проедем мимо и всё...

- А если срисуют?

- С чего? – спросил Котлов. – Мы такие же, как и они.

КраЗ пролетел мимо, как ни в чём не бывало.

- Пронесло... - выдохнул Геныч.

Миновали небольшой хутор, откуда были эвакуированы жители, и квартировало какое-то артиллерийское подразделение. Машины и орудия были тщательно затянuty маскировочными сетями, праздношатающихся людей видно не было.

- Хорошо, что у них такая маскировка, - усмехнулся Игорь. – Нам на пользу.

Как только он это сказал, на выезде из хутора показались три человека, стоящие у дороги. Один из них взмахнул рукой, приказывая остановиться.

- Разговаривать буду я, - предупредил Котлов. – Геныч, держи пулемёт наготове!

- Хорошо, - ответил пулемётчик.

Пончик остановил машину, и из-за нервотрёпки перепутал педали и пикап заглох.

- Документы! – военный подошёл к машине.

- Це заборонено, - Игорь как мог, изобразил на лице пренебрежение и свой загадочно-высокий статус.

Пончик провернул ключ и двигатель завёлся.

Посмотрев на Котлова, а вернее на его выражение лица, вэсэушник потерял к нему интерес и отвернулся, ничего не сказав.

- Поехали, - тихо сказал Игорь.

Машина тронулась с места, Пончик перестарался с перегазовкой при начале движения и двигатель взревел. Переключившись с первой на вторую, он начал разгонять машину. Получилось очень криво, что выдавало в нём неопытного водителя.

- Отвернулись, - сказал Геныч, наблюдая за врагом.

Котлов поставил ПБ на предохранитель и засунул его под разгрузку.

Вскоре дорога ушла в поле и далее пошла вдоль лесопосадки. В одном месте они проехали мимо солдат ВСУ, копающих окопы, которые приветливо помахали вслед.

- Вот про них мне не сказали, - Игорь посмотрел в планшет. – Наверное, с воздуха не увидели.

Через пару километров впереди показалось разрушенное здание метеостанции.

Эвакуация прошла вполне буднично. Как только машина снизила скорость, проезжая мимо развалин, откуда ни возьмись, появился человек в украинской военной форме с небольшим рюкзаком на спине и автоматом в руках. На бегу он сравнялся с машиной и сноровисто запрыгнул в кузов пикапа. Увидевший его краем глаза, Котлов подумал, что где-то раньше с этим человеком встречался.

По маршруту возвращения предстояло проехать полукругом около десяти километров, минуя выявленные дорожные посты и размещение каких-либо подразделений. Километров за пять до линии фронта, они въехали в густой лес и остановились – здесь нужно было дождаться команды для дальнейшего выдвижения. Обеспечивающим выход нужно было нанести удар и ослепить опорный пункт, мимо которого предполагалось вернуться на свою территорию.

- Минут десять нужно подождать, - сказал Котлов и повернулся назад.

Человек сидел в кузове лицом назад, не проявляя интереса к тем, кто его встретил.

«Кто же это такой?» - мелькнула мысль. «Откуда я его знаю?».

Котлов собирался уже выйти из машины и подойти к эвакуируемому, чтобы прояснить для себя свои догадки, но в последний момент сдержал себя, решив не докучать сейчас разведчика своими вопросами. Вот как вернёмся назад, там и можно будет поговорить.

- Зелёный, - сказал по рации оператор разведывательного беспилотника.

- Погнали, - Котлов возбуждённо взглянул на Пончика. – Чего не заводишься?

Водитель завёл машину, и некоторое время они ехали прямо по жидкой лесопосадке, объезжая крупные деревья, затем выбрались на грунтовую дорогу. Вдали виднелись высокие трубы какого-то завода, чуть ближе стояли опоры линии электропередач. Машина шла по небольшому пригорку, из-за чего было видно далеко вокруг.

«Но и нас видно», - подумал Котлов.

Впереди послышались частые разрывы – это был прилетевший по опорному пункту пакет «Града».

- Поднажми, - сказал Игорь.

Пончик прибавил газу. В этот момент впереди, за изгибом лесопосадки, показался MRAP и стоящий рядом с ним БТР М113. Несколько солдат находились вокруг этих машин.

- Стой, - сказала рация. – Впереди две боевые машины.

- Поздно, - сказал Котлов скорее самому себе. – Геняч, приготовься. Возьми в руки две гранаты, выдерни кольца, и держи.

Если начнётся заруба, кидай их, а потом секи из пулемёта, будем прорываться!

- Сделаем! – Геныч закашлялся.

Он взял две «Эфки», выдернул кольца и до побеления сжал пальцы.

- Кто такие? – спросил офицер, взмахом ладони приказав остановиться.

- «Холодный яр», - ответил Котлов, стараясь придать словам украинский акцент.

- Документы!

- Цэ заборонено! – повторил он волшебную мантру, которая хорошо работала по обе линии фронта при соответствующем визуальном сопровождении – Котлов придал своему лицу вид жутко засекреченного сотрудника невесть какой важной службы.

- Выходите из машины, - офицер оказался не падох на антураж.

- А ведь мог бы жить, - сказал Котлов и, выставив в открытое окно свой ПБ, разворотил офицеру грудь.

Сбоку хлопнули запалы, раздался предостерегающий крик, автоматная очередь, потом раздалась два близких взрыва гранат. По машине ударили осколки. Пончик выпученными глазами смотрел на Котлова, который завис на мгновение в принятии решения, но потом вдруг открыл дверь и выскочил из машины.

- Стой! – крикнул он водителю. – Без меня не уезжай!

Сверху уже оглушительно и безостановочно работал пулемёт Геныча. Вскинув автомат, Игорь застрелил ближайшего к нему солдата, а когда тот упал, Котлов побежал к открытой корме бронетранспортёра, боковым зрением увидев, как эвакуируемый разведчик парой точных выстрелов попал в пулемётчика, торчащего из «скворечника» бронированного грузовика.

Обогнув БТР, Игорь пустил внутрь длинную очередь, а затем, отскочив к борту, бросил туда гранату.

Вся расправа заняла не более минуты, а может и меньше. Проконтролив всех семерых, Игорь вернулся в машину, надрывно дыша.

- Ну, теперь погнажи!

Пончик надавил газ, и машина резко прыгнула вперёд.

- Я ранен, - сообщил Геныч. – Кажется, осколками гранат. В руку и бок.

Игорь обернулся и быстро осмотрел своего бойца.

- Нормально, - сказал он. – Сейчас перевяжем, и всё будет хорошо.

Извернувшись, чтобы наложить повязку, Игорь через заднее стекло посмотрел на разведчика. Тот был обращён назад, держа автомат в готовности к открытию огня.

«Наверное, если бы он был ранен, то попросил бы помощи», - подумал Котлов.

- Парни, да вы красавчики, - сказала рация. – Проход открыт. Гоните быстрее!

Игорь выругался.

- Мог бы предупредить вовремя, - сказал он в сторону рации, побоявшись сказать это в эфир – чтобы не запеленговали.

Пончик выжимал из машины всё, что она могла. Пикап буквально летел над дорогой, подпрыгивая на ухабах. Однако, нам никогда не ведомо, что будет впереди – мы предполагаем, а судьба располагает.

Несущийся по грунтовке «Ленд-Ровер» влетел в очередную яму, из которой вдруг полыхнуло огнём и потоком тугого воздуха. Пикап взвился вверх, его понесло боком, а потом закрутило. Разведчика выбросило из кузова, Геныча, только что высунувшегося в люк, размазало по крыше, отрывая ему руки и голову, Пончика взрывом зажало в машине, раздробив ему ноги. Автомат, вставший в проёме бокового окна, воспрепятствовал выбрасыванию из машины Котлова, и он так и остался в кабине, пока машина не остановила свои кувырки на крыше.

Придя в себя, Игорь попытался выбраться из груды металлолома, которая ещё несколько секунд назад гордо называлась «Ленд-Ровером». Ему это удалось не сразу. В момент, когда он ужом выскользнул из измятой кабины, под капотом, там, где ещё недавно был двигатель, полыхнул огонь.

Пончик пришёл в себя и дико орал – он был переломан и зажат колонкой руля. Из его разорванных взрывом ног фонтанировала кровь. Положение тела Геныча не оставляло сомнений в его состоянии.

Котлов отскочил от машины. Пламя разгоралось.

- Я не могу тебе помочь... - прошептал он, глядя на страдальческий взгляд водителя, которого уже охватывало пламя. – Прости, Пончик, прости...

Находиться рядом было уже невыносимо горячо, и Игорь, отпустив руку водителя, сделал несколько шагов назад.

- Помоги... - орал Пончик. – Застрели меня! А-а-а! Быстрее!

Движимый лучшими побуждениями, желая избавить своего боевого товарища от невыносимых мучений, Игорь вынул из-под разгрузки ПБ и прицелился. Пончик перед самым моментом смерти зажмурился и вдруг улыбнулся – спасение от нестерпимой боли было уже близко. Выстрелив, Котлов повернулся и пошёл к месту подрыва, в надежде найти разведчика.

Тот сидел на земле, схватившись за голову.

- Мина? – спросил он.

- Похоже, - ответил Игорь. – Вставай, надо идти... пока коридор открыт.

- Да, сейчас...

Он еле поднялся, проверил, что рюкзак находится на нём, нашёл на земле свой автомат.

- Куда идти?

Игорь махнул рукой в сторону, где артиллерия в этот момент добавляла огня по опорному пункту.

Таясь, они сошли в лесопосадку, затем свернули в пойму ручья и некоторое время шли прямо по воде.

- Тебя же Игорь зовут? – вдруг спросил разведчик.

- Игорь, - ответил Котлов, морщась от боли – похоже, несколько переломов он всё же получил.

- Котлов? - продолжил собеседник.

- Да, - кивнул Игорь.

- Мы служили с тобой, - сказал разведчик. – Ты не помнишь меня?

- Нет, - честно сказал Котлов.

- Если сказать, что наша встреча очень неожиданная, то это ничего не сказать, - сказал разведчик.

- Почему же? – удивился Игорь.

- Ну как же... - собеседник усмехнулся. – Вот кого-кого, а тебя я здесь меньше всего ожидал увидеть. Даже так – вообще не ожидал.

Игорь шёл впереди и не видел лица разведчика, но помня его образ, старательно перебирал в голове всех своих сослуживцев. Но никто не укладывался в этот образ. Котлов остановился и осмотрелся.

- Нам вот туда, - сказал он, указывая рукой вперед. – За той лесопосадкой нас будут ждать. Идти осталось минут десять.

В этот момент откуда-то сбоку раздались рёв двигателей боевых машин, потом крики, и тут же простучала автоматная очередь.

- Они где-то здесь, в пойме, - издали раздался громкий голос.

- Попали... - вырвалось у Игоря. – Давай вправо.

- Нет, - возразил разведчик. – Вправо нельзя. Они специально нас туда загоняют. Орут с одной стороны и молчат с другой. Лучше пошли на голос. Их там должно быть меньше, если они не последние дураки.

У Игоря в разгрузке оставалось четыре автоматных магазина, три гранаты и бесшумный пистолет, его автомат погнуло при подрыве, и он его выбросил. У разведчика, наоборот, с «варбелта» оторвало подсумки с магазинами, но он смог сохранить автомат. Игорь передал ему два магазина.

Услышав впереди шорох, они легли. Еще через минуту сквозь заросли они увидели двух человек, один из которых громко крикнул:

- Пацаны, заходим отсюда! Идём цепью!

Игорь привстал и прицелился. Выбрав момент, он выстрелил в голову одному, а потом успел два раза попасть в спину второму.

- Неплохо, - в пику моменту сказал разведчик. – Раньше ты вообще стрелять не умел.

- Жизнь научила, - Игорь посмотрел на своего соратника, и вдруг его словно ударило молнией – он вспомнил, откуда знал этого человека.

Они вышли на поляну, где лежали два тела. Игорь поднял с земли автомат.

- Смотри, - Котлов глянул в глаза разведчику. – Здесь осталось совсем не много. Но двоих они нас обязательно примут, потому что идут по пятам. Поэтому делаем так: ты уходишь дальше, до той лесополосы, а я остаюсь здесь, и сколько могу, столько их и держу. За лесополосой уже наша территория. Там тебя встретят.

- Нет, так не пойдёт, - возразил разведчик. – Мы идём вместе.

- За твоё возвращение отвечаю я, и больше никто. Поэтому моё решение такое – я остаюсь прикрывать тебя, а ты уходишь. Тебе обязательно нужно вернуться. Хотя бы для того, чтобы исправить все мои грехи...

- Какие грехи? – не понял собеседник.

- Грехи всей моей жизни, - ответил Игорь, скорее загадкой, чем понятным ответом. – Я, по своей дурости, своими руками убил военную разведку. А ты её сейчас восстанавливаешь...

- Ты должен идти со мной, - сказал разведчик.

- Нет, - сказал Котлов.

Ему было уже совершенно безразлично, какие лично его ждут последствия принятого им решения. Он чётко знал, что его ждёт, а потому, в стремлении к главной цели своей жизни, уже пребывал в состоянии презрения к смерти.

– Ты иди, тебе нужно жить. Чтобы... - он ещё что-то хотел сказать, но где-то рядом послышалось движение. – Всё, уходи. Я их задержу.

Разведчик не стал ждать, и сделал несколько шагов в сторону линии фронта. В его рюкзаке лежали такие документы, которые ни при каких обстоятельствах не должны были попасть в руки врага, и в которых сейчас остро нуждалась вся разведка огромной страны.

- Андрей, - позвал его Игорь, наконец-то решившись.

Разведчик повернулся.

В голове ураганом неслись мысли, которые Игорь должен был сейчас сказать. Вполне очевидная скорая смерть убирала сейчас все предрассудки в его сознании. Чего-то таить и скрывать, больше было нечего. Перед лицом смерти абсолютно всё, что не уйдёт с тобой в Вальхаллу, утрачивает свой смысл. А уйти с тобой может только одно. То, что движет всей нашей жизнью. То, чего сейчас у него не было. И по большому счёту не было никогда.

- Андрей. Расскажи ей как я погиб. И пожалуйста, береги её всегда, и будьте счастливы.

Командир штурмового взвода полковник Игорь Котлов повернулся, и на ходу перезаряжая автомат, двинулся навстречу врагу.

Луганск – Москва – Владивосток
ноябрь-декабрь 2022 года

*в произведении упомянуты радикальные террористические организации, запрещённые на территории Российской Федерации.

FB2 document info

Document ID: e0a09edb-4623-46e2-b05b-6c26e5343997

Document version: 1

Document creation date: 30.12.2022

Created using: calibre 2.49.0, FictionBook Editor Release 2.6.6
software

OCR Source: Книга предоставлена автором

Document authors :

- Алексей Суконкин
https://t.me/A_S_Sukonkin

